

HYROTNEKA

ЖУРНАЛ ПО ИСТОРИИ
АНТИЧНОЙ ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ

А К В И Л О Н

AQUILO PRESS

Hypothekai

JOURNAL ON THE HISTORY
OF ANCIENT PEDAGOGICAL CULTURE

ISSUE 10

THE UPBRINGING AND EDUCATION
OF THE HERO

THE WORLD OF ADULTS
AND THE WORLD OF ADOLESCENCE

2026

Hypothekai

ЖУРНАЛ ПО ИСТОРИИ АНТИЧНОЙ
ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ

ВЫПУСК 10
ОБУЧЕНИЕ
И ВОСПИТАНИЕ ГЕРОЯ
МИР ВЗРОСЛЫХ
И МИР ВЗРОСЛЕЮЩИХ

2026

Hypothekai

JOURNAL ON THE HISTORY
OF ANCIENT PEDAGOGICAL CULTURE

ISSUE 10 (2026)

EDITOR IN CHIEF

Victoria K. PICHUGINA, Dr.Sc. (Education) (Moscow, Russia)

DEPUTY EDITOR-IN-CHIEF

Andrej Yu. MOZHAJSKY, Cand.Sc. (History) (Moscow, Russia)

EDITORIAL BOARD

Lyudmila N. AKSENOVSKAYA, Dr.Sc. (Psychology), (Saratov, Russia); Nina A. ALMAZOVA, Cand.Sc. (Art History), (Saint Petersburg, Russia); Evgeniy V. AFONASIN, Dr.Sc. (Philosophy), (Kaliningrad, Russia); Anna S. AFONASINA, Cand.Sc. (Philosophy), (Kaliningrad, Russia); Alexander G. BERMUS, Dr.Sc. (Education), (Rostov-on-Don, Russia); Adam FIJALKOWSKI, PhD, (Warsaw, Poland); Alexander A. KLEYMEONOV, Dr.Sc. (History), (Tula, Russia); Emiliano METTINI, Cand.Sc. (Education), (Moscow, Russia); Maya S. PETROVA, Dr.Sc. (History), (Moscow, Russia); Brett M. ROGERS, PhD, (Tacoma, USA), Roman V. SVETLOV, Dr.Sc. (Psychology), (Kaliningrad, Russia); Valeriy N. VDOVIN, Cand.Sc. (Politics), (Almaty, Kazakhstan); Michail A. VEDESHKIN, Cand.Sc. (History), (Moscow, Russia); Yana A. VOLKOVA, Dr.Sc. (Philology), (Moscow, Russia); Maria A. POLYAKOVA, Dr.Sc. (Education), (Kaluga, Russia); Alexander A. SANZHENAKOV, Cand.Sc. (Philosophy), (Novosibirsk, Russia); Anna S. STEPANOVA, Dr.Sc. (Philosophy), (Saint Petersburg, Russia); Sergey V. Zanin, Dr.Sc. (History), (Samara, Russia)

Issue editor: Victoria K. PICHUGINA

Executive Secretary of the Issue: Zinaida A. Lurie

Published from 2017

The journal registered with the Federal Service for Supervision in the Sphere of Communications, Information Technologies and Mass Communications (Roskomnadzor) (registration certificate No. 77–71738 of November 30, 2017)

Frequency: 1 time per year

Founder: Victoria K. PICHUGINA

All materials are peer reviewed
Editorial address: Orlikov Per. 8–37
Moscow, 101000, Russia
Tel.: +7 9177257626
e-mail: Pichugina_V@mail.ru
website: www.hypothekai.ru

Indexed by Directory of Research Journals Indexing (from 2017), **CyberLeninka** (from 2018), **Crossref** (from 2018), **Scilit** (from 2018), **Russian Index of Scientific Quotation** (from 2018), **Directory of Open Access Journals** (from 2019), **AWOL** (from 2019), **Miar** (from 2019 г.), **ERIHPLUS** (from 2019) The journal is included in the list of peer-reviewed scientific publications of the Higher Attestation Commission of the Russian Federation

Hypothekai
ЖУРНАЛ ПО ИСТОРИИ
АНТИЧНОЙ ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ
ВЫПУСК 10 (2026)

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

д.п.н., проф. РАО В.К. ПИЧУГИНА (Москва, Россия)

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

к.и.н. А.Ю. МОЖАЙСКИЙ (Москва, Россия)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

д.псих.наук, проф. Л.Н. АКСЕНОВСКАЯ (Саратов, Россия);
канд. искусствоведения, доц. Н.А. АЛМАЗОВА (Санкт-Петербург, Россия);
д.филол.н., проф. Е.В. АФОНАСИН (Калининград, Россия); к.филол.наук
А.С. АФОНАСИНА (Калининград, Россия); д.п.н., проф. А.Г. БЕРМУС (Ростов-на-
Дону, Россия); к.политич.н. В.Н. ВДОВИН (Алматы, Казахстан); к.и.н., доц.
М.А. ВЕДЕШКИН (Москва, Россия); д.филол.н., доц. Я.А. ВОЛКОВА (Москва,
Россия); д.и.н., проф. С.В. Занин (Самара, Россия), к.п.н. Эмилиано МЕТТИНИ
(Москва, Россия); д.и.н. А.А. КЛЕЙМЕНОВ (Тула, Россия); д.и.н., доц. М.С.
ПЕТРОВА (Москва, Россия); д.п.н. М.А. ПОЛЯКОВА (Калуга, Россия); PhD,
Associate Professor Брэтт М. РОДЖЕРС (Такома, США); к.филол.н. А.А.
САНЖЕНАКОВ (Новосибирск, Россия); д.филол.н., проф. Р.В. СВЕТЛОВ
(Калининград, Россия); д.филол.наук, доц. А.С. СТЕПАНОВА (Санкт-Петербург,
Россия); PhD, Professor Адам ФИЯЛКОВСКИЙ
(Варшава, Польша).

Редактор выпуска: В.К. Пичугина

Ответственный секретарь выпуска: З.А. Лурье

Выходит с 2017 года
Журнал зарегистрирован в Федеральной
службе по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых
коммуникаций (Роскомнадзор)
(свидетельство о регистрации ПИ № ФС
77–71738 от 30 ноября 2017 г.)

Периодичность: 1 раз в год

Публикуемые материалы рецензируются

Учредитель: В.К. ПИЧУГИНА
Адрес редакции: Россия, 101000,
Москва, Орликов пер. 8–37
Тел. + 7 9177257626
e-mail: Picbugina_V@mail.ru
сайт: www.hypothekai.ru

Издание индексируется в Directory of Research Journals Indexing (с 2017 г.),
КиберЛенинке (с 2018 г.), **Crossref** (с 2018 г.), **Scilit** (с 2018 г.), **РИНЦ** (с 2018 г.),
Directory of Open Access Journals (с 2019 г.),
AWOL — The Ancient World Online (с 2019 г.), **Miar** (с 2019 г.), **ERIHPLUS** (с 2019 г.)
Журнал включен в перечень рецензируемых научных изданий ВАК РФ (5.8.1. Общая
педагогика, история педагогики и образования и 5.6.2. Всеобщая история
(исторические науки))

УДК 37.01; 9.94; 1(091)

ББК 74.03; 63.3 (4); 87.3

Н 99

*Издание подготовлено в рамках проекта № 24–18–00349
«Представления о мире и мироздании в историческом контексте
и социокультурном развитии европейского общества»,
поддержанного Российским научным фондом*

**ГИПОТЕКАИ. ЖУРНАЛ ПО ИСТОРИИ АНТИЧНОЙ
ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ / В.К. ПИЧУГИНА (Ред.) —
М.: Аквилон, 2026. Вып.10. Обучение и воспитание героя:
мир взрослых и мир взрослеющих — 212 с.**

АВТОРСКИЙ КОЛЛЕКТИВ ВЫПУСКА

**А.Г. БЕРМУС, Т.Б. ГВОЗДЕВА, А.В. КАРГАЛЬЦЕВ
А.А. КЛЕЙМЕНОВ, М.С. ПЕТРОВА, В.К. ПИЧУГИНА, И.Е. СУРИКОВ**

**ГИПОТЕКАИ. JOURNAL ON THE HISTORY OF ANCIENT
PEDAGOGICAL CULTURE / Victoria K. PICHUGINA (Ed.) —
Moscow: Aquilo Press, 2026. Issue 10. The Upbringing
and Education of the Hero: the World of Adults and the World
of Adolescence— 212 p.**

TEAM OF CONTRIBUTORS

**Alexander G. BERMUS, Tatiana B. GVOZDEVA
Alexey V. KARGALTSEV, Alexander A. KLEYMENOV
Maya S. PETROVA, Victoria K. PICHUGINA, Igor E. SURIKOV**

ISSN 2587–7127

А К В И Л О Н

AQUILO PRESS

© В.К. ПИЧУГИНА, ред., 2026
© Коллектив авторов, 2026
© Издательство «Аквилон», 2026

© Victoria K. PICHUGINA, ed., 2026
© Contributors, 2026
© Aquilo Press, 2026

*Репродуцирование (воспроизведение) данного издания любым способом
без письменного соглашения с издателем запрещается*

All rights reserved

*No part of the published material may be reproduced in any form or by any means, electronic or
mechanical, including photocopying and recording, or by any information storage and retrieval
system, without permission in writing from the Publisher*

ОГЛАВЛЕНИЕ

Воспитание и обучение героя: мир взрослых и мир взрослеющих (<i>Предисловие редактора</i>).....	9
The Upbringing and Education of the Hero: the Adult World and the World of Adolescence (<i>Preface</i>).....	10
Die Erziehung und Ausbildung eines Helden: Die Welt der Erwachsenen und die Welt des Erwachsenwerdens (<i>Vorwort der Chefredakteurin</i>).....	12
L'educazione e la formazione dell'eroe: il mondo degli adulti e il mondo degli adolescenti (<i>Introduzione del Redattore</i>).....	13

ОБРАЗОВАНИЕ ДЛЯ ГЕРОЯ МИР ВЗРОСЛЕЮЩИХ ЦАРЕЙ

Герои воспитанные и невоспитанные: спартанские цари и ἀγῶνῆ (И.Е. СУРИКОВ).....	15
Питомник героев: македонский институт «царских юношей» в эпоху Филиппа II и Александра Великого (А.А. КЛЕЙМЕНОВ).....	49

СТАНОВЛЕНИЕ ГЕРОЯ ВХОЖДЕНИЕ В МИР ВЗРОСЛЫХ

Мир взрослых vs мир взрослеющих: воспитание героя в трагедии Софокла «Филоктет» (В.К. ПИЧУГИНА).....	73
Воспитание атлета-победителя (Т.Б. ГВОЗДЕВА).....	110
Герои веры христианской церкви доконстантиновской эпохи (А.В. КАРГАЛЬЦЕВ).....	132

ГЕРОИЧЕСКОЕ В МИРЕ ОБРАЗОВАНИЯ ДИАЛОГ КУЛЬТУР

Триада «кризис — кайрос — гносис» как метод реконструкции героического в образовании: античный и библейский контексты (А.Г. БЕРМУС).....	150
--	-----

МЕТОДИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ

Интеллектуальные традиции Античности и Средних веков (рабочая программа дисциплины для подготовки магистров по направлению 520800 «История») (М.С. ПЕТРОВА).....	179
АВТОРЫ / CONTRIBUTORS.....	208

CONTENTS

Воспитание и обучение героя: мир взрослых и мир взрослеющих (<i>Предисловие редактора</i>).....	9
The Upbringing and Education of the Hero: the Adult World and the World of Adolescence (<i>Preface</i>).....	10
Die Erziehung und Ausbildung eines Helden: Die Welt der Erwachsenen und die Welt des Erwachsenwerdens (<i>Vorwort der Chefredakteurin</i>).....	12
L'educazione e la formazione dell'eroe: il mondo degli adulti e il mondo degli adolescenti (<i>Introduzione del Redattore</i>).....	13

EDUCATION FOR THE HERO

THE WORLD OF YOUNG RULERS

Heroes Educated and Uneducated: Spartan Kings and ΑΓΩΓΗ (Igor E. SURIKOV).....	15
The Nursery of Heroes: Macedonian Institute of “Royal Youths” in the Age of Philip II and Alexander the Great (Alexander A. KLEYMEONOV).....	49

THE FORMATION OF THE HERO

ENTERING THE ADULT WORLD

The World of Adults and the World of Adolescence: the Education of the Hero in Sophocles' <i>Philoctetes</i> (Victoria K. PICHUGINA).....	73
Formation of a Victorious Athlete (Tatiana B. GVOZDEVA).....	110
Heroes of Faith in the pre-Constantinian Christian Church (Alexey V. KARGALTSEV).....	132

THE HEROIC IN THE WORLD OF EDUCATION

A DIALOGUE OF CULTURES

The Crisis — Kairos — Gnosis Triad as a Method for Reconstructing the Heroic in Education: Ancient and Biblical Contexts (Alexander G. BERMUS).....	150
---	-----

EDUCATIONAL MATERIALS

Intellectual Traditions of Antiquity and the Middle Ages (Course Syllabus for the Master's Degree Program in History, code 520800) (Maya S. PETROVA).....	179
CONTRIBUTORS.....	208

ВОСПИТАНИЕ И ОБУЧЕНИЕ ГЕРОЯ

МИР ВЗРОСЛЫХ И МИР ВЗРОСЛЕЮЩИХ

(Предисловие редактора)

Этот выпуск журнала продолжает серию ежегодных тематически подобранных материалов по истории античной педагогической культуры. Как и предыдущий, он объединяет научные статьи, которые позволяют представить читателю широкий спектр мнений, принадлежащих представителям различных научных школ и направлений, а также инициировать междисциплинарное поле для научных дискуссий.

Тема выпуска — «Обучение и воспитание героя: мир взрослых и мир взрослеющих». Многовековые традиции взращивания героя имеют высокую степень актуальности для современной культуры и современного образования. Источники об обучении и воспитании героя, а чаще всего война-героя, фиксируют динамику представлений о формировании личности через поддерживаемые государством образовательные практики, которые нашли отражение в античной литературной традиции и искусстве. Идеализированный образец гражданина как самоотверженного защитника отечества и других граждан находился в фокусе педагогической реальности задолго до того, как педагогическая рефлексия такого рода обрела выражение в термине «герой».

Выпуск акцентирует внимание на том, что обучение и воспитание героя — понятого в широком понимании этого слова — всегда осуществлялось в пространстве столкновения двух миров: мира взрослых и мира взрослеющих. Первые желали наставлять вторых, а те не всегда желали принимать эти наставления, предпочитая учиться только на своих ошибках. Все это веками создавало высокую степень напряжения между этими двумя мирами — напряжения, без которого никогда бы не смогли появляться новые и новые поколения героев.

Первая часть выпуска — «Образование для героя: мир взрослеющих царей» — включает статьи, исследующие особенности подготовки представителей элиты, то есть тех, кому предстояло стать героями по праву рождения. Вторая часть — «Становление

героя: вхождение в мир взрослых» — объединяет статьи, рассматривающие пути и способы включения молодых героев в круг более опытных и желающих по-отечески их наставлять. Третья часть — «Героическое в мире образования: диалог культур» — акцентирует внимание на «вечных вопросах» о наилучших условиях для героического становления личности. В выпуск также включен раздел с методическими материалами, которые могут быть использованы всеми интересующимися становлением и развитием интеллектуальных традиций в эпохах с разными представлениями о героизме и героическом.

По вопросам предоставления материалов и уточнения тем последующих выпусков, а также для высказывания замечаний, пожеланий и комментариев просим обращаться к главному редактору по следующему электронному адресу: Pichugina_V@mail.ru — Пичугина Виктория Константиновна.

THE UPBRINGING AND EDUCATION OF THE HERO

THE ADULT WORLD AND THE WORLD OF ADOLESCENCE

(Preface)

This issue of the journal continues the series of annually selected materials thematically focused on the history of ancient pedagogical culture. Like the previous one, it brings together scholarly articles that present readers with a wide range of opinions from representatives of various academic schools and directions, as well as initiates an interdisciplinary field for scholarly discussions.

The theme of this issue is “The Upbringing and Education of the Hero: the Adult World and the World of Adolescence.” The centuries-old traditions of cultivating the hero remain highly relevant for contemporary culture and modern education. Sources concerning the education and upbringing of the hero — most often a warrior-hero — reflect changing conceptions of the formation of the individual through state-supported

educational practices, as represented in the literary tradition and art of antiquity. The idealized model of the citizen as a selfless defender of the homeland and of fellow citizens stood at the center of educational practice long before pedagogical reflection of this kind came to be expressed in the term “hero.”

The issue emphasizes that the education and upbringing of the hero — understood in the broadest sense of the word — has always taken place in a space shaped by the encounter of two worlds: the world of adults and the world of the young who are coming of age. The former sought to instruct the latter, while the latter were not always willing to accept such guidance, often preferring to learn from their own mistakes. For centuries, this dynamic created a persistent tension between the two worlds — a tension without which new generations of heroes could hardly have emerged.

The first section of the issue, “Education for the Hero: The World of Young Rulers,” includes articles that examine the distinctive features of the training of members of the elite — those who were destined to become heroes by right of birth. The second section, “The Formation of the Hero: Entering the Adult World,” brings together articles that explore the ways in which young heroes were integrated into the circle of more experienced figures who sought to guide them in a paternal manner. The third section, “The Heroic in the World of Education: A Dialogue of Cultures,” focuses on the “eternal questions” concerning the most favorable conditions for the formation of a heroic personality. The issue also includes a section with methodological materials that may be used by all those interested in the formation and development of intellectual traditions in historical periods characterized by different conceptions of heroism and the heroic.

To submit materials and check the theme of the next issues, as well as to make remarks, suggestions and comments, please contact the Editor-in-Chief at the following e-mail address: Pichugina_V@mail.ru — Victoria Pichugina.

DIE ERZIEHUNG UND AUSBILDUNG EINES HELDEN

DIE WELT DER ERWACHSENEN UND DIE WELT DES ERWACHSENWERDENS

(Vorwort der Chefredakteurin)

In dieser Ausgabe wird die Reihe jährlicher thematischer Beiträge zur Geschichte antiker pädagogischer Kultur fortgesetzt. Wie auch die vorhergehende Ausgabe enthält sie originale Forschungen, die dem Leser eine breite Palette an Meinungen von Vertretern verschiedener wissenschaftlicher Schulen und Richtungen präsentieren und ein interdisziplinäres Feld für wissenschaftliche Diskussionen eröffnen.

Das Thema dieser Ausgabe lautet: “Die Erziehung und Ausbildung eines Helden: Die Welt der Erwachsenen und die Welt des Erwachsenwerdens”. Jahrhundertalte Traditionen der Heldenbildung sind für die heutige Kultur und Bildung von großer Bedeutung. Quellen zur Erziehung und Ausbildung von Helden — zumeist Kriegerhelden — dokumentieren die Dynamik jener Vorstellungen über Persönlichkeitsentwicklung durch staatlich geförderte Bildungspraktiken, die sich in der antiken Literatur und Kunst widerspiegeln. Das Idealbild des Bürgers als selbstloser Verteidiger des Vaterlandes und seiner Mitbürger stand lange im Zentrum der pädagogischen Realität, bevor diese Art pädagogischer Reflexion im Begriff “Held” ihren Ausdruck fand.

Diese Ausgabe betont, dass die Erziehung und Entwicklung eines Helden — im weitesten Sinne des Wortes — stets im Aufeinandertreffen zweier Welten stattfanden: der Welt der Erwachsenen und jener der Heranwachsenden. Erstere waren bestrebt, Letztere zu belehren, während Letztere diese Belehrung oft nur widerwillig annahmen und lieber aus eigenen Erfahrungen lernten. All dies führte über Jahrhunderte zu einer hohen Spannung zwischen diesen beiden Polen — einer Spannung, ohne die niemals neue Heldengenerationen hervorgegangen wären.

Der erste Teil der Ausgabe, “Erziehung zum Helden: Die Welt der heranwachsenden Könige”, enthält Artikel, die die Besonderheiten der Ausbildung Angehöriger der Elite beleuchten — jener Menschen, die von Geburt an dazu bestimmt sind, Helden zu werden. Der zweite Teil,

“Die Formung eines Helden: Der Eintritt in die Gesellschaft der Erwachsenen”, vereint Artikel, die Wege und Mittel zur Integration junger Helden in den Kreis erfahrenerer, väterlicher Mentoren untersuchen. Der dritte Teil, “Das Heroische in der Welt der Bildung: Ein Dialog der Kulturen”, widmet sich den “ewigen Fragen” nach den besten Bedingungen für die heroische Entwicklung des Einzelnen. Die Ausgabe enthält außerdem einen Abschnitt mit methodischen Materialien, die allen an der Entstehung und Entwicklung intellektueller Traditionen Interessierten zur Verfügung stehen.

Bei allen Fragen zur Bereitstellung von Materialien, zur Vorbereitung weiterer Bände sowie bei Kommentaren und Vorschlägen wenden Sie sich bitte an die Chefredakteurin Victoria Pichugina, E-Mail-Adresse: Pichugina_V@mail.ru

L'EDUCAZIONE E LA FORMAZIONE DELL'EROE

**IL MONDO DEGLI ADULTI
E IL MONDO DEGLI ADOLESCENTI**

(Introduzione del Redattore)

Il presente numero della rivista continua il ciclo di materiali di storia della cultura pedagogica antica selezionati ogni anno tematicamente. Il presente numero, così come il precedente, riunisce articoli scientifici, che permettono di presentare al lettore un ampio spettro di opinioni appartenenti a differenti scuole di pensiero e, altresì, permette di intavolare discussioni scientifiche interdisciplinari.

Tema del numero: “L’educazione e la formazione dell’eroe: il mondo degli adulti e il mondo degli adolescenti”. Le tradizioni millenarie di formazione dell’eroe sono fortemente attuali per la cultura e l’educazione contemporanee. Attraverso le pratiche educative supportate dallo stato che hanno trovato riscontro nella tradizione letteraria antica e nell’arte, le fonti relative alla formazione e alla educazione dell’eroe, e dell’eroe-guerriero in particolare, attestano come si siano evolute le concezioni afferenti allo sviluppo della personalità. Il prototipo idea-

lizzato del cittadino devoto come difensore della patria e degli altri cittadini è diventato patrimonio della pedagogia ben prima che il termine “eroe” entrasse nel lessico della riflessione pedagogica attinente a questa tematica. Il numero presta particolare attenzione al fatto che la formazione e l’educazione dell’eroe nel senso lato del termine hanno sempre presupposto lo scontro di due mondi: il mondo degli adulti e il mondo degli adolescenti. I primi desideravano educare i secondi che non sempre desideravano essere educati, preferendo imparare dai propri errori. Nei secoli questo ha mantenuto una forte tensione tra questi due mondi, senza la quale non sarebbero comparse nuove e nuove generazioni di eroi.

La prima parte del numero “L’educazione dell’eroe: il mondo dei sovrani del futuro” include articoli che studiano gli aspetti salienti della preparazione dei rampolli delle élite, ossia di coloro che dovranno regnare per diritto di nascita. La seconda parte “La formazione degli eroi: ingresso nel mondo degli adulti” include articoli che analizzano le modalità di inclusione dei giovani eroi nei circoli dei più esperti che desideravano educare i giovani come figli. La terza parte “L’ “eroico” nel mondo dell’educazione: dialogo tra culture” focalizza l’attenzione sulle “eterne questioni” riguardanti le migliori condizioni per l’educazione degli eroi. Nel numero è inclusa anche una sezione con materiali metodici che possono essere utilizzati da tutti coloro che si interessano di come si siano apparse e sviluppate nelle diverse epoche le tradizioni intellettuali riguardanti l’eroismo e l’eroico.

Per questioni riguardanti l’invio di materiali e per precisare i temi dei numeri successivi, nonché per esprimere considerazioni, suggerimenti e commenti, vi preghiamo di rivolgervi al redattore generale via posta elettronica all’indirizzo: Pichugina_V@mail.ru — Victoria Pichugina.

ГЕРОИ ВОСПИТАННЫЕ И НЕВОСПИТАННЫЕ

СПАРТАНСКИЕ ЦАРИ И ΑΓΩΓΗ

И.Е. СУРИКОВ

Ключевой факт, известный из источников о воспитании спартанских царей, заключается в следующем. Все спартиаты начиная с семилетнего возраста подлежали знаменитой *ἀγωγή*, как назывался длительный курс обучения (прежде всего военного, но также и общегражданского), отличавшийся крайней суровостью условий, которые создавались для обучаемых. Однако для престолонаследников делалось исключение: они вместо *ἀγωγή* получали некое особое, чисто царское образование. О том, какой характер оно имело, прямых данных нет. В то же время нередко на обоих спартанских престолах оказывались лица, изначально наследниками не являвшиеся и, соответственно, проходившие через *ἀγωγή*. Предпринимаемое в статье сравнение личностей и деятельности царей двух типов позволяет в осторожной форме сделать вывод, что цари, освобожденные от *ἀγωγή*, в целом отличались следующими качествами: более нетрадиционным и креативным, чем у остальных, мышлением, более широкой эрудицией, лучше развитой речью, большей деликатностью в манерах, в общении с окружающими. Они, как правило, предстают перед нами более яркими личностями, во всяком случае, более интеллектуальными.

«...Цари лакедемонян почитаются не как люди, а как герои (οὐχ ὡς ἀνθρώπους ἀλλ' ὡς ἥρωας τοὺς Λακεδαιμονίων βασιλεῖς προτετιμῆκασι)» (Хен. *Lac. pol.* 15. 9)¹. Эта знаменательная формулировка звучит финальной нотой в «Лакедемонской политике» Ксено-

¹ «Лакедемонская политика» Ксенофонта цитируется в переводе М.Э. Курилова.

фонта — глубокого знатока спартанских реалий. Чтобы в полной мере оценить ее, следует учитывать, что речь идет не о нашем современном понятии «герой» (человек, совершивший подвиг), а о древнегреческом понятии, звучащем, казалось бы, так же, а на деле во многом ином по значению: как можно видеть в процитированном пассаже, герой даже эксплицитно противопоставляется человеку².

Цари в Спарте являлись объектом статусной героизации³ и в данном качестве резко отличались от всех остальных граждан своего полиса. Эти граждане, как известно, составляли общину «равных», гомеев (ὄμοιοι)⁴, все стороны их жизни подвергались максимальной унификации (в отличие от Афин, где равенство понималось только как равенство в политических правах⁵). И единственными из спартиатов, на которых не распространялись нормы всеобщего равенства, были именно цари. В некотором смысле они могут считаться даже как бы «чуждым», неорганичным элементом в сформировавшемся полисе, законсервированным «осколком прошлого»⁶. При рассмотрении свидетельств источников о положении спартанских царей (главные из них: Herod. V. 56–58; Xen. Lac. pol. 13; 15) порой создается впечатление, что их «неравенство» согражданам, привилегированность нарочито утрировались. Так, на знаменитых совместных трапезах (сисситиях) цари (они и, естественно, только они) получали двойную порцию.

Ни в чем, однако, так ярко не виден сакральный статус этих лиц, как в ритуалах, связанных с их погребением. В целом спартанцы очень рано (по преданию, еще при Ликурге) до предела упростили погребальный обряд, сделав его одинаково скромным для всех граждан (Plut. Lycurg. 27). Однако опять-таки для царей и в этой

² Об античных героях как объекте культа см.: Currie (2010); Jones (2010). В последней работе акцент делается именно на героизации реальных исторических лиц.

³ Об этом типе сакрализации правителя см.: Суриков (2005а). С. 17–19.

⁴ Отечественный исследователь Спарты А.В. Зайков в свое время даже предложил переводить ὄμοιοι в спартанских контекстах как «одинаковые» (Зайков [2000]), и это, как нам представляется, довольно остроумно.

⁵ О принципиальных различиях между афинской и спартанской идеями равенства см.: Суриков (2019).

⁶ Ср.: Georges (1994). P. 152–157.

сфере делалось демонстративное исключение. Их уход из жизни сопровождался необычайно пышными церемониями — пышными по меркам любого греческого полиса, а не только суровой Спарты. Они куда больше напоминают похороны восточных монархов⁷. Подчеркнем также, что сакрализация архагетов⁸ была именно исключительно статусной: ей подлежал любой носитель царского титула независимо от своих личных качеств.

Что касается воспитания спартанских царей, ключевой факт, известный о нем из источников, заключается в следующем. Все спартиаты с семилетнего возраста подлежали знаменитой ἀγωγή, как назывался длительный курс обучения (прежде всего военного, но также и общегражданского), отличавшийся крайней суровостью условий, которые создавались для обучаемых⁹. И в данном отношении тоже исключение делалось только для будущих царей. Об этом прямо пишет Плутарх в биографии царя Агесилая II Великого: «Детей же, которых ожидает царская власть, закон освобождает от подобных обязанностей (ταύτης ἀφίησιν ὁ νόμος τῆς ἀνάγκης τοὺς ἐπὶ βασιλείᾳ τρεφομένους παῖδας)» (Plut. *Agesil.* 1)¹⁰.

Правда, иногда считается, что данному свидетельству Плутарха противоречит другое, принадлежащее более раннему автору — философу-кинику Телету Мегарскому, жившему в III в. до н.э.¹¹ В диатрибе «Об изгнании» Телет говорит: «Спартанцы... человека, причастного к обучению и прошедшего его, будь он чужеземец или илот, почитают наравне с лучшими, а не прошедшего, пусть он будет даже из царского рода, причисляют к илотам и не допускают к управлению государством (Λακεδαιμόνιοι... τὸν μὲν μετασχόντα τῆς

⁷ Hall (1991). P. 44.

⁸ Именно так (а не бацилеями) именовались цари в самой Спарте, если судить по ее главному «конституционному закону» — приписывавшейся полубогатому Ликургу Великой ретре, как ее донес до нас Плутарх. Об этом важнейшем документе см.: Jones (1967); Lipka (2002); Nafissi (2010). Мнения касательно его аутентичности весьма разнообразны, но наиболее близкой к истине представляется точка зрения, согласно которой ретра — подлинный памятник VII в. до н.э.: Shipley (2004). P. 591. Об этом говорит ее глубоко архаичный язык.

⁹ Наиболее фундаментальный труд об ἀγωγή — Kennell (1995).

¹⁰ «Агесилай» Плутарха цитируется в переводе К.П. Лампсакова.

¹¹ О Телете см.: Нахов (1982). С. 196.

ἀγωγῆς καὶ ἐμμείαντα, κἄν ξένος κἄν ἐξ εἴλωτος, ὁμοίως τοῖς ἀρίστοις τιμῶσι· τὸν δὲ μὴ ἐμμείαντα, κἄν ἐξ αὐτοῦ τοῦ βασιλέως, εἰς τοὺς εἴλωτας ἀποστέλλουσι, καὶ τῆς πολιτείας ὁ τοιοῦτος οὐ μετέχει» (Teles *De exil.* p. 28 Hense)¹².

На первый взгляд, противоречие действительно налицо, и те, кто признает его наличие, пытаются решить, кто в большей степени заслуживает доверия — Телет или Плутарх. Последний, хотя и жил уже в эпоху Римской империи, имеет заслуженную репутацию чрезвычайно ответственного писателя, скрупулезного исследователя своих источников¹³. Философ же, тем более принадлежащий к кинической школе, представители которой в принципе были склонны к разным гиперболизациям, мог — вящего эффекта ради — и отступить от истины. Однако в недавней статье Л. Мэдсона¹⁴ с предельной убедительностью продемонстрировано, что два свидетельства можно согласовать друг с другом: от ἀγωγή освобождались не все члены царских домов, а только престолонаследники. Агесилай II таковым не являлся (он занял престол в результате династического кризиса, о чем подробнее будет говориться ниже), потому Плутарх и пишет о нем: «Так как власть царя по закону должна была перейти к Агиду (старшему брату Агесилая Агиду II. — *И. С.*), а Агесилаю предстояло жить как обыкновенному гражданину (*ιδιώτης*), он получил обычное спартанское воспитание (*ἀγωγήν*), очень строгое и полное трудов (*σκληρὰν μὲν οὔσαν τῇ διαίτῃ καὶ πολύπονον*), но зато причувшее юношей к повиновению» (Plut. *Agesil.* 1).

В любой момент престолонаследников, не подлежавших ἀγωγή, в Спарте в норме было двое (поскольку существовали две династии — Агиады и Еврипонтиды), но случались и отклонения от этого числа в ту или другую сторону. Поясним, по каким причинам они могли происходить. Если у старшего сына правящего царя еще при жизни последнего рождался собственный сын, он тоже оказывался престолонаследником (следующим, более дальним), и на него

¹² Диатриба Телета цитируется в переводе И.М. Нахова с нашими поправками, обусловленными тем, что Нахов, не будучи специалистом по истории образования в Античности, ошибочно понял здесь ἀγωγή как участие в походе.

¹³ Blois (2006). P. 439.

¹⁴ Madson (2025).

распространялось то же правило. Так случилось, например, в IV в. до н.э. в семье Клеомена II, царя из Агиадов. Его старшим сыном был Акротат, который, в свою очередь, имел сына Арея. Сам Клеомен II прожил очень долго (его царствование датируется 370–309 гг. до н.э. и является, видимо, рекордным по продолжительности в спартанской истории), он даже пережил Акротата, и, соответственно, на престоле его сменил внук (в литературе фигурирует как Арей I). Но для нас важно то, что на протяжении определенного хронологического отрезка в Спарте одновременно существовали два Агиада, не проходивших ἀγωγή¹⁵.

Далее, чем могло вызываться отклонение от нормы в противоположную сторону? Тем, что у царя не было сыновей, как, например, у Клеомена I (тоже из Агиадов), который имел только дочь Горго¹⁶. В таком случае ему наследовал ближайший по возрасту брат (в данном случае Леонид I, герой Фермопил). А брат этот в подростковом возрасте проходил ἀγωγή, поскольку тогда еще, естественно, никто не мог знать, что обстоятельства приведут к его вступлению на престол. Таким образом, в данной ситуации на протяжении определенного хронологического отрезка в Спарте не было ни одного Агиада, который не проходил бы ἀγωγή (за исключением самого царя Клеомена, который ее не проходил, но мы здесь говорим о наследниках).

Поскольку действительность постоянно нарушает выстроенные планы, царями в Спарте неоднократно становились те, кто к этому не предназначался. Соответственно, оба престола могли занимать два типа лиц: те, кто получил ἀγωγή (но такое как раз являлось нарушением установленного порядка), и те, кто получил, видимо, какое-то особое, чисто царское воспитание (о том, в чем оно заключалось, увы, сведений нет, но, во всяком случае, из цитировавшегося выше пассажа Плутарха следует, что оно не предполагало приучения к повиновению). Можно ли проследить различия между тем, как действовали, приняв царский сан, те и другие?

Во всяком случае, предпринять попытку такого анализа имеет смысл. В вышеупомянутой работе Л. Мэдсона удачно собран и систематизирован соответствующий фактологический материал, на который можно будет опереться. Правда, нужно сразу оговорить,

¹⁵ Madson (2025). P. 66.

¹⁶ Poralla (1913). S. 76.

что некоторые интерпретации этого исследователя выглядят небесспорными, а в одном месте он даже допускает серьезную ошибку; ее характер будет разъяснен нами ниже.

Данные, на основании которых можно делать ответственные выводы, появляются в нашем распоряжении применительно к тем царям, которые правили начиная с последней четверти VI в. до н.э. (более ранняя история спартанской диархии известна значительно хуже, в ней факты перемешиваются с легендами). Первые цари, о которых у нас значительно больше данных, чем обо всех предшествующих, — Агиад Клеомен I и Еврипонтид Демарат, соперничество которых стало хрестоматийным¹⁷. У второго из них никаких трудностей с престолонаследием не было, поскольку он являлся единственным сыном своего отца Аристона¹⁸, хотя тот был женат трижды (Herod. VI. 61–63, с интересными подробностями), и, таким образом, бесспорным престолонаследником, на которого ἀγωγή не распространялась.

Сложнее обстояли дела с Клеоменом, который родился в обстановке династического кризиса, вызванного проблемой в семейной жизни царя Анаксандрида: его первый брак (с собственной племянницей, имя которой источники не сообщают) долгое время был бездетным, и царю угрожала опасность остаться без наследника (Herod. V. 39)¹⁹. По настоянию эфоров и геронтов, заботившихся

¹⁷ Об этом соперничестве см.: Строгеецкий (1982).

¹⁸ Poralla (1913). S. 29.

¹⁹ Обратим внимание на знаменательное совпадение: в обоих спартанских домах одновременно возникают трудности с наследником, для обретения одного Анаксандриду приходится жениться во второй раз, а Аристону — даже в третий. В свое время, уже довольно давно (Суриков [2005б]. С. 220), мы привлекли внимание читателей к тому факту, что у спартанских мужчин, похоже, не все было в порядке с репродуктивной функцией. Проблемой, преследовавшей спартанский полис, была «олигантропия» (малолюдь), граждан в нем с каждым поколением становилось все меньше и меньше. Для Греции в целом была характерна как раз противоположная динамика, приходилось бороться с чрезмерным ростом населения (вспомним характерный совет Гесиода не иметь больше одного сына: Hes. *Opp.* 376–378), и все-таки этот рост происходил, порождая земельный голод и став одной из главных причин колонизационного движения (механизм связи между демографическими процессами раскрыт в:

о том, чтобы династия Агиадов не пресеклась, он, не разводясь с супругой (поскольку очень любил ее), женился вторично (Herod. V. 40), что представляет собой уникальный для Спарты и доэллинистической Греции в целом пример полигинии. Через некоторое время во втором браке Анаксандрида появился на свет Клеомен, но тут же и первая его жена объявила о своей беременности. Вскоре она родила Дориея, а затем Леонида и Клеомброта (Herod. V. 41).

Таким образом, Анаксандрид имел в совокупности четверых сыновей от двух жен. Клеомен был старшим из них, и ясно, что он не проходил ἀγωγή. Остальные трое, как считается, проходили²⁰, но относительно Дориея, старшего из них, у нас нет стопроцентной уверенности. Возможно, его тоже мыслили престолонаследником. Когда его мать была беременна им, возникли подозрения (ввиду ее предшествующей долгой бездетности), что она симулирует беременность, а затем предъявит чужого ребенка. Поэтому при ее родах присутствовали эфоры (Herod. V. 41)! Казалось бы, зачем им было так поступать и вообще какое им было дело до мальчика, если в нем не видели потенциального царя?

Да и сам Дорией видел в себе такового и после смерти Анаксандрида предъявил претензии на престол (Herod. V. 42). В обоснование своих прав он ссылался на следующие обстоятельства: он был рожден в браке, который воспринимался как более легитимный из двух, являлся Гераклидом (обе спартанские династии возводили свою родословную к Гераклу), в отличие от Клеомена, и по отцу, и

Malkin, Blok [2024]. P. 151–162). Интересно, что у спартанцев в ходу были некоторые довольно странные брачные практики с элементами полиандрии, имевшие целью оплодотворение одной женщины несколькими мужчинами (Plut. *Lycurg.* 15). Ю.В. Андреев признает их проявлениями тоталитарной евгеники (Андреев [1998]. С. 147), в чем у нас, признаться, есть сильные сомнения. Думаем, все гораздо проще: у спартанцев не рождались дети. Почему? Приходит в голову мысль, что в этом могли быть (по крайней мере, отчасти) виновны некоторые элементы той же ἀγωγή (подростки с их неокрепшими, формирующимися организмами круглые сутки, даже зимой, проводили под открытым небом, спали на холодной земле, а подстилка из тростника была слабой защитой, и половые органы застуживались). Но от этой мысли тут же приходится отказаться, поскольку, как видим, та же трудность возникала и у царей, которые ἀγωγή не подвергались.

²⁰ Так и у Мэдсона: Madson (2025). P. 66.

по матери, а кроме того, отличался физической крепостью и подобающей царю мужественной внешностью (Paus. III. 3. 10). Здоровье же Клеомена было скорее слабым, он, по суждению Геродота (скорее всего, преувеличенному, как демонстрирует дальнейшая вполне успешная деятельность царя²¹), даже «был несколько слабоумен, со склонностью к помешательству» (Herod. V. 42)²². Царем стал именно последний, но, как можно заключить из свидетельств и Геродота, и периегета Павсания, это произошло не автоматически – решение принимало спартанское народное собрание²³.

Дорией в обиде покинул Спарту, после чего занимался разными авантюрами и в конечном счете погиб на Сицилии (Herod. V. 46); нас он больше интересовать не будет. Из остальных же сыновей Анаксандрида двое — Клеомен I и Леонид I – занимали престол официально, а третий, Клеомброт, фактически став после гибели Леонида в 480 г. до н.э. регентом при его несовершеннолетнем сыне Плистархе. Из трех братьев Клеомен заведомо не прошел ἀγωγή, а Леонид и Клеомброт заведомо прошли. Оказало ли это какое-нибудь влияние на их стиль правления?

Клеомен I, царствовавший с конца 420-х гг. до н.э. до своей странной смерти²⁴ около 490 г. до н.э., оказался одной из самых ярких и колоритных личностей в истории Спарты. При этом он абсолютно ничем не напоминал типичного спартиата, а был скорее похож на выученика софистов (хотя никаких софистов в его эпоху в Греции и тем более в Спарте еще не было)²⁵. Клеомен отличался крайней беспринципностью при достижении своих политических целей. В частности, он никогда не пренебрегал фальсификациями в религиозной сфере. Ему ничего не стоило подделать изречение оракула, подкупить жрецов или принести ложную клятву (во всяком случае, именно такой его образ рисуют античные нарративные источники). Иными словами, он демонстративно пренебрегал общепринятыми условностями и традициями, столь сильными в спартанском полисе.

²¹ Griffiths (1989).

²² Геродот цитируется в переводе Г.А. Стратановского.

²³ Суриков (2005б). С. 240–241.

²⁴ О ней см.: Harvey (1979).

²⁵ Все подробности см. в нашем очерке о Клеомене I: Суриков (2005б). С. 211–269.

Совсем другое дело — Леонид I²⁶. На его счету лишь один исторический эпизод, но воистину великий: подвиг при Фермопилах. Согласно популярной легенде, Леонид тогда сознательно выбрал для себя смерть, поскольку ранее спартанцы получили от Дельфийского оракула прорицание, согласно которому в грядущей войне должен погибнуть либо их город, либо их царь (Herod. VII. 220). Это сказание воспроизводит старинный мотив необходимости самопожертвования царя ради спасения отечества, встречающийся уже в мифе о Кодре Афинском (Hellan. *FGrHist.* 4. F125). Тот же мотив звучит и в передаваемых античными авторами изречениях Леонида перед решающей схваткой (скорее сего, фиктивных, поскольку неясно, кто бы мог сделать их известными остальным грекам). Эти апофтегмы проникнуты духом обреченности, например: «Когда другой человек... удивился немногочисленности его воинов, Леонид сказал: “Чтобы умереть, хватит и этих”» (Plut. *Mor.* 225c); «Он приказал своим воинам завтракать, объявив, что обедать будут уже в Аиде» (Plut. *Mor.* 225d)²⁷.

Не можем, однако, не отметить, что при Фермопилах Леонид допустил серьезную тактическую ошибку. Позиция в проходе, в целом очень сильная для обороны, имела одно уязвимое место — шедшую над ним потайную горную тропу Анопее (Herod. VII. 216), по которой можно было обогнуть теснину. Леонид, прибыв со своими силами к Фермопилам, от местных жителей узнал о существовании тропы (Herod. VII. 175) и не озаботился тем, чтобы выставить достаточно надежную охрану на этом альтернативном пути. Правда, он выслал на самое высокое место тропы отряд фокидян (Herod. VII. 217), но, как показали дальнейшие события, задачу следовало поручить какой-то части спартиатов, перед которыми даже элитные персидские бойцы испытывали страх.

В результате, как известно, именно по Анопее прошла «гвардия бессмертных» во главе с Гидарном (Herod. VII. 215). Когда персам

²⁶ Относительно недавно появилось монографическое исследование о нем: Bradford (2011). Впрочем, по мере ознакомления с этой монографией становится ясно, что она посвящена не столько самому Леониду (о нем слишком мало источниковых данных, чтобы хватило на книгу), сколько в целом спартанским царям как военачальникам.

²⁷ Трактат Плутарха «Изречения спартанцев», из которого взяты эти свидетельства, цитируется в переводе М.Н. Ботвинника.

встретился фокидский отряд, Гидарн ожидал сопротивления, однако фокидяне в замешательстве разбежались (Herod. VII. 218). Итог известен: Фермопилы пали, Леонид погиб, а с ним — 300 спартанцев и 700 феспийцев, героизм которых заслуживает особой похвалы: им, в отличие от спартиатов, законы не запрещали отступать с поля боя, но они остались на верную смерть (хотя имели полную возможность уйти и выжить) единственно из солидарности (Herod. VII. 222).

Мы бы назвали Леонида, прошедшего курс ἀγωγή, скорее доблестным воином, чем искусным военачальником. А вот Клеомена, напротив, отличало несомненное полководческое мастерство. При этом целый ряд своих побед он одержал благодаря умело задуманным и воплощенным в жизнь стратегемам. Так, битву при Сепее против аргосцев²⁸ он выиграл, применив следующую военную хитрость: аргосцы «стали действовать вот как. Когда спартанский глашатай что-нибудь объявлял лакедемонянам, то и глашатай аргосцев повторял его слова. Клеомен заметил, что аргосцы делают все, что объявляет его глашатай, и приказал воинам по знаку глашатая к завтраку взяться за оружие и идти в атаку на аргосцев. Так лакедемоняне и поступили. Когда аргосцы по знаку глашатая приступили к завтраку, лакедемоняне напали на них и многих перебили...» (Herod. VI. 77–78). Далее, изгнать в 510 г. до н.э. афинских тиранов Писистратидов, которые, казалось бы, занимали предельно прочную позицию на неприступном Акрополе, в избытке обладая всеми необходимыми припасами, Клеомен I смог благодаря тому, что захватил в плен их детей и смог поэтому диктовать свои условия (Herod. V. 65).

²⁸ В качестве датировки этого сражения в литературе обычно указывается 494 г. до н. э., например: Forrest (1966). P. 239; Clauss (1983). S. 32; Barello (1996). P. 19; Robinson (1997). P. 84. Нам, однако, представляется гораздо более близким к истине более раннее время: ок. 519 г. до н.э., как в: Lenschau (1938); Строгоцкий (1979). Нашу аргументацию см. в: Суриков (2005б). С. 245–247. Самый весомый довод заключается в следующем. Сообщается, что в спартанской экспедиции против Аргоса, в ходе которой состоялось сражение при Сепее, участвовал не только Клеомен, но и второй царь, Демарат (Plut. *Mor.* 245de; Polyae. *Strat.* VIII. 33). Между тем известно, что в 506 г. до н.э. в Спарте был принят закон, запрещавший обоим царям одновременно выступать в поход (Herod. V. 75). Уже это исключает датировку битвы первым десятилетием V в. до н.э.

Леонид же оказался в гораздо большей степени традиционалистом и, пожалуй, даже рутинером. В сущности, то же самое можно сказать о его младшем брате Клеомброте, судя по тем действиям, которые тот предпринимал, когда после гибели Леонида стал регентом. Время тогда было крайне тяжелое и опасное для всех греков: Ксеркс, пройдя Фермопилы, беспрепятственно двигался по Греции, и немного отделяло его от того, чтобы оккупировать всю страну. Что же противопоставил ему Клеомброт как главнокомандующий вооруженными силами Эллинского союза²⁹? Предоставим слово Геродоту: «...из всех городов (Пелопоннеса. — *И. С.*) собрались воины и заняли Истм. Предводителем их был Клеомброт, сын Анаксандрида, брат Леонида. Они разбили свой стан на Истме... а затем решили на военном совете построить стену поперек Истма. А так как войско состояло из многих десятков тысяч воинов и каждый усердно работал, то дело быстро подвигалось вперед» (Herod. VIII. 71). «После того как Клеомброт отвел домой войско, строившее стену на Истме, он вскоре скончался» (Herod. IX. 10).

Таким образом, за все свое краткое регентство Клеомброт предпринял только одну акцию — постройку оборонительной стены на Истме Коринфском (точнее, завершена она была уже после его смерти, в 479 г. до н.э.). Скажем честно: для тех «многих десятков тысяч воинов», которыми он располагал, можно было найти и лучшее применение. Невелика была польза от стены при наличии у персов флота, который позволил бы им высадить любые силы в удобном для них месте Пелопоннеса. Судьба войны решалась в тот момент не на Истме, а на море, где в гавани аттического Фалера стоял тот самый персидский флот, и неподалеку, в гавани Саламина, — греческий. И приходится констатировать, что на командо-

²⁹ Об Эллинском союзе, созданном в 481 г. до н.э. под спартанской гегемонией для отражения ожидавшейся персидской агрессии, см.: Kienast (2003). Командовали войсками союза оба спартанских царя. Таким образом, вначале это были Леонид I и Леотихид II из Еврипонтидов (о котором еще будет говориться ниже). Затем, после Фермопил, Леонида сменил Клеомброт как регент. Реально командование на этом хронологическом отрезке явно принадлежало именно ему: о Леотихиде на всем протяжении 480 г. до н.э. мы ничего не знаем из источников (в следующем году он возглавлял союзный флот: Herod. VIII. 131).

вание последнего (особенно на глав эскадр пелопоннесских полисов) фортификационные работы, предпринимаемые Клеомбротом, оказывали только чрезвычайно деморализующее воздействие (Herod. VIII. 74). План регента был понят в том смысле, что новым оборонительным рубежом решено сделать Иstm; а это означало, что и морские силы должны отходить туда же и сосредоточиться на обороне Пелопоннеса. Всем известно, какие сверхчеловеческие усилия приложил Фемистокл для того, чтобы это не произошло, чтобы флот остался на Саламине, принял там сражение (подчеркнем, в выгодных для него условиях теснины, которых не было бы у пелопоннесских берегов) и одержал в нем победу. Получается, именно против этой победы работал Клеомброт — не по злому умыслу, естественно, а по узости стратегического мышления.

После его смерти его сын Павсаний стал новым регентом при Плистархе. Павсаний, победитель при Платеях³⁰, представляет собой весьма видную фигуру в спартанской, да и в целом греческой истории V в. до н.э., но нас здесь будет интересовать только один связанный с ним аспект — тот самый, который лежит в рамках проблематики данной статьи.

Павсаний, как и Клеомброт, в цари никогда не предназначался, и поэтому не приходится сомневаться в том, что он подлежал *ἀγωγή*³¹. В связи с этим что можно сказать о нем как о полководце и государственном деятеле? Если отвлечься от той огромной славы, которая окружила его после Платейской битвы 479 г. до н.э. (просто потому, что именно эта битва привела к потере Персией ее владений в Европе) и способствовала тому, что он чрезмерно возгордился, — ничего, строго говоря, не выдает в нем человека действительно креативного, выдающегося мастера военного дела. Битвой он, по большому счету, не управлял; протекала она довольно беспорядочно (командующий уповал больше на помощь богов, Herod. IX. 61) и долгое время с переменным успехом, но бóльшая боеспособность и защищенность греческих гоплитов по сравнению с легковооруженными персидскими воинами постепенно сыграла свою роль (Herod. IX. 63); исход сражения решила гибель персидского вождя Мардония (Herod. IX. 62; Plut. *Aristid.* 19), после которой значитель-

³⁰ Nafissi (2004).

³¹ Madson (2025). P. 66.

ная часть персов была истреблена (Herod. IX. 70), а остальные обратились в бегство (Herod. IX. 66).

В следующем году, командуя союзным флотом, Павсаний совершенно скомпрометировал себя (а вместе с собой и свое государство) в глазах союзников-греков полным отсутствием какой-либо гибкости. Приведем соответствующие свидетельства источников. «Уже давно, однако, властные повадки Павсания стали раздражать прочих эллинов (ἤδη δὲ βιαίου ὄντος αὐτοῦ οἱ τε ἄλλοι Ἕλληνες ἤχθοντο)... Поэтому союзники обратились к афинянам как к своим единоплеменникам с просьбой принять на себя главное командование и не допускать больше самоуправства Павсания (Παυσανία μὴ ἐπιτρέλειν, ἣν ποῦ βιάζεται)... Приезжавшие в Спарту эллины не раз жаловались на его злоупотребление властью (ἀδικία), подобавшее скорее тирану, нежели полководцу (τυραννίδος μᾶλλον ἐφαίνετο μίμησις ἢ στρατηγία)» (Thuc. I. 95. 1–3)³². «Что же касается отпадения ионян от союза с лакедемонянами, то их побудил к этому Аристид, улучив момент, когда лаконцы навлекли на себя ненависть из-за Павсания (τοὺς Λάκωνας διαβεβλημένους διὰ Παυσανίαν)» (Arist. *Ath. pol.* 23. 4)³³. «Распушенность (intemperantia) Павсания и добросовестность Аристида привели к тому, что почти все греческие государства вступили в союз с афинянами и выбрали их своими предводителями против варваров» (Her. *Aristid.* 2)³⁴. «Поскольку он (Павсаний. — И. С.) подражал персидской роскоши и относился к подчиненным как тиран (τυραννικῶς προσφερομένου τοῖς ὑποταγμένοις), все страдали от этого, а особенно те из эллинов, которые были назначены на какую-нибудь командную должность... В эллинском войске люди стали вступать в разговоры, сходясь в группы по племенам и городам и жалуясь на гнет Павсания (τοῦ Παυσανίου τῆς βαρύτητος)... Не только он сам вследствие собственного порока (διὰ τὴν ἰδίαν κακίαν) понес достойное наказание, но и для граждан своих стал виновником потери господства на море» (Diod. XI. 44. 5–6; XI. 46. 4)³⁵.

³² Фукидид цитируется в переводе Г.А. Стратановского.

³³ «Афинская полития» Аристотеля цитируется в переводе С.И. Радцига.

³⁴ Корнелий Непот цитируется в переводе Н.Н. Трухиной.

³⁵ Диодор Сицилийский цитируется в переводе В.М. Строгоцкого.

Наиболее информативны свидетельства Плутарха, особенно то из них, которое содержится в жизнеописании Аристиды; если остальные авторы ограничиваются общими фразами о высокомерии и бесчинствах Павсания, не конкретизируя, в чем именно они выражались, херонейский биограф приводит детали. «С начальниками союзников Павсаний разговаривал всегда сурово и сердито (ἀεὶ μετ' ὀργῆς ἐνετύγχανε καὶ τραχέως), а простых воинов наказывал палками или заставлял стоять целый день с железным якорем на плечах. Никому не разрешалось раньше спартанцев набрать соломы на подстилку, принести сена коням или подойти к источнику и зачерпнуть воды — ослушников слуги гнали прочь плетью. Когда однажды Аристид с упреком заговорил об этом с Павсанием и хотел его усостыжить, тот, нахмурившись, сказал, что ему недосуг, и не пожелал выслушать» (Plut. *Aristid.* 23)³⁶.

В биографии Кимона Плутарх более краток: Павсаний «...с союзниками же обращался сурово и надменно (τραχέως καὶ αὐθαδέως), держа себя крайне нагло, в опьянении властью и безумной гордостью (πολλὰ δὲ ἐξουσίαν καὶ ὄγκον ἀνόητον ὑβρίζοντος)... К Кимону и Аристиду примкнула большая часть союзников, не будучи в состоянии долее переносить тяжелый нрав и высокомерие (τὴν χαλεπότητα καὶ ὑπεροψίαν) Павсания» (Plut. *Cim.* 6)³⁷. Подчеркнем: все авторы, описывающие поведение Павсания на посту наварха в 478 г. до н.э., настолько единодушны, что перед нами вырисовывается яркая картина этакого «невоспитанного героя», который ненужной грубостью принес вред Спарте. После только что разобранных событий Павсаний, кстати, еще и захватил власть в Византии, фактически стал в ней тираном. В этом он отнюдь не создавал какой-то новой модели, а ориентировался на давно существовавшую. Имеем в виду модель архаической («старшей») тирании в греческом мире³⁸.

Выше упоминался царь Плистарх (сын Леонида), при котором были регентами Клеомброт и Павсаний. Скажем несколько слов и о самом Плистархе; его неяркое правление, по большей части номинальное, пришлось на 480–458 гг. до н.э. Первая из этих двух дат

³⁶ «Аристид» Плутарха цитируется в переводе С.П. Маркиша.

³⁷ «Кимон» Плутарха цитируется в переводе В.В. Петуховой.

³⁸ Berve (1967). S. 179–181, где Павсаний причислен к «наследникам ранних тиранов».

устанавливается с полной безусловностью (это год гибели Леонида), вторая же вычисляется на основании того, что, по свидетельству Диодора, сменивший Плистарха на престоле Плистоанакт царствовал 50 лет³⁹ и умер в 408 г. до н.э. (Diod. XIII. 75. 1). При этом, как указывает Павсаний (периегет), Плистарх скончался молодым, буквально вскоре после того, как, достигнув совершеннолетия, освободился от необходимости регентства⁴⁰ и реально получил власть. Выходит, что в 480 г. до н.э., в момент возведения на трон, он был, скорее всего, грудным младенцем. Иными словами, к достижению семилетнего возраста, когда для всех спартиатов, кроме престолонаследников, начиналась *ἀγωγή*, Плистарх был даже уже не престолонаследником, а царем, то есть, разумеется, никакой *ἀγωγή* заведомо не подлежал⁴¹. Сказалось ли это как-то на его характере и деятельности, мы не знаем и знать не можем именно потому, что судьба отпустила ему такой короткий жизненный путь, за время которого он вообще ничего не успел предпринять. Видимо, юноша был болезненным; не оставил он также и потомства, во всяком случае, мужского.

Последнее ясно из того, что наследовал Плистарху представитель боковой ветви Агиадов — вышеупомянутый Плистоанакт, сын регента Павсания. Положение Плистоанакта по отношению к курсу *ἀγωγή* предстает особенно своеобразным. Из всего вытекает, что он этот курс (продолжавшийся, подчеркнем, с семилетнего возраста до достижения совершеннолетия) начал, но не окончил. И действительно, в цари он не предназначался (никто не мог предугадать, что у Плистарха не будет прямого наследника) и, стало быть, подлежал *ἀγωγή*. С другой стороны, царский сан он получил, будучи несовершеннолетним. Год спустя после этого, в 457 г. до н.э., от Агиадов еще правил регент — Никомед (Thuc. I. 107. 2). Но как только Плистоанакт стал царем, ни о каком продолжении *ἀγωγή* для него, разумеется, не могло быть и речи.

³⁹ С большим перерывом (о чем будет сказано ниже), о котором Диодор не упоминает.

⁴⁰ После Клеомброта и Павсания за Плистарха должен был править еще какое-то время третий регент. Таковым с наибольшей вероятностью являлся брат Павсания Никомед, о котором применительно к более поздним событиям известно из Фукидида (Thuc. I. 107. 2).

⁴¹ Madson (2025). P. 66.

Таким образом, он ни ἀγωγή не прошел полностью, ни специального «царского» образования не получил, поскольку в царя его не готовили. Коснемся в данной связи вопроса о том, какими личными чертами отличался этот долго живший человек. Бросается в глаза, что за ним вообще не числится военных подвигов (крайне редкий случай среди спартанских царей), и, напротив, все говорит о нем как о совершенно не воинственном человеке. В последний год так называемой Малой Пелопоннесской войны 459–446 гг. до н.э. Плистоанакт во главе сильной армии вторгся в Аттику, но никаких успехов в ходе этой экспедиции не добился и вообще действовал крайне нерешительно: продвинулся только до Элевсина и сразу же увел свои силы обратно (Thuc. II. 21. 1). Это вызвало в Спарте взрыв негодования, и царь фактически был подвергнут изгнанию: (Plut. *Pericl.* 22: «...спартанцы наложили на царя большой денежный штраф, которого он не мог уплатить, а потому добровольно удалился из Спарты»⁴²).

Изгнание продолжалось 19 лет; Плистоанакт проводил его в Аркадии, а в 427 г. до н.э. его восстановили на престоле благодаря неоднократным ходатайствам дельфийского жречества в его пользу, сопровождавшимся аргументацией религиозного плана (Thuc. V. 16. 2–3). Возвратившись, он тут же стал в Спарте главным миротворцем. Фукидид, рассказывая о подписании мирного договора 421 г. до н.э., завершившего первый период Пелопоннесской войны, подчеркивает (Thuc. V. 16. 1), что во всей Греции два человека приложили больше всего усилий для заключения мира — афинский полководец Никий (потому и договор этот вошел в историю как «Никиев мир», εἰρήνη Νικίειος, Plut. *Nic.* 9) и Плистоанакт: именно его имя значится первым среди тех лиц со спартанской стороны, которые поставили свои подписи под документом (Thuc. V. 19).

Плистоанакту наследовал его сын Павсаний (не следует путать его с регентом того же имени), ἀγωγή не подлежавший как заведомый престолонаследник⁴³. Павсаний являлся, безусловно, самым интеллектуальным из всех спартанских царей, когда-либо занимавших престол. И, кажется, единственным из них, кто занимался литературной деятельностью: по свидетельству Страбона (Strab. VIII.

⁴² «Перикл» Плутарха цитируется в переводе С.И. Соболевского.

⁴³ Кажется, он был единственным сыном Плистоанакта. Ни о каких других не известно; генеалогическое древо см.: Madson (2025). P. 66.

366), он написал некое сочинение, посвященное законам Ликурга. Сделал он это (несомненно, в полемических целях) в конце жизни, после того как его постигло изгнание (которое он, как и его отец, проводил в Аркадии: Xen. *Hell.* III. 5. 25).

Обычно мы имеем информацию о деятельности того или иного спартанского царя, а не о его личности, человеческих качествах (сказанное относится не только к царям, но и к большинству остальных спартиатов). Павсаний — счастливое исключение. Сейчас будет процитирована описанная оратором Лисием красочная и трогательная сцена встречи Павсания с детьми жертв репрессий афинского крайне-олигархического режима Тридцати⁴⁴. Но вначале разьясим контекст этого эпизода. После завершения Пелопоннесской войны капитуляцией Афин в 404 г. до н.э. коллегия Тридцати привел в них к власти (чисто диктаторскими методами) знаменитый спартанский полководец Лисандр. Когда в следующем году армия Тридцати потерпела поражение в гражданской войне от сил демократической оппозиции, возглавлявшихся Фрасибулом, коллегия была отстранена от власти и вынужденно удалась в Элевсин (Xen. *Hell.* II. 4. 24).

Оттуда эти олигархи обратились в Спарту за военной помощью против Фрасибула (Xen. *Hell.* II. 4. 28). Продолжавший активно поддерживать их Лисандр взял на себя руководство экспедицией против мятежных демократов и прибыл в Элевсин (Xen. *Hell.* II. 4. 29). Однако неприкрытая поддержка столь одиозного режима вызвала недовольство части спартиатской элиты во главе с Павсанием. Последний, заручившись поддержкой большинства эфоров, организовал и возглавил альтернативный поход в Аттику (Xen. *Hell.* II. 4. 30), целью которого было не подавление сторонников демократии, а примирение враждующих сторон в афинской смуте (Xen. *Hell.* II. 4. 31): здоровым силам в Спарте были нужны не только лояльные, но и стабильные, а не раздираемые конфликтом Афины.

К этому моменту и относится рассказ Лисия (Lys. XVIII. 10–12). В нем фигурируют родственники Никия — знаменитого афинского полководца, погибшего в 413 г. до н.э. При Тридцати были

⁴⁴ О репрессиях Тридцати см.: Wolpert (2006). Именно из-за них этот режим вошел в историю как «Тридцать тиранов». Выражение это, впрочем, появилось несколько позже. Как считается, его первым употребил историк IV в. до н.э. Эфор: Rhodes (2000). P. 135.

казнены сын Никия Никерат и брат Евкрат. Рассказ ведется от лица одного из сыновей последнего:

«...Как только в Академию пришли спартанцы с Павсанием, он (Диогнет, еще один брат Никия, при Тридцати бежавший из Афин и тем спасшийся от смерти. — *И. С.*) взял Никератова сына и нас, бывших еще детьми, Никератова сына положил на колени Павсанию, а нас поставил около него и стал рассказывать ему и другим, бывшим там, сколько несчастий мы пережили и какие превратности судьбы испытали, и просил Павсания ради дружбы и гостеприимства помочь нам и отомстить нашим злодеям. Вследствие этого Павсаний стал относиться благосклонно к народу и указывал другим спартанцам на наши несчастия как на пример преступной деятельности коллегии Тридцати; тогда всем пришедшим с ним пелопоннесцам стало ясно, что они казнили не самых дурных граждан, а таких, которые имели полное право на уважение как по своему происхождению и богатству, так и вообще по своим высоким нравственным качествам. Все так жалели нас и считали наши несчастия столь ужасными, что Павсаний отказался принять подарки от коллегии Тридцати, а от нас принял»⁴⁵.

В свое время мы дали следующий комментарий к этому эпизоду⁴⁶ (под которым и ныне в полной мере подписались бы): «Когда читаешь такое, поневоле закрадывается мысль, что, возможно, на позицию Павсания в “афинском вопросе” повлияли не только внутриполитические соображения — желание воспрепятствовать нарастающему влиянию Лисандра, — но и действительно чисто человеческое, сентиментальное чувство сочувствия к пострадавшим. Как известно, наследники лакедемонских престолов не подлежали традиционной спартиатской *ἀγωγή* и, соответственно, не превращались в бесчувственных солдафонов».

В отличие от достаточно мягкого Павсания, подчеркнутой грубостью, делавшей его порой просто невыносимым, отличался как раз Лисандр (*Plut. Lysand.* 19). Не случайно между Павсанием и Лисандром всегда существовала напряженность в отношениях, доходившая до прямой враждебности⁴⁷. Кстати, выше мы упомянули

⁴⁵ Лисий цитируется в переводе С.И. Соболевского.

⁴⁶ Суриков (2015). С. 73–74.

⁴⁷ Об отношениях между Павсанием и Лисандром см.: Печатнова (2007). С. 264.

о полемическом сочинении, написанном Павсанием. В плане сопоставления небезынтересно то, что Лисандр, в конце своей жизни замышлявший в Спарте радикальную реформу государственного устройства, в результате которой он сам должен был получить царскую власть⁴⁸, тоже озаботился созданием полемического сочинения, служившего цели обоснования этой реформы. И в высшей степени характерно, что он не писал это сочинение лично, а препоручил работу известному ритору и историку Клеону Галикарнасскому (Plut. *Lysand.* 25). Видимо, понимал, что самому ему создать что-то подобное совершенно не под силу⁴⁹.

Два сына Павсания один из другим занимали агиадский престол — вначале Агесиполид I (395–380 гг. до н.э.), а потом Клеомброт I (380–371 гг. до н.э.). Из этого следует, что старшим был Агесиполид; соответственно, он как престолонаследник был освобожден от ἀγωγή. Этого царя можно охарактеризовать как весьма способного военачальника. Он с успехом командовал спартанским войском в войнах против Аргоса в 388 г. до н.э. (Xen. *Hell.* IV. 7. 2–7), против Мантиней в 385 г. до н.э. (Xen. *Hell.* V. 2. 3–6), против Олинфа в 381 г. до н.э. (Xen. *Hell.* V. 3. 18). В ходе последней из этих войн он, однако, скончался от болезни (Xen. *Hell.* V. 3. 19), не оставив мужского потомства.

Сменивший его на троне младший брат Клеомброт, прошедший курс ἀγωγή, напротив, на полях сражений оказался откровенным неудачником. В 378 г. до н.э. (у Спарты была тогда война с Фивами) он вторгся в Беотию, но действовал чрезвычайно вяло и, ничего не добившись, отступил обратно на Пелопоннес (Xen. *Hell.* V. 4. 15), так что «воины сильно недоумевали, что у них с Фивами — война или мир» (στρατιώτας καὶ μάλα ἀποροῦντας πότερά ποτε πόλεμος πρὸς Θηβαίους ἢ εἰρήνη εἶη, Xen. *Hell.* V. 4. 16). В 376 г. до н.э. ему снова было поручено руководство боевыми действиями против фиванцев, и он проявил себя таким же кунктатором (Xen. *Hell.* V. 4. 59). Советники уже стали намекать ему, что в случае нового проявления пассивности он, скорее всего, на родине будет обвинен в измене и сурово наказан (Xen. *Hell.* VI. 4. 4–5).

⁴⁸ Видимо, именно вместо Павсания. См.: Суриков (2015). С. 100.

⁴⁹ Образованием Лисандра была ἀγωγή. Он имел знатное происхождение, но ни к Агиадам, ни к Еврипонтидам не принадлежал (Plut. *Lysand.* 2).

Наказал, однако, Клеомброт себя сам. Именно он возглавлял спартанцев в той битве, которая оказалась для них воистину роковой, принеся им самое страшное поражение в их истории и лишив их гегемонии в Греции, — в битве при Левктрах 371 г. до н.э. В этом сражении пал и он сам (точнее, был смертельно ранен и вскоре скончался, *Xen. Hell.* VI. 4. 13). Клеомброт действовал как рутинер, совершенно традиционным образом, и был по всем статьям переигран командующим фиванцев — гениальным Эпаминондом (получившим, кстати, прекрасное философское образование у подвизавшихся в Фивах пифагорейцев), который применил новаторскую тактику «косого клина налево»⁵⁰.

Из источников известны два сына Клеомброта, которые тоже были царями, — Агесиполид II, старший, и Клеомен II, младший. Исходя из общей нормы, Л. Мэдсон считает, что второй из них прошел ἀγωγή, первый же получил «царское образование». Что касается Агесиполида, у нас в этом полной уверенности нет: его отцом был человек, в цари не предназначавшийся, и, соответственно, сам он в детстве не должен был рассматриваться как потенциальный престолонаследник. Скорее всего, семь лет ему исполнилось еще до того, как в 380 г. до н.э. началось царствование Клеомброта, и, значит, он должен был по крайней мере начать курс ἀγωγή.

Впрочем, сам Агесиполид II царствовал лишь один год (371–370 гг. до н.э.) и ровно ничего не совершил. Сменивший его Клеомен II (заведомо подлежащий ἀγωγή) царствовал, как упоминалось выше, 61 год и, что поразительно, тоже ровно ничего не совершил. Дальше проследить историю Агиадов мы не будем (хронологические рамки статьи во избежание разрастания ее объема ограничены доэллинистическим временем) и обратимся в том же ракурсе к Еврипонтидам.

Из них выше был упомянут Демарат (безусловно, получивший «царское» воспитание), на котором пресеклась основная линия династии, после того как он около 491 г. до н.э. был объявлен незаконнорожденным (не сыном предыдущего царя Аристонa) и лишен сана (подробный рассказ см.: *Herod.* VI. 61–67). После этого он еще некоторое время оставался в Спарте и даже занимал какую-то дру-

⁵⁰ О действиях Эпаминонда при Левктрах см.: Buckler (2013). О философских основах его тактики см.: Видаль-Накэ (2001). С. 91–112.

гую (то есть заведомо более низкую) должность, будучи избран на нее (ἦρχε αἰρεθείς ἀρχήν, Herod. VI. 67), но потом не снес своего двусмысленного положения и бежал в Персию, ко двору царя Дария I. При Дарии, а потом и при его преемнике Ксерксе он был чем-то вроде советника по эллинским делам, а Ксеркса даже сопровождал в его походе на Грецию в 480 г. до н.э. Таким образом, в глазах соплеменников он, безусловно, должен был оказаться изменником.

Тем не менее Геродот находит для Демарата добрые слова: «он прославился среди лакедемонян многими подвигами, великим благородием (ἄλλα τε Λακεδαιμονίοισι συχὰ ἔργοισι τε καὶ γνῶμησι ἀπολαμπρυνθείς)...» (Herod. VI. 70). Да и в целом в сочинении галикарнасского историка этот царь представлен скорее в позитивном свете. К удалению в Азию подвигло его несправедливое низложение, вызванное интригами недоброжелателей. А уже оказавшись при персидском дворе, он становится своего рода рупором ряда программных для Геродота идей о греках (особенно спартанцах) и их ценностях. Например, вот что он говорит Ксерксу, уже начавшему вторжение в Европу:

«Бедность в Элладе существовала с незапамятных времен, тогда как доблесть приобретена врожденной мудростью и суровыми законами. И этой-то доблестью Эллада спасается от бедности и тирании (δеспοσύνην). Я воздаю, конечно, хвалу всем эллинам, живущим в дорийских областях. Однако то, что я хочу теперь тебе поведать, относится не ко всем им, но только к лакедемонянам. Прежде всего они никогда не примут твоих условий, которые несут Элладе рабство (δουλοσύνην). Затем они будут сражаться с тобой, даже если все прочие эллины перейдут на твою сторону. Что же до их численности, то не спрашивай, сколько у них боеспособных воинов. Ведь если их выйдет в поход только тысяча или около того, то все равно они будут сражаться!» (Herod. VI. 102). «...В единоборстве они сражаются столь же храбро, как и другие народы, все вместе в бою они доблестней всех на свете. Правда, они свободны, но не во всех отношениях. Есть у них владыка — это закон (ἔλεστι γάρ σφι δеспότης νόμος), которого они страшатся гораздо больше, чем твой народ тебя. Веление закона всегда одно и то же: закон запрещает в битве бежать пред любой военной силой врага, но велит, оставаясь в строю, одолеть или самим погибнуть» (Herod. VI. 104).

Это, так сказать, *locus classicus* о спартиатах, и в высшей степени показательно, что Геродот вложил его в уста ахеменидского придворного, которым на тот момент стал Демарат (последний, между прочим, оговаривает, что ему совершенно не за что льстить своим бывшим согражданам, доведшим его до изгнания). И в дальнейшем отец истории заставляет экс-царя снова и снова проводить перед Ксерксом ту же линию: «Эти люди пришли сюда с нами⁵¹ за этот проход, и они готовятся к битве. Таков у них обычай: всякий раз, как они идут на смертный бой, они украшают себе головы. Знай же, царь, если ты одолеешь этих людей и тех, кто остался в Спарте, то уже ни один народ на свете не дерзнет поднять на тебя руку. Ныне ты идешь войной на самый прославленный царский род и на самых доблестных мужей в Элладе» (Herod. VI. 209).

Это сказано перед штурмом Фермопил. А вот что — после штурма, когда Ксеркс, ошеломленный доблестью защитников прохода, осведомляется у Демарата, много ли еще осталось таких храбрцев: «Царь! Число лакедемонян велико, и городов у них много. А то, что ты желаешь узнать, узнаешь. Есть в Лаконике город Спарта, и в нем около 8000 мужей. Все они так же доблестны, как и те, что здесь сражались. Остальные лакедемоняне, правда, не такие, как эти, но все же — храбрые мужи (τούτοισι μὲν οὐκ ὄμοιοι, ἀγαθοὶ δέ)⁵²» (Herod. VI. 234).

Спартанцы, согласно Геродоту, будто бы даже именно от Демарата получили тайное известие о подготовке Ксеркса к походу (Herod. VII. 239). С другой стороны, у того же Геродота Демарат оказывается злостным врагом Спарты, подающим владыке персов воистину полезный совет о том, как сокрушить ее. Он рекомендует сделать базой ахеменидского флота остров Киферы у южного побережья Лаконики (Herod. VII. 235). Как намекает далее отец истории, персидский флот в конечном счете постигла неудача именно потому, что он был размещен Ксерксом, не последовавшим этому совету, в Аттике. Это повлекло за собой череду событий, завершившихся роковой для агрессоров Саламинской битвой. Итак, Демарат

⁵¹ Обратим внимание на это «с нами» (ἡμῖν). Получается, Демарат уже ассоциирует себя с персами.

⁵² Имеются в виду спартанские перизки, отличающиеся Демаратом от спартиатов-гомеев: Mertens (2002).

обрисован у Геродота как фигура противоречивая, но, во всяком случае, как человек высокого интеллекта.

После низложения Демарата престол Еврипонтидов занимали уже цари, принадлежавшие к боковой линии этой династии. Первым из них был Леотихид II; собственно, именно он хитроумными интригами добился устранения Демарата, своего дальнего родственника. Из сказанного ясно, что сам Леотихид курс ἀγωγή прошел. В дальнейшем он командовал в 479 г. до н.э. флотом Эллинского союза в известной битве при Микале⁵³. Впрочем, не похоже, чтобы он лично внес значительный вклад в победу в этом сражении, где «особенно отличились афиняне... После же афинян больше всего отличились коринфяне, трезенцы и сикионцы» (Herod. IX. 105). Спартанцы, как видим, в числе отличившихся даже не упоминаются. А афинский контингент, который Геродот особо выделяет, возглавлялся, между прочим, виднейшим полководцем Ксантиппом, отцом Перикла⁵⁴.

Леотихид же несколько лет спустя совершил поступок, недостойный спартанского царя: руководивший в 476 г. до н.э. военным походом в Фессалию, он был уличен в получении крупной взятки. Его «застали на месте преступления: он сидел в своем собственном стане на мешке, полном денег⁵⁵» (Herod. VI. 72). На родине он был привлечен к суду, но не явился на него и бежал из Спарты в Аркадию, где затем скончался.

В данной связи можем сказать, что иногда видных спартиатов ловили на взяточничестве. Среди таковых можно назвать Клеандрида (Plut. *Pericl.* 22), Гилиппа (Plut. *Lysand.* 16), Форака (Plut. *Lysand.* 19) и др. Но чтобы в таком был замешан царь?! Кажется, в данном отношении Леотихид являет собой уникальный случай (по крайней мере, для доэллинистического времени), и тут нельзя не вспомнить о том, что он получил не «царское», а ординарное (ἀγωγή) воспитание.

⁵³ Образцовый анализ битвы при Микале см.: Kambouris (2022). P. 201–234.

⁵⁴ О вкладе Ксантиппа в победу в этом сражении см.: Суриков (2021). С. 282.

⁵⁵ Здесь мы были вынуждены внести поправку в перевод Стратановского, где стоит «...полном золота». В оригинале — πλέη ἀργυρίου. Ἀργύριον — это не золотые, а серебряные деньги.

Леотихид II имел сына Зевксидама, который, однако, скончался раньше него самого и, соответственно, никогда не правил. На Зевксидаме, может быть, и останавливаться не следовало бы, но мы все-таки сделаем это, поскольку именно в связи с ним Л. Мэдсон, к чьей работе мы постоянно апеллируем, допустил наиболее серьезную ошибку, которая обязательно должна быть исправлена. Он посчитал, что Зевксидам, будучи престолонаследником, не получил ἀνωγή, а при этом и царем не стал. По мнению Мэдсона, за это он был презираем спартиатами и получил от них прозвище Киниск (о чем сообщает Геродот: Herod. VI. 71), которое может быть понято как «Щенок». Исследователь считает это прозвище обидным⁵⁶.

Однако он не учел, что Зевксидам стал престолонаследником (в 491 г. до н.э., когда его отец воцарился) в уже взрослом возрасте. Это с легкостью вычисляется из следующего. Сын Зевксидама Архидам (о нем еще пойдет речь в дальнейшем), по свидетельству Геродота, первый раз женился еще в царствование своего деда (Леотихида), хотя уже после смерти отца. Иными словами, этот брак приходится на время до 476 г. до н.э. Стало быть, тогда он являлся уже как минимум совершеннолетним, коль скоро имел законное право вступить в брак, и, таким образом, должен был родиться никак не позднее 494 г. до н.э. (а скорее, даже несколько раньше, поскольку браки мужчин в очень юном возрасте в античной Греции были крайне редки). Что же получается? Зевксидам занял положение наследника престола, уже имея сына. Образование же он получил заведомо до того, и образованием этим могло быть только ἀνωγή и ничто иное.

Не согласны мы и с утверждением Мэдсона, что прозвище Киниск имело негативный оттенок. В ономастиконе Еврипонтидов зафиксировано имя (подчеркнем, официальное имя, а не прозвище) Киниска: так звали дочь Архидама, внучку Зевксидама (Paus. III. 8. 1). Не нуждается в доказательстве утверждение, что *Киниск* и *Киниска* — два варианта, мужской и женский, одной и той же ономастической единицы. Если бы в ней звучал хотя бы какой-нибудь негатив, она не использовалась бы в имянаречении. Никто не назовет своего ребенка таким словом, которое может быть воспринято как бранная кличка.

⁵⁶ Madson (2025). P. 61.

Переходим теперь к самому Архидаму II, который был провозглашен царем либо сразу после изгнания Леотихида II в 376 г. до н.э., либо после того, как тот скончался в Аркадии в 469 г. до н.э.⁵⁷, и находился на престоле вплоть до своей смерти в 427/426 г. до н.э. В его честь, как известно, первый период Пелопоннесской войны (431–421 гг. до н.э.) был назван Архидамовой войной⁵⁸, потому что в ее начале он выступал в роли главнокомандующего вооруженными силами Пелопоннесского союза и, в частности, несколько раз вторгнулся с сухопутной армией в Аттику. Касательно Архидаму можно заключить с большей степенью уверенности, что он получил не ἀγωγή, а «царское» воспитание.

В силу состояния источниковой базы в наших знаниях о биографии Архидаму II имеются большие пробелы; в частности, о нескольких десятилетиях его жизни (между 460-ми и концом 430-х гг. до н.э.) мы не имеем вообще никакой информации. Что полезного можно извлечь из тех немногих данных, которыми мы располагаем? Во-первых, в начале 460-х гг. до н.э. Архидам, молодой еще человек, в момент, когда на Спарту обрушилось катастрофическое землетрясение и одновременно, воспользовавшись этим, восстали илоты⁵⁹, не растерялся, проявил находчивость и смекалку, одним словом, спас сограждан (подробности см.: Diod. XI. 63–64; Plut. *Cim.* 16). Во-вторых, в «Истории» Фукидида есть программный текст — речь на конгрессе Пелопоннесского союза в 432 г. до н.э. (на котором решался вопрос о том, начинать ли войну с Афинами), дающая представление об особенностях личности и взглядов этого деятеля, ярко рисующая его типичным спартиатом, верным устоям «Ликургова космоса» (Thuc. I. 80–85).

По содержанию речь отличается дальновидностью, по форме — тонкостью аргументации, а по объему — большой пространственностью. В целом она резко выбивается из ряда тех речей, которые произносят у Фукидида спартиаты. Последние были отнюдь не ма-

⁵⁷ Welwei (1996). Sp. 991.

⁵⁸ Это произошло уже в античности. По свидетельству лексикографа Гарпократиона (Нагрост. s.v. Ἀρχιδάμειος πόλεμος), первым формулировку «Архидамова война» употребил Лисий в (не сохранившейся) речи «Против Андротиона».

⁵⁹ Хронологию событий см.: Vadian (1993). P. 100.

стера красно говорить, в чем сам историк отдавал себе отчет (ср. Thuc. IV. 84. 2) и прекрасно отражал эту их особенность. Так, прозвучавшее в ответ на речь Архидам выступление эфора Сфенелаида (Thuc. I. 86) во всех отношениях являет контраст с ней. Оно предельно кратко, практически лишено рациональных аргументов, построено на эмоциях. Завершается эта ура-патриотическая тирада бодрым возгласом: «Итак, с помощью богов пойдем на обидчиков (ἀλλὰ ξὺν τοῖς θεοῖς ἐπιώμεν ἐπὶ τοὺς ἀδικοῦντας)!».

Всем дальнейшим изложением Фукидид делает ясным, что прав оказался не Сфенелаид с его «шапкозакидательскими» настроениями, а умудренный опытом Архидам, предрекавший, что предстоящее столкновение не будет легкой прогулкой, что нужно настраиваться на долгую, изнурительную войну, по поводу которой он, в частности, делает следующий прогноз: «...Я опасюсь, как бы эта война не осталась в наследство нашим детям». Во всяком случае, применительно к самому себе царь угадал будущее безошибочно: заканчивал Пелопоннесскую войну его сын Агид II. Перед тем как перейти к нему и дальнейшим персонажам, констатируем: можно со значительной долей уверенности сказать, что цари, воспитывавшиеся не в рамках ἀγωγή, а по-своему, значительно лучше владели искусством слова, чем те спартанцы, уделом которых была ἀγωγή (собственно, этого можно было бы ожидать). Возможно, им прививались некие начала ораторского искусства.

Царствование Агида II (426–400 гг. до н.э.) без остатка было заполнено войнами. Как только окончилась Пелопоннесская, началась новая — с Элидой⁶⁰, а по завершении этой последней Агид практически сразу скончался (Xen. *Hell.* III. 3. 1). Время было такое, что ему не довелось иметь никаких иных заслуг, кроме полководческих (зато они были весьма значительны).

В семье Агида и его супруги Тимеи воспитывался сын Леотихид. Однако, по всеобщему убеждению, его настоящим отцом был не Агид, а известный афинский полководец и политик Алкивиад, который в 415–413 гг. до н.э., будучи приговорен на родине к смертной казни, проживал в Спарте и вступил в любовную связь с Тимеей (Plut. *Lysand.* 22). Поэтому после смерти Агида в Спарте разразился династический кризис, и в конечном счете разрешение

⁶⁰ Poralla (1913). S. 12.

вопроса о наследовании было предоставлено народному собранию, которое сделало выбор в пользу не Леотихида, а Агесилая, младшего брата только что скончавшегося царя.

Спартанское народное собрание вмешивалось в такие дела крайне редко (выше нам встречался только один случай такого рода, связанный с детьми Анаксандрида) — только тогда, когда ситуация спорной. На сей раз спорность заключалась в следующем: Агид долгое время не признавал свое отцовство по отношению к Леотихиду, но во время его предсмертной болезни юноша (еще несовершеннолетний на тот момент) слезными мольбами добился того, что царь публично объявил его своим законным сыном (Plut. *Agesil.* 3). Получается, только с этого момента он стал потенциальным престолонаследником, а до того не являлся таковым. И, следовательно, воспитывался как обычный спартиат; поэтому вряд ли прав Л. Мэдсон, считающий, что Леотихид был освобожден от ἀγωγή⁶¹.

Как бы то ни было, этот человек никогда не царствовал. Что же касается Агесилая II — тут перед нами тот редкий случай, когда не приходится прибегать к гипотезам и догадкам, случай бесспорный, ввиду наличия прямого свидетельства источника (Плутарха, соответствующий пассаж которого цитировался в начале статьи) о том, что он прошел курс ἀγωγή. И в то же время это тот особый случай, который выделяется из ряда остальных и не может служить основанием для каких-либо обобщений, поскольку в лице Агесилая царем Спарты оказался — первый и единственный раз в ее истории — гениальный человек. Только по отношению к этому царю употреблялся эпитет «Великий» (ὁ Μέγας, Plut. *Mor.* 208b), да и в целом, кажется, до Александра III Македонского этого эпитета никто, кроме Агесилая, не удостоивался⁶². Ну, а к гению общие мерки непри-

⁶¹ Madson (2025). P. 62.

⁶² Однажды автору этих строк, когда он читал открытую лекцию об Агесилае II, один из слушателей задал вопрос: «На чем, собственно, основано это представление о его величии как полководца, да и правомерно ли оно? Ведь парадоксальным образом именно в его царствование Спарта была сброшена с пьедестала общегреческого гегемона, на который вознесла ее победа в Пелопоннесской войне, да и в целом была ввергнута в жестокий кризис». Наш ответ был тогда следующим. Как минимум три заслуги Агесилая дают ему право числиться среди великих полководцев. Во-первых, его

менимы, и бессмысленно рассуждать о том, по какой системе он воспитывался.

Касательно сына и преемника Агесилая — Архидама III (царствовал в 360–338 г. до н.э.) — ясности по рассматриваемому вопросу нет, что справедливо констатирует и Л. Мэдсон⁶³. Дело в том, что нам неизвестно даже приблизительно время рождения этого царя. Отец его Агесилай принял царский сан в 400 г. до н.э., уже перешагнув рубеж сорокалетия⁶⁴. Иными словами, теоретически он

действия в 396–394 г. до н.э. на западе Малой Азии в ходе спартано-персидской войны. Он тогда, командуя очень небольшой армией, буквально превратил в ад жизнь двух располагавших огромными силами сатрапов, Фарнабаза и Тиссаферна (последний из-за своих неудач был даже казнен по приказу царя Артаксеркса II, Xen. *Hell.* III. 4. 25), и был уже твердо намерен двигаться в центральные области Ахеменидской державы (Plut. *Agasil.* 15), то есть сделать то, что много десятилетий спустя сделал Александр III. Не осуществил он этот поход, как известно, потому что был отозван на родину из-за начала Коринфской войны. Ко времени этого вооруженного конфликта относится вторая заслуга Агесилая — его победа в битве при Коронее (394 г. до н.э.) над силами антиспартанской коалиции. Последние тогда хорошо подготовились, ожидая в Беотии противника, который следовал из Азии на Пелопоннес и никак не мог миновать столкновения с ними. Они имели возможность и выбрать выгодную для себя позицию, и хорошо отдохнуть. Агесилай же принял бой после длительного, нелегкого перехода, который к тому же на своем последнем этапе, в Фессалии, сопровождался постоянными атаками неприятеля (о битве при Нарфакии см.: Olbrycht [2020]). Нужно еще учитывать, кто сражался под его началом: в основном приведенные им с востока воины из малоазийских греческих полисов, чей низкий боевой потенциал был всем известен. Противостояли же им контингенты из Беотийского союза, Афин, Аргоса, Коринфа — сильнейших и прославленных держав Эллады. И тем не менее Агесилай нанес им тяжелое поражение. Наконец, о третьем его деянии, — наверное, самом экстраординарном. Когда после битвы при Левктрах беотийцы начали совершать походы на Пелопоннес, они дважды пытались взять саму Спарту; оба раза их войско возглавлял другой гений — Эпаминонд. К тому же его задача сильно облегчалась отсутствием у Спарты оборонительных стен. Оба раза, однако, город удалось отстоять (если вдуматься, это было просто чудо), и оба же раза это сделал лично Агесилай, хотя и был уже в преклонных годах.

⁶³ Madson (2025). P. 64.

⁶⁴ Время рождения Агесилая II — 444 г. до н. э. — устанавливается на

мог иметь к этому моменту не только сына, но даже и взрослого сына. А мог и не иметь. Соответственно, имеются три возможности, любая из которых имеет шансы соответствовать действительности. Если Архидам родился в 406 г. до н.э. или позже, то с семилетнего возраста он сразу стал получать «царское» воспитание. Если он родился на хронологическом отрезке 418–407 гг. до н.э., то у него начался курс ἀγωγή, но в определенный момент — а именно тогда, когда он стал наследником престола, — был прерван. Наконец, если он родился ранее 418 г. до н.э. и, соответственно, достиг совершеннолетия ранее воцарения своего отца, то курс ἀγωγή им был пройден⁶⁵. Спорный случай лучше оставить за пределами рассмотрения⁶⁶.

Наконец, о сыне Архидам Агиде III, царствовавшем в 338–331 гг. до н.э., а престолонаследником являвшемся с самого рождения (со всеми вытекающими последствиями для его образования), почти ничего нельзя сказать как о личности в силу недостатка данных. Что касается его деятельности, развертывавшейся на рубеже эпох классики и эллинизма, ее направленность хорошо известна: когда Александр Великий вел военные действия против Дария III на востоке, Агид вступил в сношения с персами, стал их союзником в греческом тылу, поднял антимакедонское восстание и погиб в битве с Антипатром при Мегалополе⁶⁷.

основании сообщения Плутарха о его смерти в 360 г. до н.э. в возрасте 84 лет (Plut. *Agesil.* 40).

⁶⁵ Последняя из трех возможностей куда менее вероятна, чем первые две. В 338 г. до н.э. Архидам III был не только жив, но и активен (он действовал тогда в Италии, где помогал спартанской колонии Таренту против луканов, и погиб в одном из сражений: Diod. XVI. 63. 1), а следовательно, вряд ли был глубоким стариком в возрасте за восемьдесят.

⁶⁶ Может быть, имеет смысл только упомянуть общую оценку, данную Архидаму Диодором при сообщении о его смерти: в целом это был человек достойный, но однажды все-таки запятнал себя, поспособствовав тому, что фокидяне святотатственно захватили Дельфийское святилище (речь идет о событиях Третьей Священной войны 356–346 гг. до н.э.). Поступок действительно не очень характерный для спартиатов, которые отличались своей набожностью, а особенно чтили именно Дельфы, но при этом такой, какой вполне мог совершить, скажем, Клеомен I.

⁶⁷ Poralla (1913). S. 13.

Настало время подводить итоги, которые — это следует сразу оговорить — неизбежно будут гипотетичными и в чем-то субъективными. При сравнении спартанских царей, освобожденных от ἀγωγή и, следовательно, получивших некое особое воспитание, с теми, кто воспитывался в рамках ἀγωγή (как царями, так и остальными гражданами Спарты), в целом складывается впечатление, что эти цари в целом (если выводить за скобки отклонения, особые случаи, которые неизбежны) выделялись следующими качествами: более нетрадиционным и креативным, чем у остальных, мышлением, более широкой эрудицией, лучше развитой речью, большей деликатностью в манерах, в общении с окружающими. Они, как правило, предстают перед нами более яркими личностями и, во всяком случае, более интеллектуальными. В данном плане их действительно можно назвать «воспитанными героями».

Материал поступил в редакцию 10.01.2026.

*Материал поступил в редакцию после рецензирования
27.02.2026.*

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Badian, E. (1993) *From Plataea to Potidaea: Studies in the History and Historiography of the Pentecontaetia*. Baltimore: The Johns Hopkins University Press.
- Barello, A. (1996) “Il processo di Cleomene e la crisi dinastica di Sparta”, *Contributi dell'Istituto di storia antica (Milano)*, 22, 19–27.
- Berve, H. (1967) *Die Tyrannis bei den Griechen. Bd. 1: Darstellung*. München: Beck.
- Blois, L. de (2006) “Plutarch’s Solon: A Tissue of Commonplaces or a Historical Account?”, in J.H. Blok, A.P.M.H. Lardinois, eds. *Solon of Athens: New Historical and Philological Approaches*. Leiden; Boston: Brill, 429–440.
- Bradford, A.S. (2011) *Leonidas and the Kings of Sparta: Mightiest Warriors, Fairest Kingdom*. Santa Barbara: ABC-CLIO.
- Buckler, J. (2013) “Epaminondas at Leuctra, 371 B.C.”, in B. Campbell, L.A. Tritle, eds. *The Oxford Handbook of Warfare in the Classical World*. Oxford: Oxford University Press, 657–670.
- Clauss, M. (1983) *Sparta: Eine Einführung in seine Geschichte und Zivilisation*. München: Beck, 1983.
- Currie, B. (2010) *Pindar and the Cult of Heroes*. Oxford: Oxford Univ. Press.

- Forrest, W.G. (1966) *The Emergence of Greek Democracy: The Character of Greek Politics, 800–400 B.C.* London: Weidenfeld & Nicolson.
- Georges, P. (1994) *Barbarian Asia and the Greek Experience: From the Archaic Period to the Age of Xenophon.* Baltimore: The Johns Hopkins University Press.
- Griffiths, A. (1989) “Was Kleomenes Mad?”, in A. Powell, ed. *Classical Sparta: Techniques behind her Success.* London: Routledge, 51–78.
- Hall, E. (1991) *Inventing the Barbarian: Greek Self-Definition through Tragedy.* Oxford: Clarendon Press.
- Harvey, D. (1979) “Leonidas the Regicide? Speculations on the Death of Kleomenes I”, in G.W. Bowersock, W. Burkert, M.C.J. Putnam, eds. *Arktouros: Hellenic Studies Presented to Bernard M.W. Knox on the Occasion of his 65th Birthday.* Berlin; New York: De Gruyter, 253–260.
- Jones, A.H.M. (1967) “The Lycurgan Rhetra”, in E. Badian, ed. *Ancient Society and Institutions: Studies Presented to Victor Ehrenberg on his 75th Birthday.* New York: Barnes & Noble, 165–175.
- Jones, C.P. (2010) *New Heroes in Antiquity: From Achilles to Antinoos.* Cambridge Mass.: Harvard University Press.
- Kambouris, M.E. (2022) *The Greek Victories and the Persian Ebb 480–479 BC: The Battles of Salamis, Plataea, Mycale and after.* Philadelphia, Pen & Sword Books.
- Kennell, N.M. (1995) *The Gymnasium of Virtue: Education & Culture in Ancient Sparta.* Chapel Hill; London: The University of North Carolina Press.
- Kienast, D. (2003) “Der Hellenenbund von 481 v. Chr.”, *Chiron*, 23, 43–77.
- Lenschau, T. (1938) “König Kleomenes I. von Sparta”, *Klio*, 31, 412–429.
- Lipka, M. (2002) “Notes on the Influence of the Spartan Great Rhetra on Tyrtaeus, Herodotus and Xenophon”, in A. Powell, S. Hodkinson, eds. *Sparta: Beyond the Mirage.* London: Duckworth, 219–225.
- Madson, L. (2025) “Education and Cadet Branches of the Spartan Dyarchy”, *Chiron*, 55, 35–81.
- Malkin, I., Blok, J. (2024) *Drawing Lots: From Egalitarianism to Democracy in Ancient Greece.* Oxford: Oxford University Press.
- Mertens, N. (2002) “οὐκ ὁμοῖοι, ἀγαθοὶ δέ: The *perioikoi* in the Classical Lakedaimonian polis”, in A. Powell, S. Hodkinson, eds. *Sparta: Beyond the Mirage.* London: Duckworth, 285–303.
- Nafissi, M. (2004) “Pausania, il vincitore di Platea”, in C. Bearzot, F. Landucci, eds. *Contro le ‘leggi immutabili’: Gli Spartani fra tradizione e innovazione.* Milano: Vita e Pensiero, 53–90.

- Nafissi, M. (2010) "The Great *Rhetra* (Plut. *Lyc.* 6): A Retrospective and Intentional Construct?", in L. Foxhall, H.-J. Gehrke, N. Luraghi, eds. *Intentional History: Spinning Time in Ancient Greece*. Stuttgart: Steiner, 89–119.
- Olbrycht, M.J. (2020) "Agesilaus' Cavalry Tactics at Narthacion and Coroneia (394 BC)", in R. Kulesza, N. Sekunda, eds. *Studies on Ancient Sparta*. Gdańsk: Gdańsk University Press, 247–253.
- Poralla, P. (1913) *Prosopographie der Lakedaimonier bis auf die Zeit Alexanders des Großen*. Breslau: Schenkalowsky.
- Rhodes, P.J. (2000) "Oligarchs in Athens", in R. Brock, S. Hodkinson, eds. *Alternatives to Athens: Varieties of Political Organization and Community in Ancient Greece*. Oxford: Oxford University Press, 119–136.
- Robinson, E.W. (1997) *The First Democracies: Early Popular Government outside Athens*. Stuttgart: Steiner.
- Shipley, G. (2004) "Lakedaimon", in M.H. Hansen, T.H. Nielsen, eds. *An Inventory of Archaic and Classical Poleis: An Investigation Conducted by the Copenhagen Polis Centre for the Danish National Research Foundation*. Oxford: Oxford University Press, 569–598.
- Welwei, K.-W. (1996), "Archidamos [1]" in H. Cancik, H. Schneider, eds. *Der neue Pauly: Enzyklopädie der Antike. Bd. 1: A – Ari*. Stuttgart; Weimar: Metzler, 991.
- Wolpert, A. (2006) "The Violence of the Thirty Tyrants", in S. Lewis, ed. *Ancient Tyranny*. Edinburgh: Edinburgh University Press, 213–223.
- Андреев, Ю.В. (1998) Цена свободы и гармонии: Несколько штрихов к портрету греческой цивилизации. СПб.: Алетея [Andreev Y.V. Tsena svobody i garmonii: Neskol'ko shtrikhovk portretu grecheskoy tsivilizatsii. SPb.: Aleteya].
- Видаль-Накэ, П. (2001) Черный охотник. Формы мышления и формы общества в греческом мире. М.: Ладомир [Vidal-Naquet, P. (2001) Chernyy okhotnik: Formy myshleniya i formy obshchestva v grecheskom mire. M.: Ladomir].
- Зайков, А.В. (2000) «Спартанская община *одинаковых* в аспекте сословной семантики», в: *Историческая наука на рубеже веков. Статьи и материалы научной конференции, посвященной 60-летию исторического факультета Уральского государственного университета им. А.М.Горького*, под ред. Д.А. Редина. Екатеринбург: Волот, 315–321 [Zaykov, A.V. (2000) "Spartanskaya obshchina *odinakovykh* v aspekte soslovnoy semantiki", v: Волот, 315–321 [Zaykov, A.V. (2000) "Spartanskaya obshchina *odinakovykh* v aspekte soslovnoy semntiki", v: Istoricheskaya nauka na rubezhe vekov. Stat'yi i materialy nauchnoy konferentsii, posvyashchennoy 60-letiyu istoricheskogo

- fakul'teta Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta im. A.M. Gor'kogo, pod red. D.A. Redina. Ekaterinburg: Volot, 315–321].
- Нахов, И.М. (1982) *Философия киников*. М.: Наука [Nakhov, I.M. (1982) *Filosofiya kinikov*. М.: Nauka].
- Печатнова, Л.Г. (2007) *Спартанские цари*. М.: Эксмо [Pechatnova, L.G. (2007) *Spartanskii tsari*. М.: Eksmo].
- Строгецкий, В.М. (1979) «О датировке битвы при Сепее», *Вестник древней истории*, 4 (150), 108–117 [Strogetskiy, V.M. (1979) “O datirovke bitvy pri Sepee”, *Vestnik drevney istorii*, 4 (150), 108–117].
- Строгецкий, В.М. (1982) «Некоторые особенности внутривосточной борьбы в Спарте в конце VI – начале V в. до н.э. Клеомен и Демарат», *Вестник древней истории*, 1982, 3 (161), 38–49 [Strogetskiy, V.M. (1982) “Nekotorye osobennosti vnutripoliticheskoy bor'by v Sparte v kontse VI – nachale V v. do n.e. Kleomen i Demarat”, *Vestnik drevney istorii*, 3 (161), 38–49].
- Суриков, И.Е. (2005а) «Status versus charisma: сакрализация правителя в Греции и греческом мире I тыс. до н.э.», в: *Сакрализация власти в истории цивилизаций. Ч. II, III*, под ред. Л.А. Андреевой, А.В. Коротаева. М.: Институт Африки РАН, 7–34 [Surikov, I.E. (2005a) “Status versus charisma: sakralizatsiya pravatelya v Gretsii i grecheskom mire I tys. do n.e.”, v: *Sakralizatsiya vlasti v istorii tsivilizatsiy. Ch. II, III*, pod red. L.A. Andreevoy, A.V. Korotaeva. М.: Institut Afriki RAN, 7–34].
- Суриков, И.Е. (2005б) *Античная Греция: Политики в контексте эпохи. Архаика и ранняя классика*. М.: Наука [Surikov, I.E. (2005b) *Antichnaya Gretsiiya: Politiki v kontekste epochi. Arkhaika i rannaya klassika*. М.: Nauka].
- Суриков, И.Е. (2015) *Античная Греция: Политики в контексте эпохи. На пороге нового мира*. М.: Русский фонд содействия образованию и науке [Surikov, I.E. (2015) *Antichnaya Gretsiiya: Politiki v kontekste epochi. Na poroge novogo mira*. М.: Russkiy fond sodeystviya obrazovaniyu i nauke].
- Суриков, И.Е. (2019) «Между ГСОИ и ОМОИОИ: варианты унификации граждан в античной Греции», в: *Феномен унификации в истории*, под ред. Е.Н. Кирилловой. М.: ИВИ РАН, 237–257 [Surikov, I.E. (2019) “Mezhdu GSOI i OMOIOI: varianty unifikatsii grazhdan v antichnoy Gretsii”, v: *Fenomen unifikatsii v istorii*, pod red. E.N. Kirillovoy. М.: IVI RAN, 237–257].
- Суриков, И.Е. (2021) *Античная Греция: Механизмы политической жизни (Opuscula selecta III)*. М.: Издательский Дом ЯСК [Surikov, I.E. (2021) *Antichnaya Gretsiiya: Mekhanizmy politicheskoy zhizni (Opuscula selecta III)*. М.: Izdatel'skiy dom YaSK].

HEROES EDUCATED AND UNEDUCATED

SPARTAN KINGS AND ΑΓΩΓΗ

Igor SURIKOV

The key fact known from the sources concerning the upbringing of Spartan kings is the following. All Spartiates, beginning at the age of seven, were subject to the famous *ἀγωγή*, the name given to the long course of education — primarily military, but also civic — distinguished by the extreme severity of the conditions imposed on those undergoing it. An exception, however, was made for heirs to the throne: instead of the *ἀγωγή*, they received a special form of royal education, although no direct evidence survives concerning its precise character. At the same time, it often happened that individuals who had not originally been heirs came to occupy one of the two Spartan thrones for various reasons and had therefore passed through the *ἀγωγή*. The comparison undertaken in this article between the personalities and activities of these two types of kings allows us to suggest, cautiously, that rulers exempted from the *ἀγωγή* generally displayed several distinctive traits: a more unconventional and creative cast of mind than their counterparts, broader erudition, more developed rhetorical abilities, and greater refinement in their manners and dealings with others. As a rule, they appear to us as more vivid personalities and, in any case, as more intellectually inclined figures.

ПИТОМНИК ГЕРОЕВ

МАКЕДОНСКИЙ ИНСТИТУТ «ЦАРСКИХ ЮНОШЕЙ»
В ЭПОХУ ФИЛИППА II И АЛЕКСАНДРА ВЕЛИКОГО

А. А. КЛЕЙМЕНОВ

В статье рассматривается существовавшая в Македонии времен Филиппа II и Александра Великого система государственного обучения представителей элиты. Определяется, что она охватывала знатных македонян старшего подросткового возраста. Этот институт, официально именовавшийся «царские юноши», возник под влиянием практики державы Ахеменидов, где также предусматривалось обязательное пребывание знатной молодежи при дворе монарха для воспитания и обучения, совмещенных с охранной службой. Македонские «царские юноши», находясь при дворе Аргеадов, выступали своеобразными заложниками, гарантировавшими воздержание влиятельных родов от антиправительственных действий, а у самих молодых аристократов формировалось более лояльное отношение к царской власти. Благодаря этому Филипп решил важную задачу по увеличению контроля над элитой Верхней Македонии и обеспечил консолидацию страны. Еще одной функцией института было обеспечение подготовки управленческих кадров для нужд армии и государственного аппарата. Обучение «царских юношей» проходило на практике через их привлечение к охране царя, участию в охоте, боевых действиях, религиозных обрядах и пирах. Подобным образом воспитанники получали нужные для военной деятельности навыки, имели возможность наблюдать, как принимаются решения, связанные с руководством армией и административным управлением, ведутся международные переговоры, осуществляется межличностное взаимодействие в высших кругах государства Аргеадов. Отмечено, что главной целью привлечения молодых людей к обслуживанию царского быта выступало формирование у них дисциплинированности. С этим аспектом также были связаны наказания и поощрения, являвшиеся исключительной прерогативой самого монарха. В образова-

нии «царских юношей» присутствовала и общекультурная составляющая, заключающаяся в изучении философии, словесности и естествознания. Помощь в этом оказывали находившиеся при македонском царском дворе греческие интеллектуалы. Делается вывод об общей эффективности института, через который прошли многие известные личности, проявившие себя как выдающиеся военачальники в период Восточного похода Александра и в эпоху диадохов, а также продемонстрировавшие способность к литературному творчеству.

Формирование у подрастающего поколения личностных установок, знаний и навыков, позволяющих успешно влиться в общество и реализоваться во взрослой жизни, является делом чрезвычайно трудным. Полностью разделяя великий тезис К.Д. Ушинского, определившего педагогику как самое обширное и сложное из искусств¹, тем не менее подчеркнем, что особенно непростой задачей выступает целенаправленное взращивание будущего лидера. Даже в обществах далекого прошлого с их явным элитаризмом обусловленная генеалогией принадлежность к когорте избранных не избавляла от необходимости готовиться к выполнению функций управленца, который был способен принимать решения, связанные с различными сферами жизни социума, умел подбирать, направлять и контролировать команду подчиненных. Отдельно требовалось осваивать и роль военачальника, подразумевавшую необходимость осуществлять тактическое и стратегическое планирование, использовать различные подразделения на поле боя, ориентироваться в проблемах логистики, повышать моральный дух воинов и проявлять индивидуальную доблесть. Успешность усвоения знаний и навыков в данном случае определяла как жизненный успех самой личности, так и потенциал всего социального организма, что побуждало государства, ставившие перед собой особенно амбициозные задачи, принимать меры по упорядочиванию подготовки будущей элиты, получить представление о которых иногда за давностью лет весьма непросто.

Именно с такой ситуацией мы сталкиваемся при обращении к бурному этапу македонской истории, связанному с деятельностью

¹ Ушинский (1950). С. 32.

Филиппа II и Александра Великого. При их дворах находилась особая группа молодежи, представители которой в грекоязычных источниках чаще всего называются просто παῖδες (Агг. *Anab.* IV. 12. 7; IV. 13. 1–2; Plut. *Alex.* 55; Diod. XVII. 66. 3; 76. 5), что может быть переведено как «мальчики» или «юноши», однако встречается и устойчивое сочетание «царские мальчики / юноши» (βασιλικῶν παῖδες, βασιλείοι παῖδες, οἱ παῖδες τοῦ βασιλέως) (Агг. *Anab.* IV. 16. 6; Diod. XVII. 79. 4; ср. Diod. XVII. 36. 5; *Suda.* βασιλείοι παῖδες). Римские авторы (Curt. V. 2. 13; VIII. 6. 7; 6. 24; 7. 8; X. 5. 8; 7. 16; Val. Max. III. 3 ext. 1) прибегают к таким понятиям, как *pueri*, *pueri regii* и *pueri nobiles*, являющимся близким переводом эллинского оригинала². Сравнительный анализ терминов позволяет полагать, что выражение βασιλικῶν παῖδες было полным официальным наименованием, в то время как слово παῖδες использовалось для обиходного обозначения³. Сколь-нибудь подробных сообщений о сути этого явления македонской придворной жизни мало. Так, Арриан, предвзято рассказывая о заговоре против Александра, организованном одним из παῖδες Гермолаем, указывает, что со времен Филиппа сыновья знатных македонян набирались для службы царю. Они лично прислуживали монарху, стояли на карауле, пока он спал, выводили к царю коня и помогали сеть верхом «на персидский манер» (τὸν Περσικὸν τρόπον), привлекались к охотничьим состязаниям (Агг. *Anab.* IV. 13. 1). Курций Руф также в начале повествования о заговоре называет устоявшимся обычаем (*mos erat*) отправку детей македонских аристократов к царю в услужение, отмечая их почти рабские обязанности. Упоминается охрана царских покоев ночью, доставка наложниц, подведение к монарху коня, сопровождение царя на охоте и в сражениях. Автор указывает на обученность юношей «всем свободным искусствам», а сам отряд называет подобием «питомника полководцев и наместников» (*seminarium ducum praefectorumque*) (Curt. VIII. 6. 2–6)⁴. Единственное сообщение, приуроченное ко временам Филиппа II, оставил Элиан. Согласно ему, этот царь брал

² Подробнее: Heckel (1986). P. 282.

³ Hammond (1990). P. 270.

⁴ Схожую по содержанию, но более краткую ремарку о данном институте Курций Руф приводит и в предыдущих разделах произведения (Curt. V. 1. 42).

в свиту сыновей знатных македонян не для унижения, как об этом говорили, а для того, чтобы они стали выносливыми в трудах (τῶν ἐναντίων καρτερικοὺς αὐτοὺς ἐκπονῶν) и показали готовность выполнять обязанности (ἐτοίμοις πρὸς τὸ τὰ δέοντα πράττειν ἀποφαίνων) (Ael. *VH.* XIV. 48). Подобное состояние источников вынуждает для получения относительно целостного представления об институте παιῖδες опираться на результаты комплексной проработки и развернутых, и кратких сообщений, задействуя при этом возможности сравнительно-исторического метода.

Первой проблемой, которую необходимо затронуть, является возраст молодежи, служившей при дворах македонских монархов. Для его характеристики Арриан использует уникальное выражение ὅσοι ἐξ ἡλικίαν ἐμειρακτεῖοντο (Aeg. *Anab.* IV. 13. 1), видимо, обозначающее период от начала полового созревания до возмужания⁵. Курций Руф называет находившихся при Александре отпрысков знати «взрослыми / окрепшими детьми» (*liberi adulti*) (Curt. V. 1. 42; VIII. 6. 2) или «юношами» (*iuvenes*) (Curt. VIII. 6. 8; 25; 7. 22). Эти маркеры, а также обязанности, подразумевавшие наличие определенной силы и сноровки, не дают возможности принять мнение о начале службы παιῖδες уже в 13–14 лет⁶. Видимо, корпус включал лиц старшего подросткового возраста до наступления 18–19 лет⁷. Соответственно, используемое в источниках понятие παιῖδες следует интерпретировать как «юноши», а не «мальчики», что вполне соответствует многозначности этой лексемы⁸.

Еще сложнее определить время и обстоятельства возникновения самого института. Одна группа специалистов, опираясь на указания Арриана и Элиана, приписывает создание корпуса βασιλικῆ παιῖδες Филиппу II⁹. Присутствует и иная позиция, подразумевающая зарождение обычая в более ранние периоды истории царства Ар-

⁵ Bosworth (1995). P. 91.

⁶ Подобные выводы: Berve (1926a). S. 36; Lane Fox (1973). P. 326; Hammond (1990). P. 266.

⁷ Heckel (1986). P. 283; Carney (2015). P. 209.

⁸ Подробнее: Golden (1985). P. 93–96.

⁹ Berve (1926a). S. 37; Ellis (1976). P. 161; Errington (1990). P. 222; Weber (2007). S. 235.

геадов¹⁰. Основано это мнение на сообщениях Курция Руфа (Curt. VIII. 6. 2) и Валерия Максима (Val. Max. III. 3. ext. 1) о давнем появлении службы молодежи македонскому монарху, весьма двусмысленных по своей сути¹¹, и неоднозначных сведениях об убийстве царя Археляя одним из его молодых приближенных (Arist. Pol. V. 1311b; Diod. XIV. 37. 6). В контексте проблемы происхождения института βασιλικῆ παιδείας нельзя обойти стороной информацию о схожем явлении в державе Ахеменидов. Так, Ксенофонт в «Анабасисе» упоминает воспитание сыновей высокопоставленных персов при царском дворе, где они, глядя на монарха, учились командовать и повиноваться, осваивали военное дело, стрельбу из лука, метание копья и искусство управления лошадью (Arist. Anab., I. 9. 3–5). Более подробный рассказ представлен тем же автором в «Киропедии», где отмечается, что в рамках государственного воспитания персидские мальчики сперва учатся нравственному поведению, знакомятся с использованием лука и дротиков, а после наступления шестнадцатилетия в течение 10 лет пребывают при царском дворе: несут охрану, сопровождают монарха на охоте, где привыкают к лишениям и упражняются во владении указанными видами оружия (Xen. Cyrop. I. 2. 6–12). Доступ к подобному образованию имели лишь сыновья достаточно богатых персов (Xen. Cyrop. I. 2. 15). Страбон упоминает проходившее с 5 до 24 лет обучение, во время которого молодые персы приучались к ограничениям, ходили с оружием по пересеченной местности, охотились верхом, соревновались в беге и других дисциплинах, получая за победы подарки от царя (Strab. XV. 3. 18). Конечно, полностью полагаться на указанные сообщения нельзя. Как известно, «Киропедия» по своей сути является философским трактатом, призванным не отразить исторические реалии, а представить образ идеального правителя и разумно организованную

¹⁰ Griffith (1979). P. 401; Hammond (1990). P. 264; Müller (2016). S. 34; King (2017). P. 114; Hatzopoulos (2020). P. 92.

¹¹ Не вполне понятно, что могли считать «давним» римские авторы в лице Курция Руфа, создавшего свой труд в I в. до н. э. (Zimmermann [1930]. S. 381–390; Milns [1966]. P. 506–507; Fugmann [1995]. S. 233–243), и Валерия Максима, чья писательская деятельность пришлась на первую половину того же столетия (Bloemer [1992]. P. 1; Mueller [2002]. P. 2).

страну¹². Сказалось это обстоятельство и на рассказе о персидском обучении, содержащем явные отсылки к практике Спарты¹³. Очерк Страбона, в свою очередь, имеет как признаки зависимости от «Киропедии», так и те же спартанские реминисценции, основанные, видимо, на материалах «Лакедемонской политики» Ксенофонта¹⁴. Впрочем, «спартанские корни» описаний нельзя и преувеличивать. Представленная Ксенофонтом персидская система обучения отличается от спартанских порядков возрастной структурой и движущей силой воспитания, которой у персов выступал пример, а не страх наказания¹⁵. Мало того, переданные Ксенофонтом и Страбоном сведения неплохо согласуются с замечанием Геродота об обучении персов с 5 до 20 лет верховой езде, стрельбе из лука и правдивости (Herod. I. 136), явно восходящем к информации из персидского лагеря и отражающем характерное для него противопоставление честных персов лживым эллинам¹⁶. Прослеживаемый в античном нарративе тезис об особой нацеленности персов на воспитание нравственности вполне может быть связан с установками зороастрийской этики¹⁷, а описанные приоритеты воинского обучения перекликаются с эпиграфическими и изобразительными материалами времен Ахеменидов, где прослеживается ориентация элиты на образ всадника и лучника¹⁸. Все это дает возможность не только считать персидскую систему обучения знатной молодежи при царском дворе исторически реальной, но и полагать, что античные писатели передали отдельные достоверные детали методов обучения¹⁹.

Безусловно, вывод, в соответствии с которым упоминаемое Аррианом подсаживание «юношами» македонского царя на коня «на персидский манер» (Arr. *Anab.* IV. 13. 1) было полностью заим-

¹² Tatum (1989). P. 225–239; Wiesehöfer (1996). P. 48–49.

¹³ Kroeker (2009). P. 206; Ferrario (2016). P. 63.

¹⁴ Charles (2012). P. 10.

¹⁵ См.: Tuplin (1994). P. 153–158; Humble (2004). P. 222.

¹⁶ Cartledge (2002). P. 365–366.

¹⁷ Griffith (2015). P. 23.

¹⁸ Wiesehöfer (1996). P. 83; Dusinger (2013). P. 246.

¹⁹ Не исключено, что и параллели между спартанской и персидской практиками изначально могли появиться из-за схожести отдельных элементов (Briant [2018]. P. 214).

ствованной у Ахеменидов церемонией²⁰, сомнителен из-за существования расхожего речевого оборота²¹, однако сам факт наличия в государстве Аргеадов и в Персии нехарактерных для Греции и при этом схожих институтов, в равной степени предусматривавших пребывание юных аристократов при монаршем дворе, привлечение их к охране и участию в царской охоте, не позволяет присоединиться к присутствующему в историографии мнению о простом совпадении²². Намного больше оснований говорить об усвоении Македонией опыта дальше продвинувшихся в имперском строительстве персов. Чаще всего специалисты связывают это заимствование с реформами Филиппа II²³. Иная позиция подразумевает перенимание персидского подхода к элитарному обучению в дофилипповское время, что достаточно хорошо соотносится с иными свидетельствами влияния практики Ахеменидов на отдельные аспекты бытования царства Аргеадов²⁴. Нельзя сбрасывать со счетов и возможность самостоятельного возникновения обычая в Македонии с последующим наслоением заимствованных у персов элементов²⁵. Отмеченная неоднозначность не является фатальной для понимания места βασιλικῆς παιδείας в македонском военно-политическом организме. Как справедливо констатировал В. Хеккель²⁶, подержанный и иными специалистами²⁷, если Филипп II и не выступил создателем системы, подразумевавшей привлечение знатных юношей к царскому двору, то явно придал ей новое звучание, соответствующее задачам, решавшимся македонским реформатором. С ними и были связаны функции института «царских юношей», сколь важные, столь и разнообразные.

²⁰ Kienast (1973). S. 29.

²¹ Bosworth (1995). P. 93.

²² Briant (1994). P. 298–306; Strootman (2014). P. 139.

²³ Kienast (1973). S. 265–266; Fredricksmeier (1982). P. 93; Weber (2007). S. 235; Anson (2013). P. 59.

²⁴ Stiles (2022). P. 4. Об обстоятельствах и формах ахеменидского влияния на Македонию также см.: Müller (2014). S. 224–242; Wieshöfer (2017). P. 58–62.

²⁵ Carney (2008). P. 146–147.

²⁶ Heckel (1986). P. 281.

²⁷ Bosworth (1995). P. 91; Anson (2013). P. 59; King (2017). P. 114.

Первая из них касалась одного из главных направлений внутренней политики Филиппа. Как давно прослеживается, указанный монарх приложил немало усилий для ликвидации самостоятельности знати Верхней Македонии и обеспечения контроля над людскими и земельными ресурсами этих территорий²⁸. Включение отпрысков верхнемакедонской аристократии в состав βασιλικῆς παιδείας, выявляемое посредством анализа сведений о происхождении лиц, занявших командные посты в эпоху Александра²⁹, было частью этой линии. Так, «юноши», по сути, выступали заложниками, гарантировавшими воздержание своих семей от антиправительственных действий³⁰. Помимо того, прибывание молодежи при дворе должно было сформировать у нее лояльное отношение к монарху³¹. Конечно, добиться последнего получалось не всегда. Заговор замыслившего цареубийство Геромолая, который и сам являлся «царским юношей», и нашел сочувствовавших в их среде (см. *Arr. Anab.* IV. 13. 3–4; *Curt.* VIII. 6. 7–9; *Plut. Alex.* 54), служит этому ярким свидетельством. Еще одна важная функция института βασιλικῆς παιδείας была обусловлена масштабными военными преобразованиями, давшими Филиппу возможность вывести вооруженные силы Аргеадов на принципиально иной количественный и качественный уровень. Речь идет об упоминаемой в античной письменной традиции образовательно-воспитательной составляющей, которая, согласно справедливому замечанию К. Кинг, позволяла удовлетворить потребность в командирах, значительно увеличившуюся из-за роста македонской военной активности³². Впрочем, понять, как была выстроена работа по возвращению будущей элиты, призванной вести за собой македонян на полях сражений и управлять ими в мирное время, весьма сложно.

Переходя к этой проблеме, нужно отметить, что возможность превращения служивших при дворе «юношей» в командиров обуславливалась, прежде всего, их знатным происхождением, так как

²⁸ Подробнее об этом см.: Bosworth (1971). P. 97–103; Ellis (1981). P. 40–42; Errington (1990). P. 42–43; Hammond (1994). P. 26–28.

²⁹ Heckel (2017). P. 70.

³⁰ См.: Weber (2007). S. 235; Carney (2008). P. 147; Nawotka (2010). P. 42; Müller (2016). S. 242; King (2023). P. 144.

³¹ Ellis (1981). P. 45; Cohen (2010). P. 130; Anson (2013). P. 60.

³² King (2017). P. 114.

значимые должности в государстве Аргеадов были доступны лишь представителям привилегированной группы «царских друзей»³³. Границы последней при Филиппе были раздвинуты, позволив включить в корпус βασιλικῶι παῖδες сыновей гетайров верхнемакедонского и даже греческого происхождения, однако это не привело к отмене сословного принципа как такового³⁴. Не вызывает сомнений то, что важное значение в подготовке «юношей» ко взрослой карьере имело само исполнение служебных обязанностей, которые были разноплановыми и включали в себя компоненты, как напрямую связанные с будущей ролью лидеров, так и к ней, казалось бы, отношения не имевшие. К последней составляющей относится бытовое обслуживание царской особы, не ограничивавшееся подведением коня и доставкой наложниц. Судя по имеющимся данным, «юноши» также могли отвечать за подготовку всего необходимого для царского омовения и ужина (Diod. XVII. 36. 5), помогали во время жертвоприношений (Val. Max. III. 3. ext. 1). Должны были βασιλικῶι παῖδες прислуживать монарху и во время пиров³⁵. Вероятно, они вместе с царем участвовали в спортивных развлечениях. На этот вывод наталкивает сообщение Плутарха о наличии неких «юношей» (νεανίσκων), игравших с Александром в мяч (Plut. *Alex.* 39), которое, прочем, может содержать и искаженную информацию³⁶.

Важная часть службы βασιλικῶι παῖδες была связана с царской охотой, привлечение к которой позволяло молодежи принять участие в привилегированном мероприятии македонской аристократии³⁷. О том, что «юноши» задействовались именно в добыче зверя и не были просто свитой обслуги, говорит происшествие с будущим заговорщиком Гермоласом, имевшим оружие и наказанным за убийство предназначенного Александру кабана (Arr. *Anab.* IV. 13. 2; Curt.

³³ Naiden (2021). P. 131–132.

³⁴ Heckel (1986). P. 284.

³⁵ Sawada (2010). P. 401; Pownall (2010). P. 63; Carney (2015). P. 210.

³⁶ Вполне оправданные сомнения вызывает присутствующее в сообщении явно анахроничное имя Серапион (Berve [1926b]. S. 352–353). Тем не менее вывод о принадлежности упомянутых молодых игроков к категории сопровождавших армию профессиональных спортсменов (Hamilton [1969]. P. 103) следует признать малообоснованным.

³⁷ Müller (2010). P. 27.

VIII. 6. 7–8). Мало того, активность *παῖδες* на охоте поощрялась. Об этом свидетельствует отмеченное Аррианом участие «юношей» в охотничьих состязаниях (Агг. *Anab.* IV. 13. 1), хорошо перекликающееся с информацией Плутарха о склонности Александра организовывать подобные соревнования, связанные, судя по контексту сообщения, с наградами (Plut. *Alex.* 4). Очевидно, доступны призы были и «юношам». Благодаря Страбону известно, что сходным образом отличившихся воспитанников поощряли персидские цари (Strab. XV. 3. 18). Проявлять большое и даже чрезмерное усердие на охоте служившая при дворе молодежь могла и по иным мотивам. Как указано в переданном Афинеем сообщении Гегесистрата, у македонян убийство копыем кабана выступало важным личным достижением, позволявшим возлечь, а не сидеть за пиршественным столом (Athen. I. 18a). Видимо, со стремлением соответствовать этому критерию инициации был связан опрометчивый поступок Гермолая³⁸.

Третья группа обязанностей «царских юношей» имела уже прямое отношение к воинской службе. Речь идет о функции охраны царской особы, известной не только по замечаниям Арриана и Курция Руфа о ночном карауле, но и из терминологического нюанса сообщений Диодора и Курция Руфа о прибытии к Александру подкреплений из Европы после битвы при Гавгамелах. Как отмечается, тогда войско пополнили 50 сыновей македонских аристократов, которых первый автор называет будущими «телохранителями» (*τῆν σωματοφύλακίαν*) (Diod. XVII. 65. 1), а второй обозначает латинским термином *custodiam corporis* (Curt. V. 1. 42). Близость сведений, безусловно, связана с опорой на общий ранний источник³⁹. Применяемая в данном случае лексика позволяет принять вывод В. Хеккеля об использовании понятия *σωματοφύλαες* как альтернативного наименования *παῖδες*⁴⁰. Это свидетельствует о приоритетности охранных функций «юношей». Вместе с тем жизнь царя не была полностью вверена в руки молодежи. Сообщения об особой роли Птолея и Леонната в раскрытии заговора Гермолая (см. Агг. *Anab.* IV. 13. 7; Curt. VIII. 6. 22) показывают, что караульную службу *παῖδες* курировали представители элитной группы *σωματοφύλακες* из

³⁸ Briant (1994). P. 306; Carney (2015). P. 269.

³⁹ Hammond (1983). P. 129–130; Atkinson (1994). P. 48–49.

⁴⁰ Heckel (1986). P. 282.

семи особо близких к монарху лиц⁴¹. При необходимости участвовали «юноши» и в битвах, о чем известно не только из ремарки Курция Руфа о сопровождении ими царя в сражении (Curt. VIII. 6. 4), но и из отдельных эпизодов времен Восточного похода и войн диадохов. Так, Арриан рассказывает об участии нескольких «царских юношей» в отражении набега сил Спитамена на Бактрию (Агг. *Anab.* IV. 16. 6), передавая в данном случае информацию Аристобула⁴² или Птолемея⁴³. Диодор, подробно описывающий диспозиции армий Эвмена и Антигона в битве при Паретакене благодаря опоре на сочинение Иеронима Кардийского⁴⁴, сообщает о присутствии в передовых порядках первого полководца двух конных отрядов «юношей Эвмена» из 50 воинов каждый (Diod. XIX. 28. 3) и размещении Антигоном в авангарде трех ил его *παῖδες* (Diod. XIX. 29. 5). Косвенно подтверждает информацию о службе «юношей» в коннице и рассказ Арриана о наказании Гермояла, по приказу Александра не только высеченного, но и лишённого коня (Агг. *Anab.* IV. 13. 2).

Столь обширный перечень обязанностей и, соответственно, плотная занятость βασιλικῆς *παῖδες* не оставляют сомнений в прохождении основной части их подготовки через непосредственное участие в военных кампаниях, административных и дипломатических процедурах⁴⁵. Из-за сочетания со службой обучение македонской знати, в противовес греческому элитарному образованию, было бесплатным⁴⁶. Наличие подхода, подразумевающего освоение ремесла воина и командира через служение, сближало институт «царских юношей» со средневековой европейской системой аристократического обучения, побудив большое количество исследователей называть *παῖδες* «пажами». Конечно, подобное терминологическое отождествление весьма условно и справедливо критикуется в современной литературе⁴⁷, однако было бы неправильно вовсе отказаться от опоры на явные пересечения и аналогии для лучшего по-

⁴¹ Strootman (2014). P. 140; King (2023). P. 145–146.

⁴² Bosworth (1995). P. 114–115.

⁴³ Щеглов (2006). С. 299.

⁴⁴ См. Hornblower (1981). P. 109–110; Anson (2004). P. 186.

⁴⁵ Müller (2016). S. 34

⁴⁶ Cohen (2010). P. 131.

⁴⁷ Carney (2008). P. 145; Müller (2016). S. 242.

нимания механизмов функционирования института «царских юношей». Так, определяя обучающее значение пребывания македонской молодежи в ставке монарха, нужно отметить большую роль непосредственного наблюдения за царем и его соратниками и, соответственно, знакомства с тем, как ведется руководство армией на марше и в бою, решаются вопросы административного управления, проходят религиозные церемонии и международные переговоры, осуществляется общение на пирах. Аналогичным образом исполнение оруженосцами роли слуг рыцарей и постоянное наблюдение на ними как за моделью поведения в средневековой Европе считалось естественным этапом на пути обретения нужного для благородного воина набора качеств и умений⁴⁸. Не менее важным было регулярное привлечение «юношей» к занятию охотой, которая для взрослых македонских аристократов выступала заменой войны в мирный период, а для молодежи стала способом формирования воинских навыков⁴⁹. Ксенофонт и на персидском материале (*Xen. Cyrop.* I. 2. 10), и в особом тематическом сочинении (*Xen. Cyneg.* 12) подчеркивал большое значение охоты для физического развития и закаливания молодых людей, приучения их к походам и исполнению приказов. Одновременно с этим охота способствовала установлению нужных социальных связей⁵⁰, а значит, облегчала для παιδες вхождение в мир элиты. Нельзя игнорировать и еще один важный нюанс: как отмечается на примере средневековых аристократов, к последствиям занятия охотой относились развитие храбрости и формирование стратегического мышления⁵¹.

Сквозной линией подготовки βασιλικῆ παιδες выступало приращивание дисциплины. Теснее всего с воинскими обязанностями «юноши», конечно, знакомились при несении охраны монарха под надзором со стороны статусных σωματοφύλακες, однако свой вклад вносило даже обеспечение царского быта, что было верно отмечено Элианом (*Ael. VH. XIV. 48*)⁵², связавшим придворную службу

⁴⁸ Karras (2002). P. 29.

⁴⁹ Cohen (2010). P. 130.

⁵⁰ См.: Almagor (2021). P. 1113.

⁵¹ Orme (1984). P. 210.

⁵² Не исключено, что источником сведений в этом случае выступило сочинение Феопомпа, современника Филиппа II (Hammond [1990]. P. 264).

«юношей» с развитием выносливости и готовности выполнять приказы. Подобный путь прививания дисциплины не следует считать архаичным и неэффективным. Об особой роли разнообразной повседневной трудовой деятельности в воспитании личного состава говорит и современная военная педагогика⁵³. Для приучения молодежи к дисциплине была внедрена практика жестких наказаний. Помимо Гермолая, поплатившегося за убийство «царского» кабана, можно вспомнить участь Афтонета, висеченного по решению Филиппа за покидание воинского строя, и печальную судьбу Архедама, казненного за нарушение приказа не снимать оружия (см. Ael. *VH.* XIV. 48). Структура повествующего об этом сообщения Элиана позволяет полагать, что речь шла о «царских юношах»⁵⁴. Данные сведения подтверждают информацию Курция Руфа о назначении физических наказаний воспитанников именно по решению царя (Curt. VIII. 6. 5). Подобный принцип отмечал факт службы βασιλικῆ τοῖδε самому монарху, а также позволял щадить гордость отпрысков знатных семей, на которых взыскание накладывал правитель, а не кто-либо из его подданных. В случае с Гермолаем уязвленное чувство собственного достоинства перевесило обозначенные нюансы. Подробно не останавливаясь на глубинных причинах заговора «царских юношей», весьма часто рассматриваемых в научной литературе⁵⁵, обратим внимание на интересную версию Э. Карни, объяснившую острую реакцию Гермолая и его друзей на вполне заурядное для института τοῖδε событие применением не македонского, а перенятого у персов обычая, предоставляющего монарху приоритет в добыче зверя⁵⁶. Еще одним усугубляющим фактором мог стать приказ Александра лишить Гермолая коня. Подобное действие и в этом, и в других известных случаях (Curt. VII. 1. 15), очевидно, воспринималось как покушение на аристократический статус⁵⁷. Эпизод с заговором не следует считать признаком полного провала мер, нацеленных на прививание дисциплины. В нашем рас-

⁵³ Микрюков (2019). С. 153; Алехин (2025). С. 209–210.

⁵⁴ Müller (2010). P. 27; Sawada (2010). P. 404.

⁵⁵ Например: Bosworth (1996). P. 112–113; Heckel (2003). P. 223–224; Anson (2013). P. 170–171; Ковалев (1948). С. 36–42.

⁵⁶ Carney (2008). P. 152–155.

⁵⁷ См. Müller (2010). P. 30; Anson (2022). P. 20.

поряжении есть и обратный пример, приведенный Валерием Максимом, согласно которому помогавший Александру при жертвоприношении «юноша» проявил поразительную стойкость: получив сильный ожог руки из-за упавшего уголька, он молча продолжал держать курильницу (Val. Max. III. 3. ext. 1). Видимо, в воспитательных целях применялись не только взыскания, но и поощрения. Сделать вывод об этом позволяют уже упомянутые выше награды за охотничьи успехи и аналогии с весьма характерным для Филиппа II и его сына материальным стимулированием представителей армии⁵⁸. Главным же положительным мотивом для «царских юношей», конечно, была возможность выделиться и добиться важного для дальнейшей карьеры монаршего благоволения.

Особой проблемой является выявление общекультурных и фундаментально-теоретических компонентов образования παιδείας. Об этом аспекте сообщает лишь Курций Руф, приписывающий «царским юношам» владение «всеми свободными искусствами» (*omnes artibus studiorum liberalium*) (Curt. VIII. 6. 4), однако признать достоверной эту информацию нельзя⁵⁹. Сейчас мало сомнений в том, что категория *liberalia studia* возникла в Риме не ранее I в. до н.э. под влиянием греческих педагогических воззрений, но в классическое и эллинистическое время близких аналогов указанному понятию не имелось⁶⁰. Это позволяет оценить указание Курция Руфа как появившееся в результате романизации македонских реалий IV в. до н.э., для его произведения весьма характерной⁶¹. Судить о выходящих за границы военно-прикладной сферы аспектах образования βασιλικῆ παιδείας можно лишь на основании косвенных данных. Сюда относится информация о тесном общении Гермояла и других заговорщиков с Каллисфеном (Plut. *Alex.* 55; Curt. VIII. 6. 27; 7. 3), исходя из которой предполагается, что последний был одним из учителей «юношей»⁶² или выступал главным

⁵⁸ Например: Diod. XVI. 53. 3; XVI. 75. 4; XVII. 89. 3; XIX. 14. 5; Arr. *Anab.* II. 12. 1; III. 16. 11; VI. 30. 2–3; VII. 5. 4–6; VII. 6. 3; Plut. *Alex.* 79; Curt. VI. 11. 1; IX. 1. 6.

⁵⁹ Иное мнение см.: Hammond (1990). P. 268; Strootman (2014). P. 141.

⁶⁰ Tubbs (2014). P. 25–36; Адо (2002). С. 58–67.

⁶¹ См. Baynham (1998). P. 15–16; Pausch (2016). S. 77–78.

⁶² Berve (1926b). S. 197; Hammond (1990). P. 268; Carney (2008). P. 150.

наставником, курирующим общекультурную подготовку⁶³. Второй блок сведений связан с образованием самого Александра и его друзей-сверстников, весьма подробно описанным Плутархом (Plut. *Alex.* 5. 7–8; *Moral.* 179d–e). Исследование его сообщений и иных фрагментов нарративной традиции (Арг. *Anab.* I. 9. 10; Strab. XIII. 1. 27; Ps.-Call. I. 12; Dio Chrys. IV. 39; Diog. Laert. V. 1. 2; Aul. Gell. XX, 5) позволяет сделать вывод об изучении Александром грамматики, литературы, философии, риторики, музыки, медицины, ботаники и зоологии⁶⁴. Список учителей македонского царевича включал не только великого Аристотеля и был достаточно обширен, чтобы существовать в древности в виде отдельного документа⁶⁵. Конечно, образование, полученное юным Александром и его друзьями, могло отличаться от подготовки обычных «царских юношей»⁶⁶, однако факт присутствия и в последующую эпоху принципа, подразумевающего многокомпонентное обучение аристократов несколькими учителями, игнорировать нельзя. Как известно, в эллинистических монархиях с отпрысками правящей династии и «юношами» работали разнообразные специалисты, в том числе и настоящие светила научно-культурной жизни⁶⁷. Следует полагать, что βασιλικῆ παιδείας эпохи поздних Аргеадов также получали образование, в котором помимо военно-практической составляющей присутствовали компоненты, связанные с философией, словесностью и естествознанием. Обрести нужные знания «юноши» могли благодаря взаимодействию с греческими интеллектуалами, являвшимися частью македонской дворцовой среды времен Филиппа и Александра⁶⁸.

Конечно, из-за особенностей источников многие аспекты бытования παιδείας остаются загадкой. В частности, нет сведений о размере контингента «юношей», что обусловило большую вариативность присутствующих в историографии мнений, в соответствии с которыми численность βασιλικῆ παιδείας определяется в диапазоне

⁶³ Strootman (2014). P. 141.

⁶⁴ Hamilton (1965). P. 119; Worthington (2004). P. 35; Thomas (2007). P. 196–197; Нефёдкин (2000). С. 11–12.

⁶⁵ Djurslev (2022). P. 243.

⁶⁶ Cohen (2010). P. 131.

⁶⁷ Strootman (2014). P. 141–142.

⁶⁸ Sawada (2010). P. 405.

от 50 до 200 человек⁶⁹. Не вполне понятна и дальнейшая судьба лиц, покидавших ряды воспитанников. Согласно разным предположениям, они переходили в конницу гетайров⁷⁰, пополняли состав «царских гипаспистов», выступавших элитной пешей охраной монарха⁷¹, временно служили в легкой кавалерии продромов⁷² или же продолжали карьерный путь при отсутствии четких правил распределения⁷³. Вместе с тем необходимо констатировать, что корпус «царских юношей» действительно стал главным поставщиком командных кадров для македонской армии. С данным обстоятельством может быть связано выдвижение в эпоху Александра на ведущие позиции в войске и государственном аппарате в основном представителей Верхней Македонии, чья особая близость к монарху обуславливалась пребыванием в статусе *παῖδες*⁷⁴. Нельзя не затронуть и качество подготовки выпускников учреждения, конечно, не соответствовавшего современным критериям понятия «школа»⁷⁵, но превратившегося в весьма влиятельное социокультурное явление. Без сомнения, в статусе «царских юношей» при дворе Филиппа II возмужали такие военачальники, как Кратер, Пердикка, Птолемей Лаг, Гепестсион, Лисимах и Леоннат, ставшие видными соратниками завоевателя Азии, а в некоторых случаях и владыками новых эллинистических царств⁷⁶. Сам факт того, что из бывших βασιλικῶν *παῖδες* сформировалась целая плеяда полководцев и управленцев, выступает доказательством эффективности института⁷⁷. Мало того, многие из выросших при дворе сподвижников Александра демонстрировали склонность к интеллектуальной деятельности, побуждавшую во время азиатской экспедиции вести записи, интересоваться

⁶⁹ Heckel (1986). P. 282; Hammond (1990). P. 266; Carney (2008). P. 147.

⁷⁰ Hammond (1990). P. 266; Thomas (2007). P. 147.

⁷¹ Heckel (1986). P. 288.

⁷² Hatzopoulos (2001). P. 35–36.

⁷³ Reames (2024). P. 184.

⁷⁴ Heckel (2017). P. 70.

⁷⁵ Strootman (2014). P. 140.

⁷⁶ См.: Griffith (1979). P. 401–402; Thomas (2007). P. 146; Sawada (2010). P. 404.

⁷⁷ Müller (2016). S. 34.

ся культурой и природой далеких стран⁷⁸. Согласно справедливому замечанию Н. Савады, ярким свидетельством хорошей гуманитарной подготовки παιδες являются достижения Птолемея Лага и Марсия на писательском поприще⁷⁹. Данный перечень может быть дополнен и Неархом, который, видимо, также провел отрочество в статусе «царского юноши»⁸⁰, а после смерти Александра создал сочинение, где продемонстрировал прекрасное знакомство с разными пластами эллинской литературной традиции⁸¹.

Подводя итог, необходимо отметить, что македонский институт βασιλικῶι παιδες, появившийся, очевидно, в результате перенимания персидского подхода к обучению молодых аристократов, внес весомый вклад в успешное решение важных задач, стоявших перед поздними Аргеадами. Распространение службы при царском дворце на отпрысков верхнемакедонской знати позволило снизить сепаратистские настроения и обеспечить консолидацию страны. Процесс воспитания и обучения «царских юношей» был тесно связан с обязанностями, подразумевавшими бытовое обслуживание монарха и его охрану, присутствие на пирах, участие в охоте и боевых действиях. Это дало молодежи возможность на практике получить представления о военном и гражданском руководстве, дипломатических процедурах, принципах общения македонской элиты, развить навыки обращения с оружием, выносливость и дисциплинированность. Имелся в обучении παιδες и общекультурный блок, усвоение которого в итоге способствовало интеллектуальному развитию и наделяло имиджевыми преимуществами. Подобный подход к элитарному образованию обеспечил македонскую армию и государство руководящими кадрами и, несомненно, внес свой вклад в успешную реализацию военно-политических амбиций Филиппа II и Александра Великого.

Материал поступил в редакцию 24.02.2026.

*Материал поступил в редакцию после рецензирования
20.03.2026.*

⁷⁸ Nawotka (2010). P. 42.

⁷⁹ Sawada (2010). P. 405.

⁸⁰ Ellis (1976). P. 162.

⁸¹ Pearson (1960). P. 140–144; Bucciantini (2015). P. 125–137.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Almagor, E. (2021) “Hunting and Leisure Activities”, in B. Jacobs, R. Rollinger, eds. *A Companion to the Achaemenid Persian Empire. Vol. 2*. Hoboken: Wiley-Blackwell, 1107–1120. DOI: 10.1002/9781119071860.ch77
- Anson, E.M. (2004) *Eumenes of Cardia: a Greek among Macedonians*. Boston – Leiden: Brill.
- Anson, E.M. (2013) *Alexander the Great: Themes and Issues*. London – New York: Bloomsbury.
- Anson, E.M. (2022) “Philip and Alexander and the Nature of Their Personal Kingship”, in F. Pownall, S.R. Asirvatham, S. Müller, eds. *The Courts of Philip II and Alexander the Great: Monarchy and Power in Ancient Macedonia*. Berlin – Boston: De Gruyter, 17–31. DOI: 10.1515/9783110622942-003
- Atkinson, J.E. (1994) *A Commentary on Q. Curtius Rufus' Historiae Alexandri Magni. Books 5 to 7.2*. Amsterdam: Adolf Hakkert.
- Baynham, E. (1998) *Alexander the Great: The Unique History of Quintus Curtius*. Ann Arbor: University of Michigan Press.
- Berve, H. (1926a) *Das Alexanderreich auf prosopographischer Grundlage. Bd. I*. München: Beck.
- Berve, H. (1926b) *Das Alexanderreich auf prosopographischer Grundlage. Bd. II*. München: Beck.
- Bloomer, W.M. (1992) *Valerius Maximus and the Rhetoric of the New Nobility*. London: Duckworth.
- Bosworth, A.B. (1995) *A Historical Commentary on Arrian's History of Alexander. Vol. 2. Commentary on books IV-V*. Oxford: Oxford University Press.
- Bosworth, A.B. (1996) *Alexander and the East: The Tragedy of Triumph*. Oxford: Clarendon Press.
- Bosworth, A.B. (1971) “Philip II and Upper Macedonia”, *Classical Quarterly*, 21(1), 93–105. DOI: 10.1017/S0009838800028822
- Briant, P. (2018) *From Cyrus to Seleukos: Studies in Achaemenid and Hellenistic History*. Irvine: Jordan Center for Persian Studies.
- Briant, P. (1994) “Sources gréco-hellénistiques, institutions perses et institutions macédoniennes: continuités, changements et bricolages”, in A. Kuhrt, H. Sancisi-Weerdenburg, M.C. Root, eds. *Achaemenid History Vol. VII: Continuity and Change*. Leiden: Nederlands Instituut Voor het Nabije Oosten, 283–310.
- Bucciantini, V. (2015) *Studio su Nearco di Creta. Dalla descrizione geografica alla narrazione storica*. Alessandria: Edizioni dell' Orso.
- Carney, E.D. (2015) *King and Court in Ancient Macedonia: Rivalry, Treason and Conspiracy*. Swansea: The Classical Press of Wales.

- Carney, E.D. (2008) “The Role of the Basilikoi Paides at the Argead Court”, in T. Howe, J. Reames, eds. *Macedonian Legacies: Studies in Ancient Macedonian History and Culture in Honor of Eugene N. Borza*. Claremont: Regina Books, 145–164. DOI: 10.2307/J.CTVVN99T.15
- Cartledge, P., Greenwood, E. (2002) “Herodotus as a Critic: Truth, Fiction, Polarity”, in E.J. Bakker, I. De Jong, H. Van Wees, eds. *Brill’s Companion to Herodotus*. Leiden – Boston – Köln: Brill, 351–371.
- Charles, M.B. (2012) “The Persian ΚΑΡΔΑΚΕΣ”, *The Journal of Hellenic Studies*, 132, 7–21. DOI: 10.1017/S007542691200002X
- Cohen, A. (2010) *Art in the Era of Alexander the Great. Paradigms of Manhood and Their Cultural Traditions*. Cambridge – New York: Cambridge University Press.
- Djurslev, C.T. (2022) “Educating Alexander: High Culture in the Argead Court through Ancient Texts”, in F. Pownall, S.R. Asirvatham, S. Müller, eds. *The Courts of Philip II and Alexander the Great: Monarchy and Power in Ancient Macedonia*. Berlin – Boston: De Gruyter, 233–251. DOI: 10.1515/9783110622942-013
- Dusinberre, E.R.M. (2013) *Empire, Authority, and Autonomy in Achaemenid Anatolia*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Ellis, J.R. (1976) *Philip II and Macedonian Imperialism*. Princeton: Princeton University Press.
- Ellis, J.R. (1981) “The Unification of Macedonia”, in M.B. Hatzopoulos, L.D. Loukopoulos, eds. *Philip of Macedon*. London: Heinemann, 36–47.
- Errington, R.M. (1990) *A History of Macedonia*. Berkeley – Los Angeles: University of California Press.
- Ferrario, S.B. (2016) “Xenophon and Greek Political Thought”, in M.A. Flower, ed. *The Cambridge Companion to Xenophon*. Cambridge – New York: Cambridge University Press, 57–83. DOI: 10.1017/9781107279308.006
- Fredricksmeyer, E.A. (1982) “On the Final Aims of Philip II”, in W.L. Adams, E.N. Borza, eds. *Philip II, Alexander the Great and the Macedonian Heritage*. Washington: University Press of America, 85–98.
- Fugmann, J. (1995) “Zum Problem der Datierung der “Historiae Alexandri Magni” des Curtius Rufus”, *Hermes*, 123(2), 233–243.
- Golden, M. (1985) “Pais, «child» and «slave»”, *L’antiquité classique*, 54, 91–104. DOI: 10.3406/antiqu.1985.2143
- Griffith, G.T. (1979) “The Reign of Philip the Second”, in Hammond N.G.L., Griffith G.T. *A History of Macedonia. Vol. II: 550–336 BC*. Oxford: Clarendon Press, 201–646.
- Griffith, M. (2015) “Origins and Relations to the Near East”, in W.M. Bloomer,

- ed. *A Companion to Ancient Education*. Oxford: Wiley-Blackwell, 7–25. DOI: 10.1002/9781119023913
- Hamilton, J.R. (1965) “Alexander’s Early Life”, *Greece and Rome, Second Series*, 12(2), 117–124. DOI: 10.1017/S001738350001528X
- Hamilton, J.R. (1969) *Plutarch, Alexander. A Commentary*. Oxford: Clarendon Press.
- Hammond, N.G.L. (1980) *Alexander the Great: King, Commander and Statesman*. Park Ridge: Noyes Press.
- Hammond, N.G.L. (1983) *Three Historians of Alexander the Great: The So-Called Vulgate Authors, Diodorus, Justin and Curtius*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Hammond, N.G.L. (1990) “Royal Pages, Personal Pages, and Boys Trained in the Macedonian Manner during Period of the Temenid Monarchy”, *Historia*, 39(3), 261–290.
- Hammond, N.G.L. (1994) *Philip of Macedon*. Baltimore: The Johns Hopkins University Press.
- Hatzopoulos, M.B. (2001) *L’organisation de l’armée macédonienne sous les Antigonides*. Athènes: De Boccard.
- Hatzopoulos, M.B. (2020) *Ancient Macedonia*. Berlin – Boston: De Gruyter.
- Heckel, W. (1986) ““Somatophylakia”: A Macedonian “Cursus Honorum””, *Phoenix*, 40(3), 288–292. DOI: 10.2307/1088844
- Heckel, W. (2003) “King and “Companions”: Observations on the Nature of Power in the Reign of Alexander”, in J. Roisman, ed. *Brill’s companion to Alexander the Great*. Leiden – Boston: Brill, 197–225. DOI: 10.1163/9789004217553_009
- Heckel, W. (2017) “Geography and Politics in Argead Makedonia”, in S. Müller, T. Howe, H. Bowden, R. Rollinger, eds. *The History of the Argeads: New Perspectives*. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 67–78. DOI: 10.2307/j.ctvbc2nw.8
- Hornblower, J. (1981) *Hieronymus of Cardia*. Oxford: Oxford University Press.
- Humble, N. (2004) “The Author, Date and Purpose of Chapter 14 of the Lakedaimonion Politeia”, in C. Tuplin, ed. *Xenophon and His World: Papers from a Conference Held in Liverpool in July 1999*. Stuttgart: Franz Steiner Verlag, 215–228.
- Karras, R.M. (2002) *From Boys to Men: Formations of Masculinity in Late Medieval Europe*. Philadelphia: University of Pennsylvania Press.
- Kienast, D. (1973) *Philipp II. von Makedonien und das Reich der Achameniden*. München: Wilhelm Fink.

- King, C.J. (2017) *Ancient Macedonia*. London – New York: Routledge.
- King, C.J. (2023) “Guarding the Macedonian King: Royal Servitude, Political Jockeying, and Regicide”, in M. Hebblewhite, C. Whately, eds. *Brill’s Companion to Bodyguards in the Ancient Mediterranean*. Leiden – Boston: Brill, 128–153. DOI: 10.1163/9789004527683_008
- Kroeker, R. (2009) “Xenophon as a Critic of the Athenian Democracy”, *History of Political Thought*, 30(2), 197–228.
- Lane Fox, R. (1973) *Alexander the Great*. London: Folio Society.
- Milns, R.D. (1966) “The Date of Curtius Rufus and the “Historiae Alexandri””, *Latomus*, 25(3), 490–507.
- Mueller, H.-F. (2002) *Roman Religion in Valerius Maximus*. London – New York: Routledge.
- Müller, S. (2010) “In the Shadow of His Father: Alexander, Hermolaus, and the Legend of Philip”, in E. Carney, D. Ogden, eds. *Philip II and Alexander the Great. Father and Son, Lives and Afterlives*. Oxford: Oxford University Press, 25–32.
- Müller, S. (2014) *Alexander, Makedonien und Persien*. Berlin: Trafo.
- Müller, S. (2016) *Die Argeaden. Geschichte Makedoniens bis zum Zeitalter Alexanders des Grossen*. Paderborn: Ferdinand Schöningh.
- Naiden, F.S. (2021) “The Organization of Greek Armies”, in W. Heckel, F.S. Naiden, E.E. Garvin, J. Vanderspoel, eds. *A Companion to Greek Warfare*. Hoboken: Wiley Blackwell, 119–136. DOI: 10.1002/9781119438847.ch9
- Nawotka, K. (2010) *Alexander the Great*. Cambridge: Cambridge Scholars Publishing.
- Orme, N. (1984) *From Childhood to Chivalry The Education of the English Kings and Aristocracy 1066–1530*. London – New York: Methuen.
- Pausch, D. (2016) “Alexander in der Toga? Techniken der Aktualisierung bei Curtius Rufus zwischen delectare und prodesse”, in H. Wulfram, ed. *Der römische Alexanderhistoriker Curtius Rufus. Erzähltechnik, Rhetorik, Figurenpsychologie und Rezeption*. Wien: Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften, 73–98.
- Pearson, L. (1960) *The Lost Histories of Alexander the Great*. New York: American Philological Association.
- Pownall, F. (2010) “The Symposia of Philip II and Alexander III of Macedon: The View from Greece”, in E. Carney, D. Ogden, eds. *Philip II and Alexander the Great. Father and Son, Lives and Afterlives*. Oxford: Oxford University Press, 55–65.

- Reames, J. (2024) “Court and Companions”, in D. Ogden, ed. *The Cambridge Companion to Alexander the Great*. Cambridge: Cambridge University Press, 179–212. DOI: 10.1017/9781108888349.012
- Sawada, N. (2010) “Social Customs and Institutions: Aspects of Macedonian Elite Society”, in J. Roisman, I. Worthington, eds. *A Companion to Ancient Macedonia*. Oxford: Wiley-Blackwell, 392–408. DOI: 10.1002/9781444327519
- Stiles, J. (2022) *Alexander the Great and Persia: From Conqueror to King of Asia*. Barnsley – Philadelphia: Pen and Sword History.
- Strootman, R. (2014) *Courts and Elites in the Hellenistic Empires: The Near East After the Achaemenids, c. 330 to 30 BCE*. Edinburgh: Edinburgh University Press.
- Tatum, J. (1989) *Xenophon’s Imperial Fiction: On The Education of Cyrus*. Princeton: Princeton University Press.
- Thomas, C.G. (2007) *Alexander the Great in his World*. Oxford: Blackwell.
- Tubbs, N. (2014) *Philosophy and Modern Liberal Arts Education: Freedom is to Learn*. London: Palgrave Macmillan.
- Tuplin, C. (1994) “Xenophon, Sparta and Cyropaedia”, in A. Powell, S. Hodkinson, eds. *The Shadow of Sparta*. London – New York: Routledge, 127–181.
- Weber, G. (2007) “Der Hof Alexanders des Großen als soziales System”, *Saeculum*, 58(2), 229–264. DOI: 10.7788/saeculum.2007.58.2.229
- Wiesehöfer, J. (1996) *Ancient Persia: from 550 BC to 650 AD*. London – New York: I.B. Tauris.
- Wiesehöfer, J. (2017) “The Persian Impact on Macedonia: Three Case Studies”, in S. Müller, T. Howe, H. Bowden, R. Rollinger, eds. *The History of the Argonauts: New Perspectives*. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 57–64. DOI: 10.2307/j.ctvbc2nw.7
- Worthington, I. (2004) *Alexander the Great: Man and God*. Harlow: Pearson Longman.
- Zimmermann, R. (1930) “Die Zeit des Geschichtschreibers Curtius Rufus”, *Rheinisches Museum für Philologie*, 79, 381–390.
- Адо, И. (2002) *Свободные искусства и философия в античной мысли*. М.: Греко-латинский кабинет Ю.А. Шичалина. [Ado, I. (2002) *Svobodnye iskusstva i filosofiya v antichnoj mysli*. М.: Greko-latinskij kabinet Yu.A. Shichalina].
- Алехин, И.А. (2025), ред, *Военная педагогика: учебник для вузов*. М.: Юрайт. [Alekhin, I.A. (2025), red, *Voennaya pedagogika: uchebnik dlya vuzov*. М.: Yurajt].

- Ковалев, С.И. (1948) «Заговор «пажей»», *Вестник древней истории*, 1, 34–42. [Kovalev, S.I. (1948) «Zagovor «pazhej»», *Vestnik drevnej istorii*, 1, 34–42].
- Микрюков, В.Ю. (2019) *Военная педагогика: учебник*. М.: КНОРУС. [Mikryukov, V.Yu. (2019) *Voennaya pedagogika: uchebnik*. М.: KNORUS].
- Нефёдкин, А.К. (2000) «Научил ли Аристотель военному делу Александра?», *Para bellum: Военно-исторический журнал*, 10, 11–22. [Nefedkin, A.K. (2000) «Nauchil li Aristotel' voennomu delu Aleksandra?», *Para bellum: Voенno-istoricheskij zhurnal*, 10, 11–22].
- Ушинский, К.Д. (1950) *Собрание сочинений. Том 8. Человек как предмет воспитания. Опыт педагогической антропологии. Том 1*. М. – Л.: Издательство Академии педагогических наук РСФСР. [Ushinskij, K.D. (1950) *Sobranie sochinenij. Tom 8. Chelovek kak predmet vospitaniya. Opyt pedagogicheskoy antropologii. Tom 1*. М. – L.: Izdatel'stvo Akademii pedagogicheskikh nauk RSFSR].
- Щеглов, Д.А. (2006) «Кочевые народы средней Азии по сведениям историков Александра Македонского», *Записки Восточного отделения Российского археологического общества*, II(XXVII), 276–316. [Shcheglov, D.A. (2006) «Kochevye narody srednej Azii po svedeniyam istorikov Aleksandra Makedonskogo», *Zapiski Vostochnogo otdeleniya Rossijskogo arheologicheskogo obshchestva*, II(XXVII), 276–316].

THE NURSERY OF HEROES

MACEDONIAN INSTITUTE OF “ROYAL YOUTHS” IN THE AGE OF PHILIP II AND ALEXANDER THE GREAT

Alexander KLEYMEONOV

The article examines the system of state-sponsored education for members of the elite that existed in Macedonia during the reigns of Philip II and Alexander the Great. It is shown that this system was intended for noble Macedonians of late adolescent age. This institution, officially known as the “royal youths,” emerged under the influence of practices in the Achaemenid Empire, where the noble youth were likewise required to reside at the royal court for upbringing and education combined with guard service. Serving at the Argead court, the Macedonian “royal youths” effectively functioned as hostages. Their presence discouraged influential families from anti-government actions and fostered loyalty to royal authority among the young aristocrats. Through this institution Philip II strengthened his control over

the elite of Upper Macedonia and promoted the consolidation of the kingdom. Another function of the institution was to prepare administrative and military personnel for the needs of the army and the state apparatus. The training of the “royal youths” took place largely through practical participation in guarding the king, hunting, military campaigns, religious rituals, and court banquets. In this way, the youths acquired skills necessary for military activity and were able to observe how decisions concerning military command and administrative governance were made, how international negotiations were conducted, and how interpersonal interaction functioned within the highest circles of the Argead state. It is noted that the principal purpose of involving the youths in the service of the royal household was the formation of discipline. Punishments and rewards, which were closely connected with this aspect of education, remained the exclusive prerogative of the monarch himself. The education of the “royal youths” also included a broader cultural component consisting of the study of philosophy, literature, and natural science, in which Greek intellectuals present at the Macedonian royal court played an important role. The article concludes that the institution proved generally effective. Many individuals who passed through it later distinguished themselves as outstanding commanders during Alexander’s Eastern campaign and in the era of the Diadochi, while some also demonstrated abilities in literary activity.

СТАНОВЛЕНИЕ ГЕРОЯ ВХОЖДЕНИЕ В МИР ВЗРОСЛЫХ

МИР ВЗРОСЛЫХ VS МИР ВЗРОСЛЕЮЩИХ

ВОСПИТАНИЕ ГЕРОЯ В ТРАГЕДИИ СОФОКЛА «ФИЛОКТЕТ»¹

В.К. ПИЧУГИНА

*Ты сам — не злой, но ты научен злыми /
Делаю постыдным...*
(Soph. Phil. 971–2; пер. С. Шервинского)

И я воспитал тебя таким, какой ты есть...
(Hom. Il. IX. 485, пер. В.К. Пичугиной)

Трагедия Софокла «Филоктет» рассмотрена как оригинальное переосмысление проблемы воспитания юноши в отсутствие отца, опирающееся на тексты Гомера, где без отцов выросли и боролись за героический статус Диомед и Телемах. Трагическое действие определено тем, что Одиссей едет на Скирос за Неоптолемом, а затем вместе с ним на Лемнос за Филоктетом, которому предстоит сыграть важную роль во взятии Трои. Оригинальность драматического замысла заключается в том, что два острова — Скирос и Лемнос — оказываются педагогически связанными. Неоптолем сначала воспитывался на Скиросе под контролем деда по материнской линии Ликомеда, а затем попал на Лемнос, где Одиссей и Филоктет предлагают ему две разных программы воспитания героя. Благородная природа и героический потенциал Неоптолема оценивается ими по-разному, но с учетом того, что сын Ахиллеса слишком жаждет славы и заботится о том, что о нем скажут люди. На первый взгляд, Одиссей выступает в роли наставника-политика, проникнутого софистическими идеями и привыкшего действовать на благо обществу, а Филоктет — в ро-

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РФФ в рамках исследовательского проекта № 24–18–00349 «Представления о мире и мироздании в историческом контексте и социокультурном развитии европейского общества».

ли наставника-отшельника, отстаивающего значимость консервативной доктрины аристократического благородства и противостоящего навязанным обществом стратегиям поведения. Однако развитие событий показывает, что Одиссеей способен вести себя как Филоктет, и наоборот, что создает в трагедии дополнительное напряжение между миром взрослых и миром взрослеющих. Как и в случае с Диомедом из «Илиады» и Телемахом из «Одиссеи», Неоптолем застревает в своем взрослении, и ему требуется внешнее влияние, чтобы совершить что-то, что позволит ему приблизиться к статусу героя. Софокл создает психологически правдоподобный образ сына-сироты, когда Неоптолем постоянно чувствует и использует силу репутации своего отца, но не имеет опыта общения с ним и вынужден опираться лишь на идеализированный образ. Ключевой для интеллектуальной элиты вопрос про возможность научения добродетели рассматривается Софоклом с точки зрения ответственности, лежащей не только на наставниках, но и на учениках, которые, подобно Неоптолему, осваивают программу воспитания героя, демонстрируя сходство с Диомедом и Телемахом.

Развитие событий трагедии Софокла «Филоктет» (пост. 409 г. до н.э.) предопределено тем, что десять лет назад аргосские вожди постановили оставить раненого Филоктета на Лемносе, а теперь приняли решение вернуть его в Трою. Софокл делает героями только мужчин, чем задает тональность всему трагическому действию, когда Одиссей отправляется за Филоктетом вместе с Неоптолемом. Софокл отходит от традиции, идущей от «Малой Илиады» и отсылающей Одиссея на Скирос, а Диомеда на Лемнос, а также отказывается от версии Эсхила, который отправляет на остров Одиссея, и версии Еврипида, где Одиссея сопровождает Диомед². У Софокла Одиссей сначала едет на Скирос за Неоптолемом, а затем вместе с ним на Лемнос к Филоктету, и эта связь двух островов имеет важное значение в трагедии.

Признавая включение Неоптолема в трагедию оригинальным драматическим ходом³, исследователи до сих пор обходили сторо-

² О том, что Диомед вместе с Одиссеем отправился за Филоктетом, сообщают Аполлодор (Apollo-d. *Bibl.* Ep. 5.8) и Гигин (Hug. *Fab.* 102).

³ Kieffer (1942). P. 45; Taplin (2007). P. 99 и др.

ной прямой вопрос о том, почему Софокл выбирает Неоптолема, а не Диомеда. Исключением являлся О. Мэндел, который связал появление Неоптолема с желанием драматурга рассмотреть «тонкую этическую дилемму», для которой не подходил «толстокожий» Диомед⁴. Соглашаясь с этим, выдвину предположение, что трагедия Софокла «Филоктет» является оригинальным переосмыслением проблемы воспитания юноши в отсутствие отца, опирающимся на тексты Гомера. В «Одиссее» без отца растет Телемах, а в «Илиаде» юношей-сиротой является Диомед, пример которого убедительно показывает, что может быть «утрачено для сына, который никогда не знал своего отца»⁵. Как я постараюсь доказать далее, у Софокла взрослеющий без отца Неоптолем, оказавшись под влиянием желающих по-отцовски наставить его Одиссея и Филоктета⁶, демонстрирует сходство с Диомедом и Телемахом. В этом предположении я иду несколько дальше тех исследователей, которые утверждают, что в трагедии не три, а четыре персонажа (подчеркивая незримое присутствие Ахиллеса), и обосновываю наличие шести персонажей, добавляя Диомеда и Телемаха.

Как и Телемах, Неоптолем использует морское путешествие для того, чтобы не быть тенью своего отца, а стать героем, который ищет и обретает *kleos*. Согласно М. Уитби, для тоскующих по отцам Неоптолему и Телемаху «переход к зрелости осуществляется схожими способами: через непосредственный контакт со старшим поколением троянских героев»⁷. Не является исключением и Диомед, для которого Нестор занимает наиболее близкое к роли отца положение⁸.

⁴ Mandel (1981). P. 118.

⁵ Pratt (2009). P. 160.

⁶ Одиссей и Филоктет на протяжении всей трагедии обращаются к Неоптолему, используя слова *τέκνον* и *παῖς*, чтобы подчеркнуть как степень близости к нему, так и позицию старшего по отношению к младшему.

⁷ Whitby (1996). P. 32.

⁸ В восьмой книге Диомед спасает Нестора, чей конь был ранен стрелой Париса, в то время как Одиссей бежит (Ном. II. XVIII. 80–112). В следующей книге Нестор хвалит Диомеда и дает понять, что тот для него как сын (Ном. II. IX. 53–9). Ораторские успехи Диомеда действительно делают Нестора «естественным союзником и подходящим наставником» (Pratt [2009]. P. 151) для сына Тидея даже вне эпизода спасения на поле боя.

Как и в случае с Диомедом из «Илиады» и Телемахом из «Одиссеи», поведение Неоптолема в трагедии Софокла в большей степени определено влиянием отсутствующего отца, чем самим его отсутствием. Постоянные напоминания о мудрости и подвигах отца в сочетании с желанием не посрамить его память создают сложную среду для становления молодого человека, которая еще более усложняется, когда тот оказывается в ситуациях морального выбора. Важность таких ситуаций подчеркивается Гомером, когда обращение Приама к Ахиллесу основывается на его воспоминаниях об отце и начинается с фразы: «Вспомни отца своего...» (Hom. *Od.* XXIV. 486; пер. Н.И. Гнедича). О. Хиггинс подчеркивает, что трагедия «Филоктет» не просто повествует о «конflikте личностей или героических типов», а сосредотачивается на влиянии прошлого на настоящее, в том числе и умерших на живых⁹. В данном контексте особенности взаимодействия шести персонажей трагедии могут рассматриваться как сложный клубок педагогических противоречий, возникающих при обсуждении идеальной системы воспитания для того, кто благороден по рождению.

У Софокла особенности столкновения мира взрослых и мира взрослеющих предопределены тем, что Филоктет затаил обиду на всех, но особенно на Одиссея¹⁰, который некогда оставил его спящего на острове. Заговор, организованный против Филоктета, составившего конкуренцию Одиссею в стрельбе из лука, неминуемо напоминает о заговоре Одиссея против Паламеда, который был интеллектуальным соперником Одиссея¹¹. Оба заговора с участием Одиссея были представлены на афинской сцене, но в полном объеме до нас дошла только трагедия Софокла «Филоктет», где обсуждается то, что благородно, а что постыдно, когда дело касается возвращения героя на поле боя. Не отрицая спорной роли Филоктета

⁹ O'Higgins (1991). P. 37.

¹⁰ В эпической поэме Квинта Смирнского «После Гомера» Филоктет принимает Одиссея как наставника в освобождении от гнева: «Одиссея реченьям внимаю / с равным богам Диомедом, в душе Филоктет облегченно / гнев бесполезный на бывших соратников тут же оставил» (Q. Smyrn. IX. 422–4; пер. А.П. Большакова).

¹¹ О том, что Одиссеем в трагическом мире могут двигать обида и соперничество, см.: Clay (2010). P. 241.

в падении Трои¹², отмечу важность того, что трагедия лишает Одиссея права быть единственным героем, благодаря которому Троя будет взята. У Софокла лук поставлен в один ряд с деревянным конем, что уравнивает Филоктета и Одиссея в моральном весе и праве наставлять молодежь в лице Неоптолема, благородное происхождение которого постоянно подчеркивается. Вынесенная в эпитафию цитата из «Илиады» является хвастливым заявлением, которое Феникс бросает Ахиллесу, но позволяет увидеть особенности античного педагогического дискурса о благородстве, когда характер не рассматривался как то, что может быть только унаследовано.

Отмечу, что обращение к связи образования и благородства на театральной сцене не было новаторством Софокла. Главная героиня трагедии Еврипида «Гекуба» (пост. между 423 и 419 гг. до н.э.) сначала говорит об образовании как результате взращивания того, кто благороден по рождению (ἔχει γὰρ μέντοι καὶ τὸ θρεφθῆναι καλῶς διδάξιν ἐσθλοῦ, Eur. *Нес.* 600–1), а затем несколько смягчает противопоставление природного и приобретенного благодаря образованию, указывая, что образование может привить благородство, но лучше с ним родиться (Eur. *Нес.* 592–603). Однако тема, которая является лишь одной из определяющих для сюжета трагедии Еврипида, у Софокла становится центральной. Одним из главных для Софокла является вопрос, что значит быть героем (= говорить и действовать как герой), когда Троянская война уже завершена. Благодаря включению в историю о Филоктете Неоптолема мир взрослых сопоставляется с миром взрослеющих и противопоставляется ему, а вопрос о том, как нужно наставлять благородных по рождению, является одним из центральных. Обсуждая это, Л. Чируцци опирается на классическую работу П. Вернана и подчеркивает, что у Софокла герой — это тот, кто действует в соответствии со своим решением, обдумывает свое действие, «вписывая свой поступок в мир»¹³, и всегда готов принять изменение смысла этого поступка по воле богов.

Особенности взаимодействия главных героев Софокла определены тем, что юноша должен не уступать двум взрослым мужчинам: «один — Одиссей — физически здоров, но, вероятно, этически испорчен, а другой — Филоктет — физически слаб, но, по его сло-

¹² Подробный анализ литературной традиции см.: Mandel (1981). P. 8–40.

¹³ Ciruzzi (2022). P. 18.

вам, имеет этические основы»¹⁴. Традиционно такую расстановку сил рассматривали как скрытую критику политической модели в условиях Пелопоннесской войны из-за разницы во взглядах Одиссея и Филоктета на участие в рискованных предприятиях¹⁵. Далее я буду рассматривать треугольник «Одиссей — Филоктет — Неоптолем» как скрытую критику той модели воспитания юношества, открытое обсуждение которой также можно было считать рискованным предприятием¹⁶.

Развитие трагического сюжета предопределено тем, что сопряжение мира взрослых и мира взрослеющих всегда предполагает изрядную степень напряжения. Современные исследователи, однако, предлагают оригинальную альтернативу классическому пониманию П. Видаль-Наке, который предложил рассматривать взросление Неоптолема под влиянием Одиссея и Филоктета как ритуальное изменение статуса от эфеба к взрослому¹⁷. Взрослость Одиссея и Филоктета может быть оспорена: Одиссей «наиболее полно иллюстрирует этос эфеба», когда утверждает безоговорочное подчинение власти, преследует жертву в дикой местности и использует лук¹⁸, а Филоктет также соответствует модели эфеба, так как «обосновался на необитаемом острове вдали от цивилизации и полагается на лук, а не на копье»¹⁹.

***Мир взрослеющего Неоптолема
vs мир лучника-политика Одиссея***

Трагедию открывает речь Одиссея, который сообщает Неоптолему о страданиях Филоктета, волею судеб оказавшегося на Лемносе. Первая часть речи Одиссея несколько напоминает присутствующее в «Илиаде» описание случившегося с Филоктетом, но акценты расставлены иначе: у Гомера Филоктет искусный лучник (Ном. II. П. 716–33), вынужденно оставленный ахейскими вождями на острове, где он мужественно справлялся с болью, а у Софокла —

¹⁴ Kosak (2006). P. 49.

¹⁵ Cecchet (2015). P. 77.

¹⁶ Особенно есть учесть, что суд над Сократом произойдет всего через десять лет после постановки трагедии.

¹⁷ Vidal-Naquet (1981). P. 182.

¹⁸ Dodd (2003). P. 74.

¹⁹ Gregory (2019). P. 169.

храбрый воин (*Soph. Phil.* 1–11), который не мог совладать со своей болью и из-за этого был оставлен ахейскими вождами на острове. Очевидно, что Одиссей у Софокла в первых строках трагедии должен был именно так представить Филоктета, не упоминая о том, что он один из лучших лучников и сильный духом воин²⁰. Одиссей виртуозно оперирует словом, чтобы пошатнуть образ этого героя в глазах Неоптолема и заручиться поддержкой молодого человека, которому указали на вину Филоктета перед участниками Троянского похода, а не на их вину перед Филоктетом²¹. Выражаясь метафорически, у Софокла Неоптолем оказывается между двумя лучниками, каждый из которых хочет попасть своими словами-стрелами ему в душу.

Одиссей у Софокла обозначает для Неоптолема следующую последовательность из трех задач: выяснить, жив ли еще Филоктет и находится ли он в пещере; завоевать его доверие, представ жертвой обмана ахейцев; завладеть луком Филоктета, чтобы Одиссей мог приблизиться к нему. Активное участие Неоптолема в этом плане очевидно, поэтому юноша считает, что их роли с Одиссеем одинаково важны. Именно это заблуждение, на которое указывает А. Аллан, и предопределяет многочисленные странности в поведении Неоптолема, не сразу понимающего, что в затеянной Одиссеем игре есть ведущий и ведомый²². По ее мнению, эгоистичному Неоптолему не сразу становится понятно, что ему всего лишь «поручено подготовить почву для действий Одиссея»²³.

С первой задачей Неоптолем легко справляется, относительно второй получает подробные инструкции от Одиссея, а третья остается полностью на его усмотрение. Иначе говоря, Одиссей дает понять, что Неоптолем нуждается в наставлениях, только когда речь

²⁰ У Гомера Одиссей прямо говорит, что Филоктет стреляет из лука лучше, чем он сам (*Hom. Od.* VIII. 219), а у Софокла, кажется, хочет как можно дольше не поднимать этот вопрос. Только когда Филоктет вынуждает его, Одиссей говорит, что он сам или Тевкр при необходимости смогут использовать знаменитый лук для взятия Трои (*Soph. Phil.* 1055–1061).

²¹ Одиссей обращает внимание Неоптолема на то, что крики страдающего Филоктета мешали воинам осуществлять религиозные ритуалы (*Soph. Phil.* 8–9).

²² Allan (2011). P. 3 и далее.

²³ *Ibid.* P. 4.

идет о словах, а не о делах, то есть способен получить лук самостоятельно. Одиссей может очень прагматично считать, что эгоизм и жажда славы подскажут Неоптолему, как действовать, или очень прозорливо подмечать, что юноша похож на своего отца, который не всегда был силен в словах.

Вторая часть речи Одиссея посвящена тому, как именно Неоптолем должен помочь в деле по отъему у Филоктета необходимого для завоевания Трои лука Геракла. Одиссей подчеркивает, что собирается руководствоваться хитростью (σοφισμα, Soph. Phil. 13–4) и разработал план, но реализовывать его и действовать хитро (δεῖ σοφισθῆναι, Soph. Phil. 77) придется Неоптолему²⁴. Нежелание Одиссея встречаться с Филоктетом может быть рассмотрено как забота о сохранении не только своей жизни, но и жизни Неоптолема, который также может стать жертвой разъяренного Филоктета, увидевшего юношу в сопровождении Одиссея. Однако справедливым является вопрос о том, почему желание Одиссея быть на заднем плане связано с тем, что Неоптолем — тот, кто «не запятнан несправедливостями прошлого», — должен использовать против Филоктета хитрость, а не честное убеждение²⁵.

Вернемся к тому, что второй задачей для Неоптолема является следующая: завоевать доверие Филоктета, представ жертвой обмана ахейцев. Когда Одиссей дает наставления, необходимые для решения этой задачи, он тонко подмечает важность для Неоптолема того, что о нем скажут люди²⁶. При этом сам Одиссей дает понять, что для него это уже неважно, когда просит Неоптолема не стесняться в выражениях и говорить о нем все что угодно. Одиссей прямо заявляет, что тревога о том, что о нем скажут люди, — это качество, которое он перерос²⁷. От Одиссея пока скрыто, что столь сильное внимание Неоптолема к общественной похвале или порицанию яв-

²⁴ О концепции σοφία у Софокла, см.: Montiglio (2011). P. 8.

²⁵ Taousiani (2011). P. 433.

²⁶ А. Аллан называет это «фильтром, через который формируются и направляются действия» юноши на протяжении всей трагедии (Allan [2011]. P. 2).

²⁷ У Софокла Одиссей снова действует, как Афина из «Одиссеи», играющая на желанин Телемаха получить то, что может быть названо *kleos* (Hom. Od. XIII. 422).

ляется не только идеей фикс для юноши, который сосредоточен на желании стать лучше своего отца, но и удобной стратегией для объяснения своих слов и дел.

Таким образом, пока мы видим Одиссея «своего рода сценаристом, который отныне диктует содержание и манеру лживой речи, которую должен произнести юноша»²⁸, что в дальнейшем Филоклет назовет особым типом практического знания (*Soph. Phil.* 441 и далее). Если Неоптолем не будет справляться или дело затянется, то Одиссей пошлет к нему своего человека, который склонит Филоклету к нужному решению какой-то хитрой историей (*Soph. Phil.* 126–31). Указав на этот фрагмент, О. Хиггинс резюмирует, что Одиссей при этом как никогда прежде ограничивает свой контроль над ситуацией. Он «готовит маску для Неоптолема», но не в полной мере способен контролировать того, кто под маской: «Мы не знаем, в какой степени “ахиллесово” наследие Неоптолема сейчас или в будущем проявится, несмотря на, возможно, неправильное образование»²⁹. Так или иначе, Одиссей подчеркивает, что Неоптолем должен проявить ораторское мастерство, являясь посредником в серьезном деле, что сближает Неоптолема с Диомедом, который благодаря ораторскому искусству выступал посредником между Агамемноном и участниками Троянского похода.

Одиссей быстро находит подход к Неоптолему, который хочет не просто быть сыном великого героя, а сам стать великим героем. Неоптолем говорит, что, используя против Филоклету хитрые уловки Одиссея, он предаст память Ахиллеса (*Soph. Phil.* 88–9). Одиссей же убеждает его в обратном³⁰: «И доблестным и мудрым будешь назван» (*Soph. Phil.* 119; пер. С. Шервинского). Неоптолема смущает необходимость лгать, но привлекает выгода от лжи, что и использует Одиссей. После короткого спора они сходятся на том, что от Неоптолема требуется не столько лгать, сколько являть умение «подгонять свою речь под ритм разговора»³¹. Важно, что Неоптолем (как и пустившийся в плавание Телемах) здесь и далее на протяже-

²⁸ Ciruzzi (2022). P. 8.

²⁹ O'Higgins (1991). P. 44.

³⁰ В использовании этой манипулятивной стратегии Филоклет гневно обвиняет Одиссея (*Soph. Phil.* 1011–7).

³¹ Ciruzzi (2022). P. 8.

нии всей трагедии прямо заявляет права на своего отца; Диомед же делает это только «под принуждением»³², то есть когда оказывается в ситуациях, где не может справиться сам³³.

Таким образом, «роль Неоптолема в этой пьесе сложна: хотя он понимает, что от него требуется как от сына Ахиллеса, неполное понимание более широкого контекста сразу же погружает его в этические трудности»³⁴. Одиссей, вероятно, использует «модные слова» как охотящийся за новым учеником софист³⁵, понимающий, однако, что природа ученика не совсем совместима с его учением. Он говорит, что реализация придуманного им плана гарантирует то, что в долгосрочной перспективе репутация Неоптолема не пострадает. П.В. Ройс утверждает, что аудитории Софокла становится понятно: оружием Филоктета является лук, с помощью которого он охотится на зверей, а оружием Одиссея — его язык и «охота на людей»³⁶. Однако, несмотря на свою веру в силу слова, Одиссей не пытается уговорить Филоктета отправиться в Трою, констатируя, что тот не поддается убеждению. Иначе говоря, согласно терминологии А. Хокинза, Одиссей ведет охоту с четким выбором жертвы, которой становится именно Неоптолем. Таким образом, «педагогическая задача» Одиссея заключается в том, чтобы «сделать Неоптолема “мудрым” таким же образом, каким мудр он сам», то есть приоб-

³² Christensen, Barker (2011). P. 31.

³³ Так, получив ранение, он просит Афины о помощи, которую она некогда оказывала его отцу (Ном. II. V. 115–117). Афина вселяет в него ярость Тидея (Ном. II. V. 125–126), которой, как мне кажется, Диомеду хотелось бы избежать, если бы не сложность ситуации. Вероятно, как и покровительства Афины, под началом которой он становится тем, кого Арес называет «высокомерным сыном Тидея» (Ном. II. V. 881). Таким образом, воспитательный потенциал пары «отец — сын» на примере Диомеда существенно переосмысливается. Если Тидей был нарушителем законов, то Диомед предстает как их поборник, который предпочитает действовать не только силой, но и словом, подобно Одиссею. Благодаря Диомеду становится видимой тонкая грань между «недостаточно похож на своего отца» и «слишком похож на своего отца», что в случае героя может иметь опасные последствия.

³⁴ Fulkerson (2006). P. 49.

³⁵ Carlevale (2000). P. 33.

³⁶ Rose (1976). P. 83–84.

шить к тому, что Аристотель позже назовет «практическим благоразумием»³⁷. Иными словами, Одиссей предлагает себя в качестве проводника для юноши в мир аристократов, где «способность хвататься за всё является центральной чертой»³⁸.

В «Илиаде», выслушав Одиссея и Феникса, Ахиллес обличает их хитрые речи и отдает дань прямым речам Аякса; в «Филоктете» Неоптолем также указывает Одиссею на то, что ему очевидна хитрость его речей, однако делает выбор в пользу стратегии воспитания, отличной от той, которая была у Ахиллеса. Этот выбор не делается Неоптолемом случайным образом. Попав на Лемнос, юноша уже освоил некоторую программу воинского воспитания на Скиросе под руководством царя Ликомеда — деда по материнской линии. Филоктет приветствует сына Ахиллеса именно как того, кого взрастил почтенный Ликомед (Soph. *Phil.* 243), напоминая нам о педагогике Хирона³⁹, которая основывалась на прочных межпоколенных связях⁴⁰. Особенности воспитания Неоптолема сближают его с Телемахом, который хотя и не был под покровительством мужского родственника по материнской линии, но все же рос с матерью. Детство Диомеда контрастирует с опытом как Неоптолема, так и Телемаха: из речи Диомеда мы узнаем о том, что дед по отцовской линии Эней точно не участвовал в деле его воспитания (Hom. II. XIV. 119), и не получаем никакой информации о родственниках по материнской линии, от которых следовало бы ожидать воспитательной помощи.

Неизбежное сопоставление Ликомеда и Одиссея, претендующего на роль следующего наставника сына Ахиллеса, возвращает нас к эпизодам из прошлого царя Скироса. Ликомед помогал Фетиде скрыть Ахиллеса во время организации Троянского похода. Кроме того Ликомед убил Тесея (Apollod. *Bibl.* Ep. 1.24), который также

³⁷ Hawkins (1999). P. 343, 344.

³⁸ Bromberg (2022). P. 117.

³⁹ Ахиллеса невозможно было отправить на воспитание к богу моря Нерее, отцу Фетиды, поэтому за дело воспитания взялся Хирон как прадед Ахиллеса по материнской линии (Pind. *Nem.* V, VII). Одно поколение вынужденно оказывается пропущенным, и для Ахиллеса «отец его бабушки заменяет отца его матери» (Robbins [1993]. P. 12).

⁴⁰ О значимости воспитания у родственника по материнской линии см.: Bremmer (1983). P. 175–186.

был воспитан своим дедом. Очевидно, что в биографии любого человека статуса Ликомеда можно найти темные пятна, однако столь многочисленные указания в трагедии на пребывание Неоптолема на Скиросе позволяют предположить, что юноша мог знать о важности хитрых слов и дел, поэтому он хотя и колеблется, но быстро соглашается на план Одиссея. Дж. Грегори, однако, предполагает, что Неоптолема «учили, что главный вопрос, который следует задавать о каждом поступке, заключается в том, является ли он прекрасным или постыдным; то есть вызовет ли он похвалу или порицание»⁴¹. И, соответственно, Одиссей бросает вызов этой системе ценностей, когда провоцирует юношу на хитрый обман Филоктета. Согласно Дж. Грегори, Неоптолем тяготеет к оценочным суждениям о благородном или постыдном, на чем и играет знакомый с «составляющими героического воспитания» Одиссей⁴², когда заверяет юношу, что участие в обмане не повлияет на его репутацию и в долгосрочной перспективе принесет много пользы. По ее мнению, в словах Неоптолема: «Ах, для чего покинул / Я Скирос свой!» (*Soph. Phil.* 969–70), — тоска по усвоенным им моральным устоям⁴³. А. Аллан, напротив, считает, что стремление Неоптолема к славе доминирует на всем протяжении трагедии и оказывается выше любых этических требований, вынуждая юношу соперничать за славу сначала с Одиссеем, а затем с Филоктетом⁴⁴. В данном контексте оценочные суждения о благородном или постыдном могут быть не чем иным, как уловкой, позволяющей Неоптолему выяснить все возможные выгоды и риски, сопровождающие его путешествие по маршруту Скирос — Лемнос — Троя.

Таким образом, начало трагедии настраивает нас на то, что Неоптолем должен быть помощником Одиссея в деле возвращения Филоктета в Трою. Однако, как показывает дальнейшее развитие событий, Неоптолема гнетет не столько характер этой помощи (что нужно действовать не так, как бы поступил Ахиллес), сколько именно статус помощника, а не полноправного партнера. Вероятно, это не остается незамеченным Одиссеем, который понимает, что

⁴¹ Gregory (2019). P. 174–175.

⁴² Ibid. P. 173–174.

⁴³ Ibid. P. 175.

⁴⁴ Allan (2011).

искомый статус юноша может получить, объединившись с Филоктетом. Это понимание никогда не обсуждается прямо, но Одиссей постоянно настаивает, что дело по возвращению Филоктета должно быть завершено как можно быстрее. Мы видим, как Одиссей подчеркивает важность скорости в начале трагедии, а затем присылает передетого купцом моряка, который предупреждает Неоптолема о необходимости спешки (*Soph. Phil.* 620–1). Вероятно, Одиссей заранее оценивает риски и предполагает, что Неоптолем может попасть под влияние Филоктета, поэтому не отводит им много времени на общение. Это означает как признание силы воспитательного влияния Филоктета, так и понимание восприимчивости Неоптолема к внешнему влиянию, которому Одиссей стремится привить свои ценности если не в долгосрочной перспективе, то хотя бы «здесь и сейчас». В случае с Неоптолемом, вероятно, «у зрителя остается тревожное подозрение, что влияние Филоктета окажется не более продолжительным, чем влияние Одиссея или, если уж на то пошло, Ликомеда»⁴⁵.

История Неоптолема заставляет нас переосмыслить программу воспитания героя, предлагая подумать над альтернативными вариантами для тех, кто, как Ахиллес, не будет воспитан Хироном. Дж. Грегори подчеркивает «консервативный характер педагогики кентавра: что хорошо для отца, самоочевидно хорошо и для сына»⁴⁶. Одиссей у Софокла бросает вызов этой педагогике, указывая, что Неоптолему не подойдет то, что было «хорошо» для Ахиллеса. Обозначая Неоптолему свою стратегию воспитания, Одиссей подчеркивает, что сам в его годы не был искусен во владении словом, но был силен; теперь же — с высоты лет — Одиссей утверждает, что именно слова, а не дела определяют все (*Soph. Phil.* 96–99). Эти строки отсылают к двум фрагментам «Илиады». В первом фрагменте Феникс напоминает, что Пелей доверил ему воспитание юного Ахиллеса, который был «неискусен» в делах и «неопытен» речах (*Hom. Il.* IX. 440–3; пер. Н. Гнедича). Во втором фрагменте Ахиллес подводит итог своей жизни и утверждает, что успешно освоил программу воспитания воина, но в делах сильнее, чем в словах (*Hom. Il.* XVIII. 105–6). Таким образом, Одиссей предлагает Неоптолему программу воспитания, которая заставляет сына переосмыслить

⁴⁵ Gregory (2019). P. 190.

⁴⁶ Ibid. P. 27.

пайдейю отца. Если Ахиллес у Гомера стремился к балансу слова и дела, то Одиссей у Софокла настаивает на том, что этот баланс не нужен, потому что слова чаще всего оказываются сильнее дел. Неоптолем, таким образом, оказывается перед выбором: попытаться превзойти отца в рамках классической и идущей от Хирона педагогики баланса слова и дела или в рамках инновационной педагогики Одиссея, который утверждает, что слово часто сильнее дела, но в любом случае говорить и действовать нужно хитро.

Кажется, что Одиссей подобен пауку, плетущему словесную сеть, в которую попадает неокрепший ум его спутника. Однако «жертва» Одиссея не так проста как кажется: Неоптолем «несет в себе ауру своего могущественного отца, что придает ему моральный вес, обычно не присущий молодым людям»⁴⁷. Взаимодействие Одиссея и Неоптолема не может быть оценено с прямолинейностью Аристотеля, который указывал, что для Неоптолема говорить правду благородно, но Одиссей убеждает его солгать (*Arist. Eth. Nic.* 1151b). Диалоги Одиссея и Неоптолема не являются их личным делом, потому что возвращение Филоктета в Троию — это значимое для всех греков дело. Если Неоптолем откажется от плана Одиссея и выберет дружбу Филоктета, то его ждет бесславная жизнь на Скиросе и, вероятно, статус «предателя греческого государства»⁴⁸, а если согласится, то слава в Трое и полноценное участие в политической жизни. В данном контексте Одиссей всего лишь склоняет юношу к естественному для его статуса выбору, оценка которого предопределена одновременно выбором Ахиллеса в «Илиаде» и Геракла из аллегории Продика. Именно поэтому речь Одиссея является отеческим наставлением в том, что следует считать благородным поступком в сложившейся ситуации:

Ты, знаю, сын мой, не рожден таким, / Чтоб на обман идти и на коварство, — / Но сладостно... торжествовать победу! / Решись!.. Вновь станем честными... потом... / Забудь же стыд, — всего на день один / Доверься мне... а после почитайся / Весь век благочестивейшим из смертных! (*Soph. Phil.* 79–85; пер. С.В. Шервинского).

⁴⁷ Van Nortwick (2015). P. 46.

⁴⁸ Tessitore (2003). P. 82.

П.В. Ройс отмечает: Одиссей прямо говорит о том, что унаследованное благородство Ахиллеса является препятствием (*Soph. Phil.* 79–80) или даже может все испортить (*Soph. Phil.* 1068)⁴⁹. На мой взгляд, это не столько прагматичная констатация от преследующего свои цели человека, сколько отцовское разъяснение, который не пренебрегает релятивизмом, если нужно помочь юноше решиться на смелый шаг. Здесь Одиссей напоминает Нестора, который заканчивает две длинные речи к Телемаху (*Hom. Od.* 3.103–200, 254–328), указывая, что тому нужно действовать и становиться истинным сыном своего отца.

Зрители Софокла, очевидно, понимают, что одного аристократического происхождения не может быть достаточно для проявления достойного поведения, ведь Одиссей тоже является аристократом⁵⁰. В данном контексте следует поставить вопрос о том, что же побуждает Одиссея у Софокла склонять Неоптолема к тому, что противоречит его природе? Мотивы Одиссея принять участие в путешествии за Филоктетом рассматриваются намного реже, чем мотивы Неоптолема. Если у Еврипида Одиссей не хочет почивать на лаврах и «ищет новых похвал за смелые и умные поступки»⁵¹, то у Софокла лишь выполняет приказы. Сначала приказом является высадить Филоктета на Лемносе во имя общего блага, а затем — забрать его оттуда. Одиссей не случайно настоятельно требует, чтобы Неоптолем выполнял его приказы, потому что выступает в роли политика, проникнутого софистическими идеями и привыкшего действовать на благо обществу. В свою очередь, Неоптолем является юношей, от которого общество требует определенных действий, и гарантом этих действий выступает Одиссей. Новаторство Софокла, у которого Неоптолем и Одиссей в большей степени действуют вместе в речах, чем в делах, напоминает об «Илиаде», где Одиссей и Диомед редко оказываются вместе (только в десятой книге «Илиады» они участвуют в успешном набеге на лагерь пехотинцев), но часто продвигают одни и те же решения, используя ораторское искусство для общественного блага⁵².

⁴⁹ Rose (1976). P. 90.

⁵⁰ Blundell (1993). P. 112.

⁵¹ Kieffer (1942). P. 43.

⁵² В «Илиаде» Одиссей «служил общему делу с той же энергией, что

***Мир взрослеющего Неоптолема
vs мир лучника-отшельника Филоктета***

Одиссей-наставник не лишен недостатков, и, кажется, традиционная пронизательность эпического Одиссея у Одиссея трагического заменена на излишнюю склонность к обману: «одержим хитрой речью — почти манипуляцией ради самой манипуляции — чертой, напоминающей виртуозного лжеца из “Одиссеи”»⁵³. Важно, что как только Неоптолем окончательно соглашается с тем, что именно Одиссей будет его проводником в мир взрослых, на сцене появляется Филоктет. Первые слова Филоктета, адресованные пришедшим к нему, не слишком дружелюбны. Однако он быстро смягчается и осуществляет превращение из дикого изгоя в статусного грека, которому приятен звук родного языка (*Soph. Phil.* 234). Этот переход от варварства к цивилизованности отмечается многими исследователями и ставит вопрос о том, что Одиссей является для Неоптолема не единственным образцом для подражания.

Согласно Т. ван Нортвику, трагедия развивается линейно: по мере знакомства с Филоктетом юноше «становится все труднее сохранять отстраненность, необходимую для обмана и манипулирования другим человеком»⁵⁴. Однако, как я буду доказывать далее, линейное развитие характера Неоптолема не было запланировано Софоклом. Начало трагедии убедительно демонстрирует: Неоптолема беспокоит не то, как обман повлияет на Филоктета, а то, как обман скажется на его собственной репутации. В этом случае трагедия Софокла «Филоктет» — это пространство опасного эксперимента, где юноша является не жертвой обмана, а тем, кто хочет опробовать инструмент обмана на Филоктете.

Вернемся к тому, что Одиссей поставил перед Неоптолемом три задачи, которые дополнительно осложнены тем, что он хочет быть достойным сыном своего великого отца. С таким же грузом живут Диомед и Телемах, которым окружающие также старательно напоминают об этом и которые также страдают от отсутствия отца.

и Диомед, но более интеллектуальными средствами, предотвращая опасности, а не преодолевая их в битве» (*Erbse* [2005]. P. 6).

⁵³ O’Higgins (1991). P. 39.

⁵⁴ Van Nortwick (2015). P. 67.

Помня о том, что нужно действовать быстро, Неоптолем начинает завоевывать доверие Филоктета с первой же минуты их встречи. Юноша заявляет, что никогда не слышал о Филоктете (*Soph. Phil.* 250–8). Это заявление лишает Филоктета надежды на то, что его имя и слава известны за пределами его маленького островного мира, а Неоптолема — возможности реализовать план Одиссея самостоятельно. Филоктет каким-то образом должен узнать о своей судьбе, поэтому скоро на помощь к Неоптолему придет наученный Одиссеем и переодетый в купца моряк. Кажется, что Неоптолем, так сильно претендующий на важную роль в деле возвращения Филоктета, зря начинает диалог с островитянином в таком ключе. Однако именно такое начало позволяет Неоптолему понять, как Филоктет относится к славе, и предстать в образе жаждущего ее юноши. Филоктет тоже многое понимает о Неоптолеме, который готов на многое ради славы, даже отправиться на Лемнос в сопровождении Одиссея.

Обращу внимание на еще один значимый для этого исследования момент: заявление Неоптолема открывает для Филоктета возможность использовать «язык мудрости», почти полностью основанный на самопрезентации⁵⁵. Пока не появился моряк-купец, Филоктет рассказывает Неоптолему о своих злоключениях, а тот, в свою очередь, сообщает о зле, которое претерпел от Одиссея и ахейских вождей. Остается загадкой, является ли речь Неоптолема импровизацией, которая позволяет рассматривать его как талантливого ученика, проникшегося софистическими установками, или идущими от сердца словами. В пользу первого говорит то, что Неоптолем на протяжении всей трагедии упорствует в «большой лжи»⁵⁶, не признаваясь Филоктету, что никто не забирал у него оружие его отца; в пользу второго — что в этом фрагменте мы видим слезы Неоптолема, которые одновременно напоминают о слезах Ахиллеса из «Илиады» и Телемаха из «Одиссеи», когда молодые люди сталкиваются с «жесточкой непримиримостью свершившегося факта»⁵⁷. Однако столь сильная эмоциональность является лишь вспышкой, которая сразу же исчезает, и Неоптолем продолжает разговаривать с Филоктетом в иной тональности.

⁵⁵ Schein (2016). P. 265.

⁵⁶ Woodruff (2012). P. 137.

⁵⁷ Whitby (1996). P. 32.

Неоптолем у Софокла часто действует как Диомед, демонстрируя отсутствие сострадания и искренности, которые проявляет Телемах, когда ищет тех, кто станет для него образцами мужского поведения. Не желая тратить много времени, Неоптолем кратко упоминает о смерти Ахиллеса и сухо отвечает на вопросы Филоктета о его старых друзьях, констатируя, что Аякс, Антилох и Патрокл также мертвы. Прошлое представляется Неоптолему не более чем каталогом смертей, где смерть Ахиллеса является лишь одной из многих. В этом Неоптолем напоминает Диомеда, который в четырнадцатой книге «Илиады» тонко включает отца в родовую линию, указывает на его воинское искусство и смерть в результате потери божественной поддержки. В этой книге Диомед окончательно утверждается в роли искусного оратора, успешно выступив после Одиссея (Ном. II. XIV. 109–127) и заявив не только о своей воинской силе, но и о благородстве. Диомед начинает свою речь с того, что рожден от знаменитого Тидея, который погиб под Фивами (Ном. II. XIV. 113–14), но далее все его слова об отце лишены эмоций. Таким образом, Неоптолем и Диомед не оставляют эмоционального пространства для того, чтобы оплакивать отцов. У Софокла Неоптолем стремится «ограничить или полностью отвергнуть (трудоемкую) эмоциональную реакцию⁵⁸ Филоктета на прошлое»⁵⁹, но также и свою собственную.

С одной стороны, Неоптолем прерывает одиночество Филоктета, сосредоточенного на своем болезненном состоянии, и осуществляет «лечение разговором», как это мог бы сделать сын для своего отца; а с другой — его речи содержат манипулирующую «технику убеждения» Одиссея⁶⁰, который всегда знает больше и мыслит шире собеседника. Неоптолем четко контролирует степень эмоционального сближения с собеседником и, как и Одиссей, умеет успешно «подгонять свою риторику под слушателей»⁶¹, и Филоктет предполагает, что этому научил его Одиссей, наставления которого не возводят в культ природу ученика. Однако Одиссей не навязывает

⁵⁸ Одной из таких реакций является сожаление Филоктета о том, что Одиссей и Диомед еще живы (Soph. *Phil.* 416–8).

⁵⁹ O'Higgins (1991). P. 40.

⁶⁰ Worman (2000). P. 23.

⁶¹ Gregory (2019). P. 185.

юноше конкретные техники, если и обучая, то лишь собственным примером и общим посылом извлекать пользу из слов собеседника (*Soph. Phil.* 131). Вероятно, Одиссей знает, что Неоптолем уже обладает необходимыми для этого навыками, которые были им получены на Скиросе и возникли не на пустом месте, а на его «природной склонности к искусным действиям»⁶². Однако Неоптолем у Софокла скорее является героем, подобным Диомеду и Телемаху, которых нужно воспринимать только в настоящем⁶³.

В диалогах с Филоктетом Неоптолем достаточно долго старается походить на не поддающегося эмоциям Одиссея, но жалость к островитянину все же оказывается не чужда ему. Дж. Грегори указывает на сложную эволюцию этой эмоции, когда Неоптолем называет ее давно живущей в его сердце, вероятно, «приукрашивая свое сострадание» или «не желая смириться со своими эмоциональными порывами»⁶⁴. Обратим внимание на предположение Неоптолема о том, что Одиссей опишет его как по природе полного сострадания (*Soph. Phil.* 1074). Таким образом, в общении с Филоктетом Неоптолем не может похвастаться эмоциональной зрелостью, которая проявляется в понимании позиции другого (и особенно более взрослого) человека.

После того как Неоптолем и Филоктет обсудили судьбы героев⁶⁵ и прониклись товарищеским духом, сын Ахиллеса сообщает, что отплывает с острова. Он определяет это как добровольное изгнание («Я удалюсь на мой скалистый Скирос / И буду счастлив там», *Soph. Phil.* 459–60), осознанный выбор в пользу спокойной жизни, которая максимально далека от того, что Одиссей в прологе обозначал как значимое для юноши, находящегося в возрасте Не-

⁶² Gregory (2019). P. 185.

⁶³ Это герои, о деяниях которых ничего не известно до Гомера, что позволяет рассматривать их как тех, кто берет на себя сложные задачи, оценка выполнения которых должна осуществляться без опоры на прошлое.

⁶⁴ Gregory (2019). P. 181–182.

⁶⁵ И это обсуждение является частью педагогической стратегии Филокетта, которую П.В. Ройс оценивает следующим образом: использование «историй о потомках знаменитых благородных героев для иллюстрации образовательных доктрин представляется характерной чертой софистического обучения» (Rose [1976]. P. 87).

оптолема. Филоктет начинает молить взять его с собой, в очередной раз используя происхождение Неоптолема в качестве аргумента («Дай мне живым сойти на землю Эты», *Soph. Phil.* 479). Филоктет, как некогда Приам в разговоре с Ахиллесом, апеллирует к сыновним чувствам юноши, говоря, что хочет, чтобы его увидел отец, которого уже может и не быть в живых.

У Софокла Филоктет не в меньшей степени, чем Одиссей, играет на сыновних чувствах Неоптолема и его желании соответствовать Ахиллесу. Такой подход не является чем-то новым для театральной аудитории, хорошо знакомой с четырнадцатой книгой «Илиады», где Агамемнон упрекает сначала Одиссея за нерешительность в бою, а потом Диомеда, напоминая ему о мужестве Тидея (*Hom. Il. IV.* 370–400). Если Одиссей отвечает достаточно резко, то Диомед предлагает рассматривать оскорбления в свой адрес как столь необходимое средство сплочения армии, превращая Агамемнона в мудрого военного лидера, который прочно связывает свою судьбу с судьбами своих воинов. В итоге на одной чаше весов оказывается вспыльчивый Ахиллес, а на другой столь же юный, но рассудительный Диомед, который не превращает личную ссору с Агамемноном в проблему для всех. Возвращаясь к героям Софокла, отмечу, что Неоптолем ссорится не только с Филоктетом, но и с Одиссеем, не раз ставя под угрозу общее дело. В отличие от Диомеда, Неоптолем нуждается в наставнике, который научит его говорить и действовать в соответствии с обстоятельствами.

Филоктет предлагает Неоптолему признать его в качестве наставника, когда просит осмотреть пещеру, чтобы понять, как ее житель научался ежедневному смирению со страданиями, а также демонстрировал смелость и выносливость (*Soph. Phil.* 533–8). Неоптолем, вероятно, предполагает, что посещение пещеры усилит уважение к тому, кого юноша обманывает. Вероятно, это осознает и Одиссей, который присылает своего человека ровно в тот момент, когда Неоптолем должен войти в пещеру. Купец-моряк сообщает о пророчестве Галена, которое не было известно Неоптолему. И это сообщение заставляет Неоптолема забыть обо всем, а не только о желании войти в пещеру Филоктета. Неоптолем вдруг заявляет спешащему отплыть с острова Филоктету, что ветер против их отъезда. По мнению А. Аллан, столь заметная перемена в юноше обу-

словлена тем, что он наконец осознает роль Филоктета (а не его лука) и свою собственную в деле возвращения раненого лучника в Трои: речь купца дает понять, что по возвращении с Лемноса именно Одиссей представит Филоктета войску, а Неоптолем окажется лишен славы полноправного участника этого предприятия⁶⁶.

В этом эпизоде Неоптолем, как и Ахиллес, начинает тонко чувствовать, что окружающие могут желать по-отечески наставить его в своих интересах. Неоптолем быстро переживает это чувство и уже в строках 639–40 говорит, что уплыть с острова можно и без учета ветра. А это значит, что у юноши уже есть новый план действий, и важно не потерять доверие Филоктета, который после всего произошедшего даже дает Неоптолему прикоснуться к своему знаменитому луку. В этом эпизоде Неоптолем похож на Телемаха, который также хотел подчеркнуть свою взрослость и героический потенциал через использование лука более старшего и опытного героя⁶⁷.

После ритуального акта прикосновения к луку Филоктет наконец-то добивается того, чтобы Неоптолем вошел в его пещеру. Второе приглашение наконец заставляет юношу прочувствовать благородство и мужество Филоктета (*Soph. Phil.* 535) накануне того, как его поразит приступ боли. Два столь настойчивых приглашения в пещеру не могут рассматриваться как случайность. Благодаря им, как мне кажется, возникает тонкая аналогия с воспитанием Ахиллеса в пещере Хирона. Желая наставить Неоптолема Филоктет, вероятно, хочет стать носителем тех ценностей, которые транслировал Хирон. Однако надо пробыть в пещере достаточно долго, чтобы приобщиться к уникальной воспитательной программе, а Неоптолем — всего лишь тот, кто по настоянию Одиссея бегло осмотрел пещеру, войдя без приглашения, а затем согласился на небольшую экскурсию по ней, чтобы сохранить доверие ее хозяина. Тем не менее, войдя в пещеру, Неоптолем делает выбор в пользу Филоктета как «отцовской фигуры», что «выражает этическое присутствие и силу Ахилла в пьесе», однако это присутствие усложняется «одновременной ассоциацией Филоктета с эпическим Одиссеем»⁶⁸.

⁶⁶ Allan (2011). P. 10, 11.

⁶⁷ В эпизоде, когда Телемах хочет вступить в состязание по натягиванию лука своего отца (*Hom. Od.* XXI. 118–129).

⁶⁸ Schein (2006). P. 130.

Таким образом, Неоптолем завоевал доверие островитянина и теперь ему предстоит завладеть его луком. Поставленная Одиссеем задача по завладению луком Филоктета оказывается для Неоптолема самой сложной. О. Мэндел считает, что Неоптолем не говорит и не делает ничего, чтобы ее решить и даже, напротив, побуждает Филоктета к отчаянной мольбе взять его с собой на Скирос⁶⁹. А. Аллан, отмечает, что у Неоптолема есть план по разоружению Филоктета, но он проваливается, когда юноша прямо спрашивает, можно ли ему подержать это оружие в руках (*Soph. Phil.* 651–8), и получает лишь обещание возможности для этого в будущем (*Soph. Phil.* 667–9)⁷⁰.

Череду событий, предшествующих получению лука, дополняет еще одно событие, воспитательная сила которого оказывается самой большой. Это обморок Филоктета, который приводит Неоптолема к принятию Филоктета в качестве наставника, заменяющего Одиссея. Накануне обморока Филоктет обращается к Неоптолему как отец, который на пороге смерти завещает сыну сохранить самое дорогое — его лук (*Soph. Phil.* 742–50). Все это заставляет юношу искренне посочувствовать раненому и даже предложить физическую помощь. Думая, что он умирает, Филоктет передает свое оружие Неоптолему. В этот раз лук в руках юноши — это не краткосрочная награда за превосходство (*ἀρετή*, *Soph. Phil.* 669), а полноценный акт передачи оружия. Филоктет просит Неоптолема сжечь его тело, закрепляя то, что их «ритуализированная дружба» складывается по образу и подобию дружбы Геракла и Филоктета⁷¹. Зрители Софокла, очевидно, должны были ожидать, что с этого момента юноша просто обязан был начать являть «бесхитростное поведение»⁷².

Падающий на сцене герой нечасто появляется на театральной сцене, поэтому лежащий перед Неоптолемом Филоктет неизбежно напоминает о мертвом Аяксе из одноименной трагедии Софокла, спор над телом которого смог завершить только Одиссей. Над телом Филоктета также завязывается спор: хор перечисляет важнейшие принципы для молодого человека — краткий курс «как стать

⁶⁹ Mandel (1981). P. 107.

⁷⁰ Allan (2011). P. 9.

⁷¹ Belfiore (1993–1994). P. 114, 128.

⁷² Fulkerson (2006). P. 51.

героем», — но Неоптолем их отвергает. Неоптолем считает, что Филоктет умер, и это оказывает на него сильное влияние, чего нельзя сказать о хоре, который продолжает подстрекать юношу скорее завладеть луком героя. Неоптолем прерывает софистическую речь хора о том, что быстрые действия в нужный момент приносят победу (*Soph. Phil.* 839–42). Его прозрение, вероятно, стоит воспринимать как «героический поступок», а произнесенную возвышенным стилем речь — как слова «потенциального героя», который продолжит стремиться к славе⁷³.

Хор снова настаивает на том, что нужно не раздумывать, а действовать. С одной стороны, вовлекающие Неоптолема в кражу лука, таким образом, могут быть обвинены в «развращении молодежи»⁷⁴ — обвинении, от которого Сократа в своих текстах так хотели оградить Платон и Ксенофонт. Однако мы можем говорить о вовлечении в дурное дело только тогда, когда кто-то искренне сопротивляется, а не тайно вынашивает свой план. Множество эпизодов в трагедии позволяют говорить о том, что слова и дела Неоптолема далеко не всегда являются отражением его реальных мыслей и целей.

В начале трагедии Одиссей уже сказал Неоптолему, что он не создан природой для обмана (*Soph. Phil.* 79), и, когда Филоктет приходит в себя после обморока, он сразу же утверждает, что юноша остался с ним, потому что природа его благородна (*Soph. Phil.* 874). Однако, как только Филоктет снова твердо стоит на ногах, Неоптолем опять оказывается в нерешительности. Кажется, что сила лука сначала переходит от Филоктета к нему, а потом возвращается обратно к хозяину великого оружия, лишая Неоптолема сил на борьбу с влиянием Одиссея. Неоптолем произносит фразу: «Что ж делать мне теперь?..» (*Soph. Phil.* 895), что может быть понято как осознание Неоптолемом всей трудности дела по возвращению Филоктета. Юноша уже решил, что ему нужно обыграть Одиссея, но как Неоптолем теперь может использовать убедительную речь, если он был участником хитрого плана? Все сложности как отказа, так и следования собственной природе (как в прошлом, так и в будущем) вдруг оказываются для Неоптолема очевидными, и потому отчаяние звучит в его словах.

⁷³ Winnington-Ingram (1969). P. 48–9.

⁷⁴ Carlevale (2000). P. 32.

Этот эпизод демонстрирует, насколько Неоптолем отличается от Диомеда, который продемонстрировал способность «придерживаться первоначального плана»⁷⁵: в начале четырнадцатой книги Диомед успешно противостоит Агамемнону, который собирается прекратить войну, а в конце этой же книги на совете ахейских вождей убеждает продолжать борьбу даже без Ахиллеса и повторяет слова Одиссея, упрекавшего Агамемнона в робости и преждевременной капитуляции. Понимание своей роли в каждый конкретный момент и в глобальном масштабе позволяет говорить о Диомеде как «заместителе Ахиллеса» — герое, который «превосходит сына Пелея по благородству и ясно демонстрирует, что последний терпит неудачу в самых важных делах»⁷⁶. Неоптолем у Софокла, напротив, большую часть трагедии демонстрирует непонимание своей роли в деле возвращения Филоктета как в целом, так и в каждый конкретный момент.

На протяжении всего пролога Одиссей говорил Неоптолему о важности лука, что превращает необходимость разоружения Филоктета в главную задачу юноши. Однако следует ли рассматривать слова и дела Неоптолема как затянувшуюся реализацию плана по разоружению Филоктета, которую портит переодетый в купца моряк? Или же Неоптолем ничего не говорит и не делает для решения ключевой задачи, потому что до конца не решил, нужен ли ему лук вместе с Филоктетом либо без него? Хитрый план Одиссея не фиксирует главный тезис, стоит ли разделять лук и Филоктета, хотя сын Лаэрта дал понять, что при необходимости Неоптолем может использовать лук Филоктета для взятия Трои (*Soph. Phil.* 113–5). Итогом хитрых речей Неоптолема, которого поддерживает хор, становится то, что Филоктет просит отвезти его на Скирос (*Soph. Phil.* 468–506), что, конечно же, не соответствует замыслу Одиссея⁷⁷. Последний не мог предугадать, что Филоктет лишится чувств и после этого сам отдаст лук юноше.

Все это указывает на то, что ученичество Неоптолема под контролем Одиссея и Филоктета выступает, по сути, самостоятельным

⁷⁵ Erbse (2005). P. 5.

⁷⁶ Ibid.

⁷⁷ Если бы мы могли игнорировать контекст, то нам бы ничего не оставалось, как считать Филоктета «поистине плохим учителем» (Rose [1976]. P. 91).

определением того, что является благородным не в целом, а именно здесь и сейчас. Неслучайно Неоптолем пафосно заявляет, что никуда не поплывет без Филоктета (Soph. *Phil.* 839–42). Юноша уже давно решил, что в разоружении героя нет необходимости, и только вместе с Филоктетом Неоптолем получит столь желанную славу. Именно поэтому решение о том, что благородно, а что нет, Неоптолем принимает, исходя из постепенного осознания, что Филоктет нужен ему больше, чем Одиссею и кому бы то ни было в греческом лагере.

Размышляющий вслух Неоптолем выбирает между правильным / благородным и целесообразным / позорным и в конце концов начинает говорить только правду. Он утверждает, что собирается забрать Филоктета не домой, а в Троию (Soph. *Phil.* 915–6). Филоктет не согласен, но Неоптолем упорно взывает к необходимости и напоминает о божественной воле. Филоктет требует, чтобы Неоптолем вернул ему лук, но тот отказывается. Все это не может не удручать Филоктета, который называет Неоптолема «самым ненавистным творением ужасного злодейства» (Soph. *Phil.* 927–8), то есть признает его продуктом педагогики Одиссея. И продуктом неудачным, потому что Неоптолем говорит хотя и честно, но не убедительно, обращаясь с Филоктетом как с подчиненным, а не равным в предстоящем им деле по захвату Трои.

Однако Филоктет продолжает битву за душу Неоптолема, требуя, чтобы он стал тем, кем был, то есть вернулся к своим первоначальным суждениям. Он прозорливо обращается к сыну Ахиллеса с акцентом на репутацию, которой так озабочен юноша: «О, сжался, сын, молю: не допусти, / Чтобы тебя в насилье упрекнули» (Soph. *Phil.* 967–8).

Мир взрослеющего vs мир взрослых:

Неоптолем, Филоктет, снова Одиссей и Геракл

Внезапное появление Одиссея прерывает не только самоанализ Неоптолема, но и всю череду наставлений, которые Филоктет пытался дать юноше. Если мы снова обратимся к задачам, которые Одиссей поставил перед сыном Ахиллеса, то увидим, что им провалена одна из самых важных. Юноша должен был подготовить почву для появления Одиссея, но в итоге Неоптолем «вынужден молча наблюдать за последствиями своей неудачи», а Одиссей —

«иметь дело с глубоко разгневанным и вдвойне обиженным Филоктетом»⁷⁸.

В итоге Одиссей изменяет самому себе и отказывается от убеждения в пользу грубой силы. Острый диалог Филоктета и Одиссея завершается тем, что последний приказывает Неоптолему идти с ним на корабль: «Идем. Брось на него смотреть, — не то / Испортишь все своим мягкосердечьем» (*Soph. Phil.* 1068–9). Одиссей понимает, что до конца не учел природу юноши, и спешит исправить это, прервав его общение с Филоктетом. Мы не знаем, что происходит на корабле, потому что Софокл заставляет нас слушать диалог Филоктета и хора. Но сразу после него мы слышим диалог Одиссея и Неоптолема, являющийся очередным столкновением по поводу необходимости гармонизации слов и дел. Раскаяние Неоптолема постепенно переходит в обсуждение природного ума Одиссея. Это отсылает к началу трагедии, где последний гарантировал, что в результате реализации его хитрого плана юношу будут считать умным. Неоптолем и Одиссей, кажется, занимаются сократическим уточнением понятий, когда обсуждают, что важнее — умные или справедливые слова / дела — в условиях отказа от исходного плана (*Soph. Phil.* 1244–8). Здесь Неоптолем тонко демонстрирует, что научился обращать главное оружие Одиссея — его речи — против него самого. Неоптолем даже игнорирует слова Одиссея о том, что тот собирается донести о предательстве юноши, то есть разрушить его доброе имя (*Soph. Phil.* 1258–9).

Неоптолем имеет четкий план, который гарантирует ему сохранность репутации, но Одиссей в пылу наставлений не сумел понять это. Юноша наконец-то освобождается от оков безоговорочного послушания и псевдоотеческих наставлений, которые были навязаны ему в начале трагедии. Однако отказ Одиссея верить в способность Неоптолема контролировать ситуацию⁷⁹ приводит к тому, что они оказываются в шаге от дуэли. Такой контекст «освобождения» Неоптолема, вероятно, стал следствием ранее сказанных слов Одиссея о том, что юноша вообще не должен ему подчиняться: «Ты плыл под Трою, не давая клятвы, / Не из нужды...» (*Soph. Phil.*

⁷⁸ Allan (2011). P. 15; 14.

⁷⁹ Schein (2016). P. 265.

72–3). Дж. Грегори считает это «неосторожным» признанием⁸⁰, однако я бы назвала это педагогическим приемом. Одиссей, как мне кажется, подчеркивает, что Неоптолем должен сначала принять необходимость послушания, а потом перейти к действиям не по внешнему принуждению, а по собственной воле. В данном контексте все последующие слова и дела Неоптолема могут быть также противоречиво оценены, как и слова и дела Диомеда, который, с одной стороны, «свободен от бессилия и чувствительности Ахиллеса»⁸¹, а с другой — похож на «автомат», знающий послушание, но не способный к состраданию, которое демонстрировал Ахиллес⁸².

Вернемся к тому, что Одиссей и Неоптолем оказываются на корабле. Вероятно, там происходит что-то, после чего Неоптолем полон решимости вернуть Филоктету лук. По мнению П.В. Ройс, разрыв Неоптолема с Одиссеем не является ни «старомодным утверждением аристократической *physis*», ни «простым отрицанием софистической педагогической теории», а представляет собой «мучительно медленный процесс» изменения ценностных установок юноши после достаточно краткого «образования», которое он получил от Одиссея⁸³.

Вернувшись к пещере, Неоптолем, вероятно, считает, что возвращение лука подействует на Филоктета сильнее, чем убедительная речь. К разочарованию юноши, этого оказывается недостаточным, чтобы тот согласился поплыть с ним в Трою. Одиссей появляется снова, чтобы в очередной раз предотвратить возвращение лука и ограничить педагогическое влияние островитянина на юношу. Ранее юноша уже немного побыл наставником Одиссея, а теперь хочет наставить Филоктета, когда тот собирается застрелить Одиссея. Неоптолем снова повторяет, какие дела следует считать благородными и угодными для богов (*Soph. Phil.* 1304 и далее). Однако этот риторический прием в очередной раз показывает, что Неоптолему легче оценивать слова и дела других, чем свои собственные. Показательно, что не Одиссей, а Филоктет подмечает особенность характера Неоптолема, который легко дает и так же

⁸⁰ Gregory (2019). P. 178.

⁸¹ Erbse (2005). P. 5.

⁸² Pratt (2009). P. 142, 152.

⁸³ Rose (1976). P. 88.

легко забирает свои слова: «Уж раз ты сладкими словами / Меня прельстил — и худо было мне» (*Soph. Phil.* 1271–2).

Когда Одиссей уходит, Неоптолем грозит Филоктету, что отбросит жалость, если тот будет упорствовать в своем отказе. Мы видим не только то, что Неоптолем уже обрел контроль над тем этим новым для себя чувством, но и то, что оно не мешает ему выстраивать свои речи. Общение с Одиссеем не прошло для него даром, и юноша начинает играть на желании Филоктета вернуть себе славу, то есть на том, что он подметил в самом начале их общения. Получив лук, Филоктет хвалит юношу и говорит, что тот достойный сын Ахиллеса, однако не спешит соглашаться помогать ему. Последним наставлением Филоктета Неоптолему являются слова о том, что юноше нужно отправляться на Скирос, а не в Трою, чтобы не уподобляться по своей природе злодеям (*Soph. Phil.* 1369–72). Однако вопрос о том, какова именно природа Неоптолема, на мой взгляд, является главным вопросом для зрителей Софокла. На протяжении всей трагедии Неоптолем успешно демонстрировал, что послушание не означает согласия. Он почти не тратил себя на искренние эмоции и откровенность, поскольку все его внутренние силы уходили на поиски подтверждения, что Филоктет является его ключом к славе. И это подтверждение наконец пришло с появлением Геракла, который окончательно фиксирует, что Филоктет и Неоптолем должны действовать вместе.

В данном контексте трагедия Софокла близка к «Одиссее», так как «для достижения успеха сюжет требует сотрудничества двух поколений»⁸⁴: Одиссея с Телемахом в одном случае и Филоктета с Неоптолемом — в другом. С той лишь поправкой, что мы не можем полностью вывести Одиссея за скобки, и Филоктет не является отцом Неоптолема, а лишь на протяжении нескольких сотен строк стремился его усыновить, потому что у него «нет родного сына, а есть лишь любимый земной отец и приемный отец-герой Геракл»⁸⁵. Кроме того, появление Геракла является своеобразным освобождением Неоптолема как от псевдоотцов, так и от необходимости связать слова и дела, которую зритель ждет с первых строк трагедии.

⁸⁴ Whitby (1996). P. 35.

⁸⁵ Ibid. P. 39.

Возвращение лука и вразумительные речи Неоптолема не убеждают Филоктета отправиться в Трою. Миссия по возвращению Филоктета оказывается выполненной только благодаря Гераклу, потому что Неоптолему приходится согласиться на то, чтобы вернуть Филоктета домой. Неоптолем с грустью сетует на то, что скажут о нем люди, а Филоктет утверждает, что это неважно (*Soph. Phil.* 1403–4). Последняя отчаянная попытка убедить Филоктета связана с тем, что Неоптолем призывает его стать героем другой войны, защищая Скирос и сына Ахиллеса от гнева греков. Итогом сложного диалога становится то, что Филоктет будет сражаться с Неоптолемом, но не в Трое. Однако равенство позиций, которого так желал юноша с самого начала трагедии, Филоктетом подтверждено.

Выбор в пользу Одиссея или Филоктета для Неоптолема осложнен тем, что оба наставника могут чему-то научить, но по своему порочны⁸⁶. Сам Ахиллес, рассуждая, что Пелей уже слишком стар или умер, прочил Патрокла в наставники для сына, который воспитывается на Скиросе (*Hom. Il.* XIX. 326–33). Оплакивая умершего друга, Ахиллес прямо сравнивает его потерю с потерей отца или сына, а также теряет надежду, что Патрокл что-то исправит в деле воспитания Неоптолема. Таким образом, если «общая тенденция “Илиады” заключается в изображении войны как разрушения идеала, согласно которому ребенок должен пережить отца, чтобы подчеркнуть трагизм родительской заботы и утраты»⁸⁷, то «Одиссея» являет тенденцию о разрушении достаточно привычного порядка вещей и ребенок по счастливому стечению обстоятельств вновь обретает отнятого у него войной отца. Трагизм родительской заботы и утраты имеет особое значение в трагедии Софокла, когда Одиссей и Филоктет хотят по-отечески наставить Неоптолема, остро переживающего утрату Ахиллеса. Значимым остается вопрос, является ли оставшийся без отца Неоптолем, как и Диомед, «оторванным как в поколенческом, так и в эмоциональном плане», или Неоптолем похож на Телемаха, который стремится преодолеть эту оторванность.

Когда Геракл появляется на сцене, герои Софокла завершили не один раунд борьбы за право наставлять друг друга. Более того,

⁸⁶ Tessitore (2003). P. 61, 78.

⁸⁷ Pratt (2009). P. 145.

Одиссей и Нептолем уже использовали «три возможных способа убедить Филоктета: обман, силу и убеждение»⁸⁸, и только Гераклу удается в короткой речи поставить точку в деле возвращения Филоктета в Трою. С одной стороны, Геракл формально оказывается сильнее Одиссея в речах — роли, которой у него никогда не было и больше не будет. Неслучайно Нептолем сказал, что даже такой «мудрый соперник» (σοφὸς παλαστής, Soph. Phil. 431), как Одиссей, может потерпеть неудачу. С другой стороны, появление Геракла, явившего божественную волю, усиливает позиции Одиссея: «Конец пьесы можно даже считать вызывающим у зрителей полное изменение восприятия ценностей, воплощаемых Одиссеем, если не его средств»⁸⁹. Адресованные Филоклету слова Геракла, по сути, являются предложением пересмотреть то, что является должным героическим поведением и необходимым героическим союзом. Геракл не столько наставляет, сколько дает приказы, которые подразумевают безоговорочное послушание. Так он становится своеобразной божественной версией Одиссея из начала трагедии. От такого героя, как Геракл, нельзя ожидать ничего иного, как выступления за продолжение военных действий, поэтому не стоит надеяться на то, что он будет вникать в суть педагогического треугольника «Одиссей — Нептолем — Филоктет».

Геракл намекает на безжалостность Нептолема по отношению к Приаму, позволяя увидеть в сыне Ахиллеса черты Диомеда, который в «Илиаде» имел репутацию безжалостного и весьма успешного убийцы. Однако это прямое сравнение имеет множество оговорок. Диомед не попирает божественную волю и убивает отцов не физически, а морально, лишая их сыновей (в том числе и двух сыновей Приама), а также спасает находящегося в возрасте его отца Нестора. Кроме того, Диомед убивает много воинов, но среди них нет ни одного из главных троянских героев или союзников. Это позволяет говорить о том, что ему не удастся превзойти Тидея на поле боя. Что касается Нептолема, то, убив Приама, он становится «первым великим военным преступником греческой культурной истории»⁹⁰. Вергилий выдвигает предположение, что отсутствие

⁸⁸ Scodel (2005). P. 249.

⁸⁹ Paillard (2020). P. 78.

⁹⁰ Most (1985). P. 160.

отца может быть причиной жестокости Неоптолема (Verg. *Aen.* II. 540), который убивает того, к кому Ахиллес проявил милость. Так или иначе, в отличие от Телемаха, чье воссоединение с отцом и дедам приводит его долгую историю жизни без отца к завершению, Диомед и Неоптолем являются героями, которые навсегда остаются без отца, а значит, все их слова и дела могут быть оценены именно через эту призму.

Итог воспитания героя: удалось ли Неоптолему «вписать свой поступок в мир»⁹¹?

Действие трагедии Софокла происходит во время Троянской войны, а сама трагедия была поставлена в период Пелопоннесской войны, поэтому поднятая драматургом тема взросления ребенка без отца отражала не только особенности демографической реальности, но и многих почти полностью утраченных для нас педагогических практик. Трагедия Софокла позволяет переосмыслить сущность пайдеи, которая с веками подразумевала процесс и результат взросления и социализации молодых под присмотром более старших.

Один из главных вопросов трагедии заключается в следующем: является ли Неоптолем жертвой дурного воспитания или он изначально был склонен к дурному? Софокл акцентирует внимание на формировании характера, который еще не заостенел, или на кратковременном исправлении, когда помещает Неоптолема между фразой Одиссея «Доверься мне...» (Soph. *Phil.* 84) и фразой Филоктета «Стань вновь самим собою» (Soph. *Phil.* 950; пер. С.В. Шервинского)? Вопрос о том, что произойдет, если общество будет поощрять неправильное воспитание молодежи, руководствуясь великими целями, является далеко не теоретическим «после “революции” 411 года»⁹².

Очевидно, что юноше в возрасте Неоптолема нужна «идентичность, определяемая чем-то более надежным, чем меняющиеся роли, навязанные ему обществом»⁹³. Общество же в лице сначала Одиссея, а затем Филоктета проверяет Неоптолема на прочность, заставляя объединять множество ролей (внук Ликомеда, сын Ахил-

⁹¹ Ciruzzi (2022). P. 18.

⁹² Carlevalle (2000). P. 30.

⁹³ Ibid. P. 31.

леса, компаньон Одиссея, друг / враг / спаситель Филоктета), которые не гарантируют того, что его назовут героем. Вероятно, стоит согласиться с тем, что «Софокл в “Филоктете” гораздо ближе к платоновскому чувству (особенно в “Государстве”) глубокой тревоги за судьбу прекрасной природы в развращающей среде, чем к уверенному утверждению Пиндара о том, что “благородный нрав, унаследованный от отцов, благодаря рождению, сияет в сыновьях” (8. 44–45)».

Кроме того, гомеровское представление о герое, который в равной мере силен и красноречив, не является чуждым для Софокла, чья трагедия продолжает линию «Илиады» — поэмы об отношениях «между родителями и детьми, которые были фатально нарушены войной»⁹⁴. Неоптолем, Диомед и Телемах являются молодыми героями, которые могут быть сравнимы с Ахиллесом по возрасту и трудностям воспитания без отца. Согласно Л. Пратт, Диомед «более чем компетентный участник многих аспектов гомеровской культуры» и его пример позволяет утверждать, что отсутствие отца не является препятствием для социального успеха⁹⁵. Однако софокловскому Неоптолему лишь предстоит подтвердить это, когда он появляется на афинской сцене и попадает под влияние более взрослых мужей, желающих его по-отечески наставить.

Для Неоптолема участие в деле возвращения Филоктета — это попытка «оставить след своей воли в мире», который пока сжат до безлюдного Лемноса, где «ничто не стоит между прерогативой богов и сыном Ахиллеса»⁹⁶, но затем расширится до Трои, где воля богов и собственная воля будут иметь более сложное сопряжение. Как и в случае с Диомедом из «Илиады» и Телемахом из «Одиссеи», Неоптолем должен пройти путь от «юной незрелости до состояния, когда он обретает стойкость и независимость, необходимые для того, чтобы занять место среди старших»⁹⁷. И этот путь благодаря Софоклу начинается на Лемносе.

Филоктет, впервые увидев Неоптолема, спрашивает, какая необходимость привела юношу на Лемнос («какой из ветров наибо-

⁹⁴ Mills (2000). P. 16.

⁹⁵ Pratt (2009). P. 141.

⁹⁶ Ciruzzi (2022). P. 19.

⁹⁷ Whitby (1996). P. 35.

лее любим?»), *Soph. Phil.* 237). Неоптолем отвечает, что Одиссей увез его со Скироса, сообщив, что Ахиллес мертв и нужно взять Троию. Неоптолем подчеркивает, что его главным мотивом была не возможная слава, а желание увидеть отца, которого он никогда не видел, хотя тот уже мертв (*Soph. Phil.* 350 и далее). Эти слова напоминают о речах Диомеда, который подчеркивал, что не помнит своего отца, потому что тот оставил его, когда он был еще ребенком (*Hom. Il. VI.* 222–3). Очевидно, что связь с отцом у Неоптолема намного сильнее, чем у Диомеда и даже Телемаха, который в первой книге «Одиссеи» так удручен отсутствием Одиссея, что даже выражает сомнение, является ли он его сыном (*Hom. Od. I.* 214–9). Однако если Телемах имеет надежду на то, что отец жив, и даже отправляется в путешествие к его друзьям, чтобы найти любую информацию об Одиссее, то у Диомеда такой надежды нет. Поэтому Неоптолем с самого начала трагедии занимает промежуточное положение: у него, как и у Диомеда, нет возможности узнать своего отца, но, как и Телемах, юноша отправляется в путешествие к тем, кто может утолить его тоску по отцу.

Таким образом, трагедия Софокла оригинальным образом комментирует не только произошедшее с Телемахом и Диомедом, но и будущие приключения Одиссея: Неоптолем совершает морское путешествие и попадает на остров, где нужно использовать хитрость по отношению к его обитателю, а главное — переосмысливает себя «как в истине, так и во лжи»⁹⁸. В трагедии Софокла постепенно выстраивается хрупкий баланс между «сознанием юноши» и «миром, координаты которого иные, чем координаты внутренней работы его сознания»⁹⁹. Сложность этого процесса подчеркивает сам Неоптолем, когда в конце трагедии говорит Одиссею, что поступил неправильно, а тот уточняет, в чем именно юноша видит свою ошибку (*Soph. Phil.* 1224–5). Анализируя эти строки, Т. ван Нортвик подчеркивает, что лучшим переводом здесь является не более общее «потерпеть неудачу», а более точное «“промахнуться” оружием»¹⁰⁰. Вероятно, в этих строках проявляется ирония Софок-

⁹⁸ O’Higgins (1991). P. 38.

⁹⁹ Ciruzzi (2022). P. 18.

¹⁰⁰ Van Nortwick (2015). P. 74.

ла: Неоптолем, оказавшийся под влиянием двух лучших лучников Одиссея и Флоктега, использует именно такую метафору.

Трагедия Софокла завершается до событий, которые позволят зрителю ответить на вопрос о том, суждено ли Неоптолему остаться в тени его знаменитого отца (как это произошло с Диомедом и Телемахом) или превзойти его и найти способы, чтобы «вписывать» свои поступки в мир.

Материал поступил в редакцию 01.01.2026.

*Материал поступил в редакцию после рецензирования
21.02.2026.*

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Allan, A.L. (2011) "'Am I not the one..?'" (Sophokles' Phil. 114): Neoptolemos and the allure of kleos", *The Classical Journal*, 107(1), 1–26.
- Austin, E. (2024) "Heroism in the Middle in Sophocles' Philoctetes", in *The Spirit of Aristophanes*. Edinburgh: Edinburgh University Press, 76–89.
- Belfiore, E. (1993-1994) "Xenia in Sophocles' Philoctetes", *The Classical Journal*, 89(2), 113–129.
- Blundell, M.W. (1993) "The Phusis of Neoptolemus in Sophocles' Philoctetes'", in I. McAuslan, P. Walcot, eds. *Greek Tragedy*: Oxford: Oxford University Press, 104–115.
- Bremmer, J. (1983) "The Importance of the Maternal Uncle and Grandfather in Archaic and Classical Greece and Early Byzantium", *Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik*, 50, 175–186.
- Bromberg, J.A. (2022) "Aretē in Greek Tragedy", in H.L. Reid, J. Serrati, eds. *Ageless Arete: Selected Essays from the 6th Interdisciplinary Symposium on the Hellenic Heritage of Sicily and Southern Italy*. Parnassos Press — Fonte Aretusa, 109–138.
- Carlevalle, J. (2000) "Education, "Phusis," and Freedom in Sophocles' "Philoctetes'", *Arion: A Journal of Humanities and the Classics*, 8(1), 26–60.
- Cecchet, L. (2015) *Poverty in Athenian Public Discourse: From the Eve of the Peloponnesian War to the Rise of Macedonia (Historia - Einzelschriften)*. Stuttgart: Franz Steiner Verlag.
- Christensen, J.P., Barker, E.T. E. (2011) "On not remembering Tydeus: Agamemnon, Diomedes and the contest for Thebes", *Materiali e discussioni per l'analisi dei testi classici*, 66, 9–43.

- Ciruzzi, L. (2022). “La indecisión de Neoptólemo en el Filoctetes de Sófocles. Una lectura filosófica”, *Revista Archai*, 32. e03209.
- Clay, D. (2010) “An essay on Euripides’ *Trojan Women*”, in S. Esposito, ed. *Odysseus at Troy: Sophocles’ Ajax and Euripides’ Hecuba and Trojan Women. Translations with Introductions, Notes, and Essays*. Cambridge: Focus, 233-255.
- Dodd, D.B. (2003) “Adolescent initiation in myth and tragedy”, in D. Dodd, C.A. Faraone, eds. *Initiation in Ancient Greek Ritual and Narratives*, 71–84.
- Erbse, H. (2005) “Diomedes und Odysseus in Homers Ilias”, *Hermes*, 133 (1), 3-8.
- Fulkerson, L. (2006) “Neoptolemus grows up? 'Moral development' and the interpretation of Sophocles' "Philoctetes"”, *The Cambridge Classical Journal*, 52, 49-61.
- Gregory, J. (2019) *Cheiron’s way: youthful education in Homer and Tragedy*. Oxford: Oxford University Press.
- Hawkins, A.H. (1999) “Ethical Tragedy and Sophocles' "Philoctetes"”, *The Classical World*, 92(4), 337-357.
- Kieffer, J.S. (1942) “Philoctetes and Arete”, *Classical Philology*, 37(1), 38-50.
- Kosak, J.C. (2006) “The male interior: strength, illness, and masculinity”, in *Sophocles’ Philoctetes (Bulletin of the Institute of Classical Studies. Supplement. № 87. Greek Drama III: Essays in honour of K. Lee)*, 49-64.
- Mandel, O. (1981) *Philoctetes and the fall of Troy: Plays, Documents, Iconography, Interpretations: Including versions by Sophocles, Andre Gide, Oscar Mandel, and Heiner Muller*. Lincoln-London: University of Nebraska Press.
- Mills, S. (2000) “Achilles, Patroclus and parental care in some Homeric similes”, *Greece & Rome*, 47(1), 3-18.
- Montiglio, S. (2011) *From Villain to Hero: Odysseus in Ancient Thought*. Ann Arbor: University of Michigan Press.
- Most, G.W. (1985) *The Measures of Praise. Structure and Function in Pindar’s Second Pythian and Seventh Nemean Odes*. Gottingen: Vandenhoeck & Ruprecht.
- O’Higgins, D. (1991) “Narrators and Narrative in the Philoctetes of Sophocles”, *Ramus*, 20, 37-52.
- Paillard, E. (2020) “Odysseus and the concept of “nobility” in Sophocles’ Ajax and Philoctetes”, *Akropolis*, 4, 65-84.
- Pratt, L. (2009) “Diomedes, the fatherless hero of the Iliad”, in S. R. Hubner, D. M. Ratzan, eds. *Growing up fatherless in Antiquity*. Cambridge: Cambridge University Press.

- Robbins, E. (1993) "The Education of Achilles", *Quaderni urbinati di cultura classica*, 45(3), 7-20.
- Rose, P.W. (1976) "Sophocles' Philoctetes and the Teachings of the Sophists", *Harvard Studies in Classical Philology*, 80, 49-105.
- Sales-Coderch, J. (2007) "Between artlessness and ability: an interpretation of Hippias Minor", in A.Bosch-Veciana, J.Monserrat-Molas, eds. *Philosophy and Dialogue: Studies on Plato's Dialogues*, 1, 59-76.
- Schein, S.L. (2006) "The Iliad & Odyssey in Sophocles' Philoctetes: generic complexity and ethical ambiguity", *Bulletin of the Institute of Classical Studies*, 87, 129-140.
- Schein, S.L. (2016) "The Language of Wisdom in Sophocles' Philoctetes and Euripides' Bacchae", in P. Kyriakou, A. Renga-kos, eds. *Wisdom and Folly in Euripides*. Berlin; Boston: De Gruyter, 257-273.
- Scodel, R. (2005) "Sophoclean Tragedy", in J. Gregory, ed. *A Companion to Greek Tragedy*. Oxford: Wiley-Blackwell, 233-250.
- Tausiani, A. (2011). "Ὅυ μὴ πῖθηται: persuasion versus deception in the prologue of Sophocles' Philoctetes", *The Classical Quarterly*, 61, 426-444.
- Taplin, O. (2007) *Pots and Plays. Interactions between Tragedy and Greek Vase-painting of the Fourth Century BC*. Los Angeles: Getty Publications.
- Tessitore, A. (2003) "Justice, Politics, and Piety in Sophocles' "Philoctetes"", *The Review of Politics*, 65(1), 61-88.
- Van Nortwick, T. (2015) "Philoctetes: The Creature in the Cave", in *Late Sophocles: The Hero's Evolution in Electra, Philoctetes, and Oedipus at Colonus*. Ann Arbor: University of Michigan Press, 43-80.
- Vidal-Naquet, P. (1981) "Sophocles' Philoctetes and the Ephebeia", in J.-P. Vernant, P. Vidal-Naquet, eds. *Tragedy and Myth in Ancient Greece. Brighton and Atlantic Highlands*. Harvester Press, 175-199.
- Whitby, M. (1996) "Telemachus Transformed? The Origins of Neoptolemus in Sophocles' 'Philoctetes'", *Greece & Rome*, 43(1), 31-42.
- Woodruff, P. (2012). "The *Philoctetes* of Sophocles", in K. Ormand, ed. *A Companion to Sophocles*, Chichester, MA: Wiley-Blackwell, 126-140.
- Worman, N. (2000) "Infection in the sentence: the discourse of disease in Sophocles' "Philoctetes"", *Arethusa*, 33(1), 1-36.
- Winnington-Ingram, R.B. (1969). "Tragica", *Bulletin of the Institute of Classical Studies of the University of London*, 16, 44-54.

THE WORLD OF ADULTS
AND THE WORLD OF ADOLESCENCE

THE EDUCATION OF THE HERO
IN SOPHOCLES' *PHILOCTETES*

Victoria PICHUGINA

Sophocles' tragedy *Philoctetes* is examined as an original reinterpretation of the problem of a young man's upbringing in the absence of a father, drawing on Homeric texts in which Diomedes and Telemachus likewise grow up without their fathers and struggle to attain heroic status. The tragic action is determined by the fact that Odysseus travels to Scyros to fetch Neoptolemus, and then together with him goes to Lemnos to bring back Philoctetes, who is destined to play an important role in the capture of Troy. The originality of the dramatic conception lies in the fact that the two islands — Scyros and Lemnos — are pedagogically interconnected. Neoptolemus is first brought up on Scyros under the supervision of his maternal grandfather Lycomedes, and later arrives on Lemnos, where Odysseus and Philoctetes present him with two different models of heroic education. Each of them assesses the noble character and heroic potential of Neoptolemus in his own way, particularly given that the son of Achilles is strongly driven by the desire for glory and by concern for how he will be judged by others. At first glance, Odysseus appears in the role of a mentor-politician, influenced by sophistic ideas and accustomed to acting in the interests of society, whereas Philoctetes assumes the role of a hermit-like mentor, who upholds the traditional ideal of aristocratic nobility and resists patterns of behaviour imposed by society. Yet as the drama unfolds, Odysseus at times behaves like Philoctetes, and Philoctetes like Odysseus. This reversal creates additional tension in the tragedy between the world of adults and the world of adolescence. As in the case of Diomedes in the *Iliad* and Telemachus in the *Odyssey*, Neoptolemus finds his process of maturation arrested and requires an external impulse to perform a deed that would bring him closer to heroic status. Sophocles thus creates a psychologically convincing portrait of a fatherless son: Neoptolemus constantly senses and exploits the power of his father's reputation, yet he has never known him personally and must rely only on an idealized image. The key question for the intellectual elite — the possibility of teaching virtue — is examined by Sophocles from the perspective of responsibility, which rests not only on the mentors but also on the pupils themselves, who, like Neoptolemus, master the program of heroic education while demonstrating similarities with Diomedes and Telemachus.

ВОСПИТАНИЕ АТЛЕТА-ПОБЕДИТЕЛЯ

Т.Б. ГВОЗДЕВА

Важной чертой эллинского менталитета была агональность, и именно в рамках греческой цивилизации берет свое начало история мирового спорта. Свидетельства об атлетических и конных состязаниях встречаются уже в крито-микенский период. Первые спортивные игры упоминаются в поэмах Гомера. А в полисный период в ряде греческих городов, и в первую очередь в Олимпии, были организованы игры, которые в VII–VI вв. до н.э. стали панэллинскими. Победа на крупных панэллинских играх, в первую очередь на Олимпийских играх, придавала атлету статус общегреческого героя. Атлеты-победители панэллинских игр получали в награду священный венок, благодаря чему были выделены особой милостью богов, почитались согражданами и всеми эллинами как национальные герои. Но путь спортсмена от первых состязаний до заветного венка победителя был долг и тернист, и многое в карьере будущего героя панэллинских игр зависело от целого ряда факторов, среди которых можно назвать природные данные, личность тренера и воспитание в семье. Несомненно, определяющими в карьере каждого атлета являются два первых фактора, однако семейные традиции, особенно среди аристократии, представители которой в эпоху архаики доминировали на состязаниях, имели также большое значение. Наличие в семье одного или нескольких победителей местных и / или общегреческих игр оказывало важное воздействие на воспитание юных атлетов, которые стремились подражать отцам и дедам, продолжая семейные традиции в спорте. Испытывая чувство гордости за победы своих предков, юные герои стадионов старались поддержать статус «спортивной» семьи, быть достойными своих отцов и дедов и, возможно, даже превзойти их, свидетельством чему стали спортивные династии в единоборствах или в легкой атлетике. Возможно, были случаи, когда отец выступал в качестве тренера сына. Честолюбивые устремления родителей стимулировали успешные выступления их сыновей, хотя подчас и приводили к досадным ошибкам, но в основном развивали упорство, трудолюбие и стремление к победе.

Подготовка и воспитание юного атлета, будущего героя местных и / или панэллинских игр, включала в себя целый ряд факторов.

Во-первых, важную роль играли природные качества атлета. Так, в эпиникиях одного из выдающихся поэтов VI в. до н.э. Пиндара часто отмечалось, что успех победителя обусловлен его способностями, данными от природы: все, что он делает, он делает в соответствии с ней; когда он соревнуется, он использует свои природные данные; и его победа является выражением его превосходства¹. Победа юных атлетов в большей степени зависела от естественных способностей, природных данных, чем от времени, проведенного на тренировках².

Во-вторых, помимо природных качеств, которые могли иметь определяющее значение только в юном возрасте, когда атлеты принимали участие в состязаниях подгрупп мальчиков (παῖδες) и юношей (ἀγένοιοι), в карьере взрослого атлета (ἄνδρες) большую роль играл тренер³. Многие атлеты подчеркивали, что одержали победы благодаря мудрости (σοφία) своего тренера. Леонтиск из Мессены учился у Клеарха из Регия, который был учеником Эвхейра из Коринфа, а тот, в свою очередь, прошел подготовку в школе спартанских мастеров — Сиадра и Харта (Paus. VI. 4. 3). В Олимпии Леонтиску была установлена статуя работы Пифагора из Регия (Paus. VI. 4. 2–3). Борец Кратин из Эгиры (Ахей) после олимпийской победы (272 г. до н.э. = 127-я Олимпиада) установил в Олимпии свою статую работы мастера Канфара из Сикиона и рядом с ней поставил статую своего наставника (Paus. VI. 3. 6)⁴. В воспитании юных атле-

¹ Nicholson (2025). P. 126.

² Castro-Cintras (2023). P. 155.

³ В греческом спорте существовало несколько систем возрастной классификации атлетов. Самую простую и, вероятно, самую древнюю из них использовали на Олимпийских и Пифийских играх — деление атлетов на две возрастные категории — мальчиков (παῖδες) и мужчин (ἄνδρες). В другой классификации было три возрастных группы атлетов: к мальчикам и мужчинам добавили группу юношей (ἀγένοιοι) (досл. «безбородые»). См.: Golden (2004); Гвоздева (2019). С. 31. Эта система имела место как на Немейских и Истмийских играх, так и на Панафинейх в Афинах. Подробнее см.: Гвоздева (2022). С. 249–250.

⁴ Golden (2004). P. 45; Гвоздева (2021). С. 319; Гвоздева (2024b). С. 60.

тов роль тренера была также чрезвычайно важна. В Олимпии перед играми за юных атлетов клятву приносили их отцы или старшие братья, но именно тренеры в своей клятве должны были подтвердить, что атлет прошел надлежащую подготовку на родине. И именно тренер нацеливал своего ученика на участие в той или иной возрастной группе. Таким образом, клятва тренера являлась гарантией должной подготовки юного атлета⁵. Так, Павсаний, описывая историю панкратиаста Артемидора из Тралл, подчеркивает, что тот впервые выступил на Олимпийских играх неудачно, так как был признан слишком юным для группы мальчиков, но впоследствии на ионийских состязаниях победил в панкратионе всех своих соперников сначала в категории мальчиков, потом юношей, а затем и взрослых мужей и одержал долгожданную победу в Олимпии (212-я Олимпиада = 69 г. н.э.) (Paus. VI. 14. 1–3)⁶.

В-третьих, не менее важное значение имело и спортивное воспитание в семье будущего олимпийщика. По мнению Н. Николсона, Пиндар в своих эпиникиях часто подчеркивал природное превосходство победителя, которое было не просто его индивидуальным свойством, а семейным достоянием, которое атлет получал по наследству⁷. Именно в одах Пиндара, посвященных молодым победителям, особенно ярко сформулирована мысль, что, одерживая победу, атлет идет по стопам старшего члена своей семьи — отца или деда⁸. Так, в посвященной Гиппоклу Пелиннейскому X Пифийской оде на победу в двойном беге⁹ среди мальчиков на Пифийских играх Пиндар отмечает, что Гиппокл пошел по стопам своего отца, дважды олимпийщика, Фрикия (Pind. *Pyth.* X. 11–13). В оде, посвященной Алкимиду из Эгины, борцу среди мальчиков, победившему на Немейских играх, поэт замечает, что атлет пошел по стопам своего деда, знаменитого олимпийщика Праксидаманта (Pind. *Nem.* VI. 15). М. Голден в своем

⁵ Гвоздева (2019). С. 31.

⁶ Гвоздева (2021). С. 327–328.

⁷ Nicholson (2025). P. 126.

⁸ Ibid. P. 228.

⁹ Двойной бег, или бег на два стадия: в Олимпии 1 стадий был равен 192,28 м, в Дельфах — 177,5 м, в Немее — 178 м, в Коринфе — 165 м, в Афинах — 177,6 м. См.: Golden (2004). P. 157–158; Гвоздева (2013). С. 79; Гвоздева (2023). С. 322.

исследовании обнаружил на Олимпийских играх 20 случаев, когда по крайней мере два члена одной семьи были отмечены как победители Олимпийских игр: шесть случаев касаются зарегистрированных побед отцов и сыновей и один случай — побед двух братьев¹⁰.

В посвящениях, сделанные атлетами в святилищах, как правило, есть указание на имя победителя, его полис, состязание и место проведения состязания, а также имя отца победителя¹¹. Так, на базе статуи ваятеля Поликлета, установленной в Олимпии в честь победы юного кулачного бойца Киниска из Мантинеи в Аркадии (Paus. VI. 4. 6), содержится надпись, которая во многом отражает связь между отцом и сыном: «Одержав победу в кулачном бою, эту статую здесь поставил Киниск из славной Мантинеи, носящий то же имя, что и его отец» (SEG 383; пер. С.П. Кондратьева).

Н. Николсон отмечает, что в одах, посвященных молодым атлетам, отцы и другие члены семьи иногда показаны Пиндаром гораздо ярче, чем сами адресаты од; их можно увидеть наслаждающимися, празднующими или прославляющими победу даже после смерти¹². Так, Фрикию, отцу юного Гиппокла Пелиннейского, особенно повезло, потому что он смог узреть победу своего сына:

Счастлив тот в песнях умельцев,
Кто одолением рук и доблестью ног,
Мужеством и мощью
Взял лучшую из наград,
И кто живыми глазами видел жребий отрока своего,
Стяжавшего пифийский венок.
(Pind. *Pyth.* X. 25-26; пер. М.Л. Гаспарова)

Тогда как в оде, посвященной победе Тимасарха из Эгины в панкратионе среди мальчиков на Немейских играх, поэт представляет, что отец атлета, Тимокрит, отпраздновал бы победу своего сына, если бы был еще жив:

О если бы отец твой Тимокрит
Еще грелся под буйным солнцем, —
Сколько пестрых звуков кифары

¹⁰ Golden (1998). P. 109, no. 4.

¹¹ Nicholson (2025). P. 135.

¹² Ibid. P. 231.

Он склонил бы над моим напевом,
Отзываясь победной песнью
На игры в Клеонах,
Нанизавшие для тебя венки,
И в Афинах, блистающих добрым именем,
И в Фивах о семи вратах,
Где у Амфитрионова светлого кургана
Сплетали кадмейцы тебе цветы,
С радостным сердцем чувствуя Эгину.
(Pind. *Nem.* IV. 13-22; пер. М.Л. Гаспарова)

Особое внимание уделялось физическому воспитанию в семьях аристократии, в которых в течение нескольких поколений вкладывали значительные усилия и материальные ресурсы в спорт, особенно в VI – начале V в. до н.э. Часто несколько членов одного рода участвовали в соревнованиях на самом высоком уровне. Победы юных и взрослых атлетов из одной и той же семьи на самых престижных играх, несомненно, требовали определенных усилий с раннего возраста в виде систематических тренировок и участия в соревнованиях на местных играх. Поэтому вполне вероятно, что в семьях со спортивными традициями воспитание детей сознательно направлялась в сторону развития атлетики.

Победа на местных и панэллинских играх была семейным событием. Это хорошо видно на примере эпиникиев Пиндара, в которых постоянно упоминается родословная победителя как доказательство того, что успех одного атлета обусловлен благосклонностью богов ко всему его роду. Например, победу Гиппокла Пелиннейского в двойном беге поэт объясняет как милостью богов, так и врожденными качествами атлета, упоминая успехи его отца Фрикия в беге на Олимпийских и Пифийских играх (Pind. *Pyth.* X. 10–16).

Многие атлеты, в роду которых были победители крупных престижных игр, часто также добивались успеха на этом поприще. Происходя из спортивной семьи, они испытывали потребность в подражании своим славным предкам, а также чувство гордости за их победы, передаваемое из поколения в поколение. Можно легко предположить, что от младшего поколения ожидали, что оно будет следовать семейным традициям, и в случае активного участия в играх дети последовали бы примеру родителей¹³. Несомненно, приме-

¹³ Reyes (2020). P. 116.

ры отцов и дедов были лучшими моментами воспитания атлетов, будущих победителей игр.

Знаменитый Гиппосфен из Спарты был шестикратным олимпийщиком. Первую победу он одержал в борьбе в только что введенной категории *παῖδες* на 37-й Олимпиаде (632 г. до н.э.) (Paus. V. 8. 9). После этого он побеждал среди взрослых борцов (*ἄνδρες*) всех противников с 39-й по 43-ю Олимпиаду включительно (624–608 гг. до н.э.). Он был посмертно удостоен культовых почестей, возможно, в V в. до н.э. (Paus. III. 13. 9; III. 15. 7; V. 8. 9). Интересно, что его сын Гетоймокл достойно продолжил семейную традицию. Когда Гиппосфен закончил свою серию олимпийских побед, на следующей 44-й Олимпиаде (604 г. до н.э.) успеха в борьбе в категории *παῖδες* добился Гетоймокл. После этого на следующих четырех Олимпиадах подряд (45–48-я Олимпиады = 600–588 гг. до н.э.) он побеждал всех борцов среди *ἄνδρες* (Moretti, no. 82–86)¹⁴. Это была одна из самых успешных спортивных династий в Олимпии¹⁵. Павсаний отмечал, что у отца и сына, Гиппосфена и Гетоймокла, на двоих было одиннадцать олимпийских побед, причем у отца — на одну победу больше. Статуи отца и сына стояли рядом в Альтисе Олимпии (Paus. III. 13. 9). И это далеко не единственный пример, который свидетельствует о прочных семейных традициях в спортивных достижениях. Фрикий из Пелинны в Фессалии был олимпийщиком в гоплитодромосе (бег гоплитов с оружием) в 508 и 504 гг. до н.э. (68–69-я Олимпиады) и победителем соревнований по бегу (длинный бег?) на Пифийских играх (506 г. до н.э.?) (Pind. *Pyth.* X. 11–16; Moretti, no. 150, 156). Его сын Гиппокл выиграл двойной бег для мальчиков на Пифийских играх в 498 г. до н.э., а позже — два забега (вероятно, гоплитодромос или двойной бег) в Олимпии (492 и 488 гг. до н.э. = 72–73-я Олимпиады) в соревнованиях по бегу среди *ἄνδρες* (Moretti, no. 175 и 184), а также еще один забег (?) на Пифийских играх среди *ἄνδρες* (Pind. *Pyth.* X. 18–9)¹⁶. Кулачный боец Алке-

¹⁴ О Гиппосфене см.: Golden (2004). P. 84; Гвоздева (2021). С. 298–299. О Гетоймокле см.: Golden (2004). P. 81–82; Гвоздева (2021). С. 299–300.

¹⁵ В современных Олимпийских играх таких успехов смогли добиться отец и сын Оскар и Альфред Сван: Гвоздева (2021). С. 299.

¹⁶ О Фрикии см.: Golden (2004). P. 135. О Гиппокле см.: Golden (2004). P. 83.

нет, сын Феанта, из Лепрей победил на Олимпийских играх сначала среди мальчиков (? 81-я Олимпиада = 456 г. до н.э.), а потом и среди взрослых атлетов (84-я Олимпиада = 444 г. до н.э.). Интересно, что его сыновья Гелланик и Феант продолжили славные традиции своего отца и стали олимпиониками в кулачном бою среди *παῖδες*: Гелланик — на 89-й Олимпиаде (424 г. до н.э.), а Феант — на 90-й Олимпиаде (420 г. до н.э.)¹⁷. Всем троим (и отцу, и сыновьям) были поставлены статуи в Олимпии (Paus. VI. 7. 8–9; IvO 155).

Самой знаменитой семьей со славными спортивными традициями были Диагориды с Родоса. Первым в этой династии атлето-борцов был Диагор, сын Дамагета. Он четыре раза побеждал в кулачном бою на Истмийских играх, два раза — на Немейских играх, один раз — на Пифийских играх. В 464 г. до н.э., победив на 79-й Олимпиаде, Диагор стал периодоником¹⁸. В Олимпии ему была поставлена статуя работы скульптора Калликла из Мегар (Paus. VI. 7. 1)¹⁹. Пиндар посвятил Диагору оду, в которой воспел его победы на панэллинских играх, а также на местных играх в Афинах, Родосе, Аргосе, Беотии, Мегарах, Пеллене и Эгине и др. (Pind. *Ol.* VII. 80–87). Текст этой оды был выложен золотыми буквами в храме Афины в Линдосе (о. Родос)²⁰. Диагора почитали сыном Гермеса и называли «вторым Гераклом» (schol. Pind. *Ol.* VII. 1, p. 195, 198). От Диагора эстафету приняли его дети и внуки, спортивные подвиги которых описал Павсаний (Paus. VI. 7. 3). Семья Диагора могла похвастаться шестью олимпийскими победителями, и поэтому в истории греческого спорта ей нет равных²¹. Все три сына Диагора стали олимпиониками: в кулачном бою — Акусилай, в панкратионе — Дорией и Дамагет. Старший сын Диагора, Дамагет, был два-

¹⁷ Об Алкенете см.: Golden (2004). P. 6; Гвоздева (2013). С. 117; Гвоздева (2021). С. 310. О Гелланике и Феанте см.: Golden (2004). P. 6; Гвоздева (2013). С. 117; Гвоздева (2021). С. 311–312.

¹⁸ Периодониками называли тех атлетов, которые одерживали победы в одном виде спорта на протяжении одного олимпийского периода (*περίοδος* — «период») от одной Олимпиады до другой на Олимпийских, Пифийских, Немейских и Истмийских играх.

¹⁹ Herrmann (1988). S. 158.

²⁰ Golden (2004). P. 51.

²¹ Poliakoff (1982). P. 119–120; Golden (2004). P. 51; Гвоздева (2013). С. 113–114.

жды олимпиоником. Он победил в панкратионе на 82–83-й Олимпиадах (452–448 гг. до н.э.) (Paus. VI. 7. 1)²². Средний сын, Акусилай, стал олимпиоником в кулачном бою на 83-й Олимпиаде (448 г. до н.э.) (Paus. VI. 7. 1)²³. Однако больше всех из сыновей Диагора прославился его младший сын, панкратиаст Дорией, который, как и отец, стал периодоником. Трижды олимпионик, Дорией победил на трех Олимпиадах подряд (87–89-я Олимпиады = 432–424 гг. до н.э.), а также четыре раза — на Пифийских играх (один раз «без пыли»), восемь раз — на Истмийских играх, семь раз — на Немейских играх. Кроме того, он одержал множество побед на местных играх (Paus. VI. 7. 1–5)²⁴. Во время Пелопоннесской войны Дорией сражался против Афин, но когда он попал в плен к афинянам, то был освобожден в знак признания его спортивных побед (Thuc. III. 8. 1; Xen. Hell. I. 5. 19)²⁵. Однако не только сыновья, но и внуки Диагора достигли успеха в Олимпии; они победили на 94-й Олимпиаде (404 г. до н.э.), причем оба в кулачном бою! Старший внук Эвкл победил в кулачном бою среди *ἄνδρες*, а младший внук Пейсирод — среди *παῖδες* (Paus. VI. 7. 1–3)²⁶. Когда это произошло, то некий спартанец якобы воскликнул: «Умри теперь, Диагор, раз ты не можешь взойти на Олимп!» (Plut. *Pelop.* 34; пер. С.П. Маркиша). Ибо Диагор воспитал достойных сыновей и внуков, которые добились вслед за ним самой важной награды среди атлетов — олимпийского венка.

Интересно, что иногда сыновья не только повторяли спортивные подвиги своих отцов, подчас превосходя их, но также были отмечены одними и теми же «особыми заслугами». Спортсмены очень гордились первым и / или уникальным характером своих побед или серией побед, которые могли относиться как к географически или

²² Poliakoff (1982). P. 120; Herrmann (1988). S. 158; Golden (2004). P. 51; Гвоздева (2013). С. 114; Гвоздева (2021). С. 309.

²³ Poliakoff (1982). P. 70, 120; Golden (2004). P. 51; Гвоздева (2013). С. 114; Гвоздева (2021). С. 310.

²⁴ О Дориее см.: Poliakoff (1982). P. 120; Golden (2004). P. 51; Гвоздева (2013). С. 120–121; Гвоздева (2021). С. 311; Гвоздева (2025). С. 367–368.

²⁵ Poliakoff (1982). P. 120; Гвоздева (2013). С. 120–121.

²⁶ Golden (2004). P. 51, 132; Гвоздева (2019). С. 32–33; Гвоздева (2021). С. 313.

этнически ограниченной группе людей (Paus. VI. 2. 1; VI. 13. 6), так и ко всем спортсменам благодаря беспрецедентному достижению²⁷. Фессал из Коринфа из рода Олигетидов стал первым атлетом, который в один и тот же день победил в коротком и двойном беге на Пифийских играх (VI в. до н.э.) (Pind. *Ol.* XIII. 35–42). Кроме того, он одержал победу в 504 г. до н.э. на 69-й Олимпиаде в двойном беге (?), а также в один и тот же день на Панафинейских играх в Афинах — в коротком беге, двойном беге и в гоплитодромосе, а также в беге с факелами на празднике Геллотии в Коринфе (Pind. *Ol.* XIII. 35–40)²⁸. Его сын, легендарный Ксенофон из Коринфа, стал первым и единственным атлетом, который выиграл на одной Олимпиаде пятиборье и короткий бег (79-я Олимпиада = 464 г. до н.э.). Ксенофон был выдающимся спринтером, благодаря чему он смог победить и в беге, и в пятиборье²⁹. Он также дважды победил на Истмийских играх и один раз — на Немейских играх (Pind. *Ol.* XIII. 29–31; Schol. in Pind. *Ol.* XIII. 1a [Drachmann]; Paus. IV. 24. 5; Athen. XIII. 573e – 574b)³⁰. Олимпийской победе Ксенофона Пиндар посвятил оду, где особо отметил, что обе победы атлет выиграл в один и тот же день (Pind. *Ol.* XIII. 29–31). В ней Пиндар уделяет внимание не только Ксенофону, но и победам, одержанным членами его семьи. Ода содержит два каталога побед членов его рода. В первом из них основное внимание уделялось Фессалу, которого поэт восхваляет не меньше, чем Ксенофона (Pind. *Ol.* XIII. 35–40).

Алкимид из Эгины, ученик Мелесия из Афин, одержал победу среди *παῖδες* на Немейских играх (? 473 ? 465 гг. до н.э.) (Pind. *Nem.* VI. 65)³¹. Этой победе Пиндар посвятил VI Немейскую оду, где отметил, что Алкимид принимал участие и в Олимпийских играх, но дважды упустил олимпийский венок из-за жребия, по которому получил слишком сильных противников: «Хоть опрометчивый жребий и лишил Политимида и тебя, дитя мое, / Олимпийских цветов в священной ограде Зевса» (Pind. *Nem.* VI. 62–63; пер. М.Л. Гаспарова). Пин-

²⁷ Гвоздева (2024b). С. 54.

²⁸ Golden (2004). P. 165; Гвоздева (2021). С. 304.

²⁹ В пятиборье Ксенофон, возможно, выиграл прыжок, бег и борьбу: Matthews (1994). P. 136. См. также: Гвоздева (2024a). С. 379–380.

³⁰ Golden (2004). P. 177; Гвоздева (2021). С. 308.

³¹ Golden (2004). P. 97.

дар также упоминает и славный род Алкимиды, богатый на спортивные победы, и особенно его деда, легендарного Праксидаманта:

Отрок-борец,
Пришел он от зовущих схваток Немеи,
Счастливый жребий выпал ему от Зевса —
Небездольным ловцом выйти из борьбы,
След в след Праксидаманту, отцу его отца,
Единокровному своему.
(Pind. *Nem.* VI. 12-17; пер. М.Л. Гаспарова).

Праксидамант, сын Соклейды (или Соклеса) с Эгины, был знаменитым кулачный бойцом VI в. до н.э., победителем в кулачном бою на 59-й Олимпиаде (544 г. до н.э.). Он стал первым олимпиоником среди граждан Эгины, но кроме того был первым атлетом, кому была установлена статуя в Альтисе Олимпии (Pind. *Nem.* VI; Paus. VI. 18. 7)³². Пиндар подробно перечисляет победы Праксидаманта, который трижды побеждал на Немейских играх и пять раз — на Истмийских играх и был первым, кто принес Эгине олимпийскую победу (Pind. *Nem.* VI. 18–21). Павсаний полагает, что статуя Праксидаманта, самая древняя из статуй олимпиоников, сделана из кипариса и сохранилась лучше других деревянных изваяний (Paus. VI. 18. 5).

Семейная традиция среди атлетов сохранилась и в римское время. Знаменитый борец и панкратиаст, периодоник, Марк Аврелий Асклепиад из Александрии, олимпионик 181 г. н.э. (240-я Олимпиада), побеждал на Пифийских играх, дважды — на Истмийских, дважды — на Немейских играх, а также на многих местных играх (IAG 77). Его отец, Марк Аврелий Деметрий, был выдающимся борцом и периодоником в панкратионе³³. Таким образом, многие отцы олимпиоников сами подчас были в большей или в меньшей степени известными спортсменами и, возможно, своим личным примером вдохновляли сыновей на спортивные подвиги. Однако

³² Golden (2004). P. 139; Гвоздева (2021). С. 301.

³³ О Марке Аврелии Асклепиаде см.: Golden (2004). P. 22; Ramba (2014). S. 28; Poliakoff (1982). P. 125–127; Гвоздева (2021). С. 329; Гвоздева (2025). С. 49. О Марке Аврелии Деметрии см.: Poliakoff (1982). P. 125–126; Golden (2004). P. 22.

гораздо труднее установить, поощряли ли они своих детей заниматься спортом³⁴.

Павсаний указывает, что впервые были введены особые состязания для младшей возрастной группы атлетов — *παῖδες* («мальчиков») на 37-й Олимпиаде (632 г. до н.э.) (Paus. V. 8. 9), а Филострат — на 46-й Олимпиаде (596 г. до н.э.) (Philostr. *Гутт.* 13). Таким образом, все атлеты были разделены на две группы: *ἄνδρες* (мужчины) и *παῖδες* (мальчики)³⁵. М. Голден предположил, что целью такого разделения могло быть желание предотвратить столкновение отца и сына в одном поединке, ибо спортивная карьера атлета вполне могла охватывать двадцать лет, и многие семьи включали в себя несколько поколений победителей³⁶. А в единоборствах, в кулачном бою и в панкратионе победитель выявлялся только тогда, когда его противник признавал себя побежденным. Таким образом, отец мог оказаться побежденным своим сыном, если оба они занимались одним видом спорта³⁷.

Однако отец и сын не обязательно могли специализироваться по одной спортивной дисциплине. Первым олимпийцем в гоплитодромосе был Дамарет (Демарет) из Гереи. Дважды олимпиец, он победил в этом виде бега на 65-й и 66-й Олимпиадах (520–516 гг. до н.э.). По словам Павсания, он был самым знаменитым из аркадских атлетов. Ему была установлена статуя в Олимпии, которая изображала атлета в полном вооружении (Paus. V. 8. 10; VIII. 26. 2)³⁸. Дамарет гордился не только своими двумя олимпийскими венками, но и победами членов своей семьи: его сын и внук, носившие одно и то же имя — Феопомп, стали олимпийцами, а их семья была первой одержавшей победу в Олимпии за три поколения³⁹. Сын Дамарета, Феопомп Старший, стал олимпийцем в пятиборье на 74–75-й Олимпиадах (484–480 гг. до н.э.), а внук Дамарета, Феопомп Младший, дважды побеждал в борьбе на 85-й и 86-й Олимпи-

³⁴ Reyes (2020). P. 116.

³⁵ Гвоздева (2019). С. 31.

³⁶ Golden (2004). P. 121.

³⁷ Golden (1998). P. 58.

³⁸ О Дамарете см.: Golden (2004). P. 48; Гвоздева (2021). С. 302–303; Гвоздева (2023). С. 320.

³⁹ Golden (2004). P. 48.

адах (440–436 гг. до н.э.) (Paus. VI. 10. 4–5)⁴⁰. Парабаллонт из Элиды был олимпийщиком в двойном беге (280 г. до н.э. = 125-я Олимпиада). Именно ему приписывается обычай записывать имена олимпийщиков в гимнасии Олимпии, возможно, в рамках празднования 500-летия первых Олимпийских игр. Его сын Ластратид еще мальчиком победил в борьбе на Олимпийских (? 248 г. до н.э. = 133-я Олимпиада) и Немейских играх, а потом в категории юношей дважды побеждал в Немее. Статуи отца и сына стояли в Олимпии рядом (Paus. VI. 6. 1–3)⁴¹. Бегун Мнасей из ливийской Кирены, получивший от зрителей прозвище Ливиец, стал героем олимпийского гоплитодрома в 484 г. до н.э. (74-я Олимпиада). Его статуя в полном боевом вооружении украшала Олимпию (Paus. VI. 13. 7; 18. 1). Через двадцать лет, на 79-й Олимпиаде (464 г. до н.э.), сын Мнасея, Кратисфен, стал олимпийщиком в ристаниях колесниц⁴². Химон из Аргоса одержал победу в борьбе над Тавросфеном из Эгины в 448 г. до н.э. (83-я Олимпиада). Ему установили две статуи, которые Павсаний относил к лучшим работам скульптора Навкида. Одна из них была поставлена в Олимпии, а другая — на родине атлета. Именно ее позднее перевезли в Рим в храм богини Эйрены (Мира) при императоре Веспасиане. Сын Химона, Аристей, был олимпийщиком в длинном беге (420 г. до н.э. = 90 Олимпиада), его статуя работы Пантия с Хиоса стояла рядом со статуей отца в Олимпии (Paus. VI. 9. 3)⁴³. Таким образом, отец и сын не всегда побеждали в одном виде спорта, и в этом случае едва ли отец мог воспитывать сына-атлета как тренер. Однако, несомненно, достижения отца вдохновляли сына на честолюбивые свершения — стать не менее, а может быть, и более прославленным атлетом.

⁴⁰ О Феопомпе Старшем см.: Golden (2004). P. 164; Гвоздева (2021). С. 305–306. О Феопомпе Младшем см.: Golden (2004). P. 48; Гвоздева (2021). С. 310.

⁴¹ О Парабаллонте см.: Golden (2004). P. 128. О Ластратиде см.: Гвоздева (2013). С. 53.

⁴² О Мнасее см.: Golden (2004). P. 104; Гвоздева (2021). С. 305; Гвоздева (2013). С. 53. О Кратисфене см.: Golden (2004). P. 104; Гвоздева (2021). С. 308.

⁴³ О Химоне см.: Golden (2004). P. 37; Гвоздева (2021). С. 309. Об Аристее см.: Golden (2004). P. 37; Гвоздева (2021). С. 312.

Возможно, отцы атлетов способствовали карьере своих детей даже в том случае, если сами непосредственно не занимались спортом. Юных атлетов отцы сопровождали в Олимпию или на другие панэллинские игры. Артемидор в своем «Соннике» приводит пример, как некий Зоил привел двух сыновей на Олимпийские игры для состязания в борьбе и в панкратионе (Artemid. *Oneir.* IV. 52)⁴⁴. Отцы приносили олимпийскую клятву за своих сыновей, подтверждая их уровень подготовки и квалификации. Юные атлеты, имена которых еще не были внесены в списки граждан, не могли сами приносить клятву Зевсу Горкию в день открытия игр в Олимпии. Поэтому за них олимпийскую клятву приносили их отцы или старшие братья (Paus. V. 24. 9). В какой-то степени это отражало то влияние (как положительное, так и отрицательное), которое члены семьи оказывали на спортсменов⁴⁵.

Об ответственности слишком амбициозных отцов за юных атлетов свидетельствует случай, произошедший на 192-й Олимпиаде (12 г. до н.э.), когда был обнаружен факт «договорного поединка» между двумя юными борцами. Павсаний подробно рассказывает эту историю вместе с другими случаями нарушения олимпийских правил (Paus. V. 21. 16–17). Он пишет, что Дамоник из Элиды привел в Олимпию своего сына Поликтора, который собирался состязаться в борьбе среди *παίδες*. Стремление Дамоника к победе сына было таково, что он договорился с отцом соперника своего сына, Сосандром из Смирны. Дамоник дал Сосандру взятку, чтобы его сын, который, кстати, носил имя своего отца, проиграл в поединке Поликтору. Разобравшись в этой истории, элладники доказали сговор родителей юных атлетов и наложили наказание на отцов. На штрафные деньги были поставлены две статуи (Paus. V. 21. 16–17). В этой истории интересно то, что судьи оштрафовали за манипулирование результатами не сыновей, а отцов, потому что именно они совершили нарушение.

Атлеты находили мотивацию в словах и действиях своих отцов и дедов; возможно, самое важное влияние на них оказывали их семьи, особенно родители. Авл Геллий в «Аттических ночах» упоминает

⁴⁴ Гвоздева, Гвоздева (2025). С. 187, 190–191.

⁴⁵ Reyes (2020). P. 114.

нает о знаменитом трагическом поэте Еврипиде, которого его отец привел на Олимпийские игры. Отец, видимо выступавший тренером своего сына, счел его подходящим для выступления в группе *παίδες*. Но элейцы не допустили Еврипида до соревнований, и позднее он выступал на афинских играх — Элевсинских и Тезеевых, где смог стать победителем (Aul. *Gell.* 15. 20). Однако наибольший интерес вызывает история легендарного олимпионика, кулачного бойца Главка из Кариста (Paus. VI. 10. 1–3; Philostr. *Gymn.* 20). В пересказе Павсания Главк, сын крестьянина Демила, поначалу и не думал становиться атлетом. Однажды его отец наблюдал за пахавшим землю сыном, когда из плуга у Главка выпал лемех. Юноша ударил по лемеху вместо молота кулаком, приладив на место. Увидев это, Демил сам отвел своего сына на Олимпийские игры, чтобы он выступил в кулачном бою. Главк был еще неопытен в этой борьбе и сначала получал от противников много ударов. Сражаясь с последним, Главк уже был так сильно измучен, что, казалось, проигрыш был неминуем. Видя это, Демил громко крикнул ему: «Сын! Бей как по плугу!». И тогда Главк нанес своему противнику сильный удар кулаком и победил в битве, став олимпиоником в 65-ю Олимпиаду (520 г. до н.э.).

В рассказе Павсания отец Главка Демил подбадривает своего сына, но при этом использует сравнение из опыта земледельца, видимо, из-за недостатка знаний о кулачном бое. Это могло означать, что в семье ранее не занималась спортом. Б.С. Рейес предполагает, что после этого случая Главк получил хорошую подготовку, потому что стал лучшим кулачным бойцом своего времени⁴⁶. Кроме победы в Олимпии, Главк дважды побеждал на Пифийских играх и по восемь раз — на Истмийских и Немейских играх. Один раз Главк стал периодоником в кулачном бою. В Альтисе была установлена статуя Главка работы скульптора Главкия. Атлет был изображен в момент начала боя (Paus. VI. 10. 1–3)⁴⁷. Н. Николсон же, напротив, полагает, что история Главка вымышлена. Он отмечает, что кулачный бой состоял не только в силе удара; бойцы должны тренироваться не

⁴⁶ Reyes (2020). P. 117.

⁴⁷ О Главке см.: Poliakoff (1982). P. 124; Golden (2004). P. 71–72; Гвоздева (2013). С. 116; Гвоздева (2021). С. 303.

только в том, как, когда и куда наносить удары, но и в том, как защищаться и как двигаться, так же как борцы должны были освоить приемы захвата и уклонения, а панкратиастам требовалось сочетание приемов борьбы и бокса. Однако и этого было недостаточно, чтобы стать успешным спортсменом. Такие спортсмены также должны были тренировать выносливость и поддерживать физическую форму; их учили, как ухаживать за своим телом, и помогали им в этом; их обучали тактике и тому, как быть готовыми к соревнованиям; а также тому, как верить в себя и не забывать о тренировках⁴⁸.

Рассказ Павсания об отце Главка опровергает Филострат. Он пересказывает этот же исторический анекдот, но уверяет, что решающую роль сыграл не отец Главка, а его тренер Тисий, напомнив, как надо нанести удар:

Так, когда каристянин Главк в Олимпии робел ударов противника, гимнаст Тисий привел его к победе тем, что призвал его бить «как по сохе». Дело в том, что это означало удар правой рукой: рука эта у Главка была столь сильная, что он некогда, на Эвбее, распрямил погнувшийся наконечник сохи, ударив его правой рукой как молотом.

(Philostr. *Gymn.* 20; пер. И.П. Рушкина)

Возможно, отец Главка был тренером, и этим объясняются две версии рассказа — Павсания и Филострата. Тисий или Демил — оба криками подбадривали Главка во время поединка, давая дополнительные указания. Тренер Ил, также криками подбадривая своего ученика Агесидаму, привел его к победе в кулачном бою (Pind. *Ol.* X. 17–20).

Афинский тренер Мелесий I из Алопеки начинал свою карьеру как панкратиаст и борец; он победил в панкратионе на Немейских играх среди *παῖδες*⁴⁹. Возможно, Мелесий принимал участие и в пятиборье (Pind. *Ol.* VIII. 55–59), в состав которого входили прыжки в длину, метание диска и метание копья, а также бег и борьба⁵⁰. Закончив спортивную карьеру, Мелесий стал знаменитым тренером панкратиастов и борцов. Схолиаст Пиндара отмечает, что Мелесий

⁴⁸ Nicholson (2025). P. 232.

⁴⁹ Гвоздева (2019). С. 30–32.

⁵⁰ Golden (2004). P. 130; Гвоздева (2013). С. 125–126; Гвоздева (2024a). С. 60.

был тренером афинян, выступавших в борьбе (Schol. Pind. *Nem.* 4.155a). Пиндар посвятил оды следующим ученикам Мелесия: Алкимедонту, сыну Ифиона из Эгины, победившему на 80-й Олимпиаде (460 г. до н.э.) в борьбе среди παῖδες (VIII Олимпийская ода); Тимасарху из Эгины, одержавшему победу в борьбе на Немейских играх среди παῖδες (IV Немейская ода); Алкимиду из Эгины, победившему на Немейских играх в борьбе среди παῖδες (VI Немейская ода). Победа Алкимедонта стала шестой победой на панэллинских играх в его семье и тридцатой, юбилейной, победой его тренера Мелесия (Pind. *Ol.* VIII. 54–60; 66). Мелесий, воспитавший тридцать победителей панэллинских игр, был достаточно богатым человеком, и его сын Фукидид смог стать крупным политиком, противником Перикла (возможно, не без поддержки своего отца). И если сын Мелесия не прославился как атлет, то эстафету переняли его внуки. Фукидид позднее нанял ведущих тренеров молодого поколения, Ксанфия и Эвдора, для своих сыновей, Мелесия II и Стефания, и они стали лучшими борцами в Афинах (Plat. *Meno.* 94c). История с Мелесием показывает, что если тренер не воспитал своего сына как великого атлета, то традицию могли продолжить его внуки.

Интересно, что Филострат в «Гимнастике» из членов семьи атлетов, кроме отцов и дедов, также описывает матерей. Так, Ференику, дочь Диагора с Родоса, он упоминает, как «крепкую» (Philostr. *Gymn.* 17), а мать панкратиаста Мандрогена — как «мужественную» (Philostr. *Gymn.* 23). Он полагает, что родители будущих атлетов должны быть молоды и сильны, когда производят на свет свое потомство (Philostr. *Gymn.* 26–29). Несомненно, что родители атлетов (как отец, так и мать) могли бы оказать своим детям важную психологическую поддержку⁵¹. Пиндар отмечал, что побежденные атлеты, крадучись, закоулками, пробираются домой, вернувшись в свой родной город, где их ожидали насмешки и презрение (Pind. *Ol.* VIII. 68–69; Pind. *Pyth.* VIII. 81–87). Обращаясь к Аристомену из Эгины, он восклицает:

Не сладостный, как тебе,
Сужден им возврат от Пифона,
И не вздымется радостью сладкий смех,
Когда встанут они перед матерью, —

⁵¹ Reyes (2020). P. 116–117.

Закоулками прячутся они от врагов,
 Угрызаемые сбывшимся
 (Pind. *Pyth.* VIII. 81–87; пер. М.Л. Гаспарова).

Однако в некоторых случаях мать могла оказать и более решительное влияние на карьеру своего сына. Павсаний рассказывает историю Дейнолоха, сына Пирра, из Элиды. Его матери приснилось, что ее маленького сына увенчали венком. Именно поэтому он воспитывался так, чтобы стать атлетом, прошел специальную спортивную подготовку и, когда вырос, выиграл короткий бег на 1 стадий для мальчиков в Олимпии (возможно, в 380 г. до н.э. = 100-я Олимпиада). Его статуя работы скульптора Клеона из Сикиона стояла в Альтисе Олимпии (Paus. VI. 1. 4–5)⁵². Павсаний утверждает, что Дейнолох стал воспитываться как атлет из-за сна его матери, то есть у Дейнолоха не было выбора, участвовать в соревнованиях или нет, его путь был предрешен. Б.С. Рейес считает, что это случай, когда родители больше, чем сыновья, заинтересованы в их спортивных успехах⁵³.

Еще более интересной стала история дочери легендарного Диагора с Родоса. Павсаний, называя ее Каллипатерой или Ференикой, утверждает, что она тайно пробралась на Олимпийские игры, чтобы быть свидетельницей спортивных успехов своего сына Пейсирода в кулачном бою (Paus. V. 6. 7–8. Ср.: Paus. VI. 6. 2)⁵⁴. Этот случай Павсаний приводит как исключение из общих правил, согласно которым женщины не допускались на Олимпийские игры не только как участницы, но и как простые зрительницы. Каллипатера была разоблачена, но ей удалось избежать наказания только благодаря тому, что она принадлежала к славному своим олимпийскими победами роду Диагоридов (Paus. VI. 7. 1–3). Элиан в «Пестрых рассказах» тоже описал эту историю с той разницей, что называет дочь Диагора Ференикой, и у Павсания она выступает в качестве тренера, тогда как у Элиана она просто сопровождала своего сына в Олимпию (Aelian. *Hist. Misc.* X. 1). Таким образом, права присутствовать на Олимпийских играх Каллипатера (Ференика) добилась

⁵² Golden (2004). P. 49.

⁵³ Reyes (2020). P. 118.

⁵⁴ Гвоздева (2018). С. 116.

не за счет знатности и богатства, а за счет спортивных побед ее родственников. Эта же история изложена и у Филострата, который рассказывает историю о том, что Ференика не просто рисковала своей жизнью, появляясь на публике в мужской одежде, — она делала это, чтобы тренировать своего сына (Philostr. *Gymn.* 17). История очень странная, потому что Ференике приписываются функции тренера. Ференика, должно быть, была поистине исключительной женщиной, которая могла не только эмоционально и психологически поддерживать своего сына, подобно матери Дейнолоха, но и обучать его технике бокса⁵⁵. Красивая легенда о Ференике, видимо, распространилась в конце V в. до н.э., сделав эту женщину важной фигурой в спортивных успехах семьи Диагора⁵⁶. Интересно, что группа статуй Диагоридов в Олимпии появилась в середине V в. до н.э., начавшись, возможно, со статуй Диагора и его старшего сына Дамагета. Вскоре к группе присоединились статуи Акусилая и Дориея, а затем статуи одного или двух внуков. Оба внука были сыновьями дочерей Диагора. Маловероятно, что надписи на их посвящениях указывали на роль матери, связывавшую их с Диагором, но многие посетители Олимпии знали об этом родстве (Paus. VI. 7. 1)⁵⁷.

Внимание матери к победам своего сына упоминается и Пиндаром. Потерпевшие поражение юноши боятся гнева матери (Pind. *Pyth.* VIII. 81–87). А акцент Пиндара на материнской стороне семьи представляет собой попытку расширить более строгие представления о том, что считается семейной победой⁵⁸. Интересно, что в одах Пиндара семьи победителей определяются не строго по отцовской линии, но также включают родственников и по материнской линии, которые часто фигурируют в каталогах побед. Так, можно найти упоминания дядей по материнской линии, например Феогнета и Клитомаха — дядей Аристомена из Эгины (Pind. *Pyth.* VIII. 35–37), Калликла — дяди Тимасарха из Эгины (Pind. *Nem.* IV. 79–81) и Евфимена — дяди Пифея из Эгины (Pind. *Nem.* V. 43; Pind. *Isthm.* VI. 57–62); дедушек по материнской линии, например Фемистия — деда Пифея из Эгины (Pind. *Nem.* V. 50–53) и Филакида из Эгины

⁵⁵ Golden (2004). P. 132; Reyes (2020). P. 117.

⁵⁶ Nicholson (2025). P. 146.

⁵⁷ Герасимова (2021). С. 109. См. также: Herrmann (1988). S. 157.

⁵⁸ Nicholson (2025). P. 145.

(Pind. *Isthm.* VI. 63–66); других родственников по материнской линии, например Фрасикла и Антия — предков матери Феэя из Аргоса (Pind. *Nem.* X. 37–54). В одах Пиндара также часто упоминаются члены семьи по материнской линии, когда они заслуживают признания в других видах деятельности⁵⁹.

Итак, воспитание атлета, будущего героя панэллинских или местных игр, было сложным процессом, в котором были задействованы не только специальные тренеры, но и члены семьи. В первую очередь на юного атлета влияли своим примером отцы и деда, а также другие родственники по отцовской и материнской линии. Пример отца или деда мог оказать большое психологическое воздействие на юного атлета, желающего пойти по стопам своих родных и, возможно, даже превзойти их. Отцы (а иногда и матери) могли способствовать развитию карьеры сыновей, побуждая, поддерживая или обучая их.

Материал поступил в редакцию 11.03.2026.

*Материал поступил в редакцию после рецензирования
24.03.2026.*

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Castro-Cintras, R. (2023) *Théogénès de Thasos: l'illustre ou la vie du plus grand pugiliste antique*. Histoire.
- Golden, M. (1998) *Sport and Society in Ancient Greece*. Cambridge.
- Golden, M. (2004) *Sport in the ancient world from A to Z*. London, N.Y.
- Herrmann, H.-V. (1988) “Die Siegerstatuen von Olympia. Schriftliche Überlieferung und archäologischer Befund”, *Nikephoros*, 1, 119–183.
- Matthews, V. (1994) “The greek Pentathlon again aus”, *Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik*, 100, 129–138.
- Moretti, L. (1957) *Olympionikai, i vincitori negli antichi agoni Olimpici*. Roma.
- Nicholson, N.J. (2025) *Victory and celebration: an introduction to Greek athletics*. New York, NY: Oxford University Press.
- Poliakoff, M. (1982) *Studies in the Terminology of Greek Combat Sports*. Königstein.

⁵⁹ Nicholson (2025). P. 143.

- Ramba, D. (2014) *Bestimmung der prägenden Wesenszüge im Sport der griechisch-römischen Antike*. PhD. Göttingen.
- Reyes, B.C. (2020) *The Athlete in the Ancient Greek World*. University of Oklahoma Press, Norman.
- Гвоздева, Т.Б. (2013) *Олимпийские игры античности (от мифа к истории)*. М.: РУДН. [Gvozdeva, T.B. (2013) *Olimpiiskie igry antichnosti (ot mifa k istorii)*. М.: RUDN].
- Гвоздева, Т.Б. (2018) «Женщины в спортивных играх Древней Греции», *Современный юрист*, 3(24). 114-127. [Gvozdeva, T.B. (2018) «Zhenshchiny v sportivnykh igrakh Drevnei Gretsii», *Sovremenniy yurist*, 3(24). 114-127].
- Гвоздева, Т.Б. (2019) «Возрастные категории атлетов на Олимпийских играх античности», *Современный юрист*, 3(28). 28-37. [Gvozdeva, T.B. (2019) «Vozrastnyye kategorii atletov na Olimpiiskikh igrakh antichnost'», *Sovremenniy yurist*, 3(28). 28-37].
- Гвоздева, Т.Б. (2021) «Хронология Олимпийских игр (от античности до наших дней)», в: *Олимпийские игры в политике, повседневной жизни и культуре (от античности до современности)*. СПб.: Алетейя, 292-424. [Gvozdeva, T.B. (2021) «Khronologiya Olimpiiskikh igr (ot antichnosti do nashikh dnei)», v: *Olimpiiskie igry v politike, povsednevnoi zhizni i kul'ture (ot antichnosti do sovremennosti)*. SPb.: Aleteiya, 292-424].
- Гвоздева, Т.Б. (2022) «Младшие возрастные категории атлетов на Панафинейских играх», *Вестник РУДН. Серия Всеобщая история*, 14(3), 243–256. [Gvozdeva, T.B. (2022) «Mladshie vozrastnyye kategorii atletov na Panafineiskikh igrakh», *Vestnik RUDN. Seriya Vseobshchaya istoriya*, 14(3), 243–256].
- Гвоздева, Т.Б. (2023) «Гоплитодромос — категория древнегреческой атлетики», *Вестник РУДН. Серия Всеобщая история*, 15(3), 318-329. [Gvozdeva, T.B. (2023) «Goplitodromos — kategoriya drevnegrecheskoi atletiki», *Vestnik RUDN. Seriya Vseobshchaya istoriya*, 15(3), 318-329].
- Гвоздева, Т.Б. (2024a) «Греческие пятиборцы: путь к победе», *Вестник РУДН. Серия Всеобщая история*, 16(3), 369–383. [Gvozdeva, T.B. (2024a) «Grecheskie pyatibortsy: put' k pobede», *Vestnik RUDN. Seriya Vseobshchaya istoriya*, 16(3), 369–383].
- Гвоздева, Т.Б. (2024b) «Атлеты Древней Греции — вкус победы», *Вестник Литературного института имени А.М. Горького*, 2-3, 36-65. [Gvozdeva, T.B. (2024b) «Atlety Drevnei Gretsii — vkus pobedy», *Vestnik Literaturnogo instituta imeni A.M. Gor'kogo*, 2-3, 36-65].

- Гвоздева, Т.Б. (2025) «Победа “без пыли” — победа за явным преимуществом», *Вестник РУДН. Серия Всеобщая история*, 16(3), 356–380. [Gvozdeva, T.B. (2025) «Pobeda “bez pyli” — pobeda za yavnym preimushchestvom», *Vestnik RUDN. Seriya Vseobshchaya istoriya*, 16(3), 356–380].
- Гвоздева, Т.Б., Гвоздева, И.А. (2025) «Греческая атлетика в “Соннике” Артемидора», в: *Древний мир: История и археология*, М.: МПГУ, 184–198. [Gvozdeva, T.B., Gvozdeva, I.A. (2025) «Grecheskaya atletika v “Sonnike” Artemidora», v: *Drevnii mir: Istoriya i arkhеologiya*, М.: MPGU, 184–198].
- Герасимова, Л.Ю. (2021) «Статуи олимпийщиков в архитектурно-скульптурном ансамбле Олимпии архаической и классической эпох», в: *Олимпийские игры в политике, повседневной жизни и культуре (от античности до современности)*. СПб.: Алетейя, 102–116. [Gerasimova, L.YU. (2021) «Statui olimpiionikov v arkhitekturno-skul'pturnom ansamble Olimpii arkhaischeskoi i klassicheskoi epokh», v: *Olimpiiskie igry v politike, povsednevnoi zhizni i kul'ture (ot antichnosti do sovremennosti)*. SPb.: Aleteiya, 102–116].

FORMATION OF A VICTORIOUS ATHLETE

Tatiana GVOZDEVA

A distinctive feature of the Greek mentality was its agonistic character, and it was within Greek civilization that the history of world sport originated. Evidence of athletic and equestrian competitions can already be found in the Cretan–Mycenaean period, while the earliest references to organized contests appear in Homeric epics. During the polis period, regular athletic festivals were established in a number of Greek cities, most notably in Olympia; by the 7th–6th centuries BCE, these developed into the Panhellenic Games. Victory in the major Panhellenic competitions, especially the Olympic Games, conferred upon the athlete the status of a pan-Hellenic hero. Victorious athletes were awarded a sacred wreath, symbolizing divine favor, and were honored by their fellow citizens and all Greeks as national heroes. However, the path from initial participation in competitions to achieving victory was long and thorny, and an athlete's success depended on several factors, including natural ability, the personality of the coach, and family upbringing. While the first two factors were undoubtedly decisive, family traditions — particularly among the aristocracy, which dominated athletic competitions in the Archaic period — also played an important role. The presence of one or more

victors in local and/or Panhellenic games within a family had a significant influence on the upbringing of young athletes, who sought to emulate their fathers and grandfathers by continuing family sporting traditions. Pride in ancestral achievements encouraged them to maintain the status of a “sporting” family, to prove themselves worthy of their predecessors, and, in some cases, even to surpass them, as evidenced by the emergence of sporting dynasties in combat sports and athletics. In some cases, fathers may have acted as coaches for their sons. Parental ambition often contributed to successful athletic performance; although it could occasionally lead to misjudgments, it more often fostered perseverance, discipline, and a strong drive for victory.

ГЕРОИ ВЕРЫ ХРИСТИАНСКОЙ ЦЕРКВИ ДОКОНСТАНТИНОВСКОЙ ЭПОХИ

А.В. КАРГАЛЬЦЕВ

В статье подробно разбирается вопрос церковной власти и авторитета в период I–III вв. и выделяются основные группы христианских героев данной эпохи: епископы, харизматические лидеры и мученики. Безусловно, речь идет не об изолированных группах религиозных деятелей: отдельные герои веры могли выступать одновременно во всех указанных качествах, однако, поскольку в данный период структура церковной организации только формировалась, духовными авторитетами в равной степени могли выступать выходцы из самой широкой церковной среды, а отдельные группы могли оспаривать авторитет друг друга. В статье также рассматривается вопрос о том, что представляла собой христианская героика в церкви первых веков, какие качества верующих и нормы их поведения выделала церковная традиция. В данном случае можно указать на столкновение нескольких видов духовного авторитета — «легитимного» и харизматического. Епископы как наследники апостолов должны были, во-первых, подтверждать свое право управлять церковными общинами, во-вторых, защищаться от нападков со стороны ревнителей христианского благочестия. Иными словами, речь шла о том, что формировалось несколько параллельных образов героев веры, которые вступали в противоречие между собой. Наконец, в статье отмечается, что все указанные процессы протекали по-разному в разных частях христианского мира, начиная с конца апостольской эпохи. По мере того, как христианская традиция все более выходила за границы относительно однородной в культурном отношении среды эллинизированного иудаизма, на представления о героике влияли иные культурные традиции разных регионов античного Средиземноморья, где распространялась христианская проповедь.

Вопрос о том, кто является героями христианской церкви, возник, вероятно, в первые десятилетия ее существования и представлялся отнюдь не праздным. Было необходимо определить, кто именно являлся духовным авторитетом для верующих, кого считать святым, кому и в чем следовало подражать, кому должна принадлежать власть в церкви, кто имеет право толковать священные тексты и распоряжаться церковным имуществом, в конечном счете, кто должен определять направления развития церковной организации. Ответы на все эти вопросы были сформулированы еще в патристической традиции, и исследователи до начала XX в. придерживались их интерпретации, как это, например, сформулировано у И. Герхарда¹. Герои церкви — это крупнейшие христианские писатели, ее отцы и учителя, наиболее значимые подвижники и герои Библии. Однако в позднейших работах этот вопрос был значительно глубже проработан на теоретическом уровне. Отойдя от оценки отдельных личностей, исследователи обратили внимание на основные группы внутри церкви². В результате сложилась известная триада: церковные иерархи, пророки и мученики. То есть Переосмыслению подвергся не только личностный подход, но, во-первых, представление о том, что героика веры была связана не только с каноническими деятелями церкви, но и с теми, кто позднее был маргинализован, осужден за ересь и пр.; во-вторых, истоки христианской героики рассматривались теперь в самом широком контексте примеров и образов античного мира и иудейской традиции; наконец, в-третьих, наметилось ясное представление о наличии местной региональной специфики, которая возникала в контексте культурных особенностей отдельных регионов Средиземноморья³. В рамках нашей небольшой статьи, мы, не сможем охватить все аспекты и наработки по данной тематике, однако кратко осветим основные группы героев ранней церкви.

¹ См., например: Newton (1888); Robinson (1908).

² Brown P (1971); Speyer (1989); Schwartz, Poorthuis (2004); Louth (2011).

³ Значительной вехой в историографии стало появление работы П. Брауна «Культе святых», которая посвящена основным темам рассматриваемой проблематики: Brown (1981).

Епископы

Принято считать, что епископы не сразу и не автоматически встали во главе христианской церковной организации. Первые христиане не ставили целью создание какой-либо единой церковной структуры. Г. фон Кампенхаузен с некоторым удивлением замечает, что самым поразительным в деятельности ап. Павла было полное отсутствие установления каких-либо правовых основ и организации системы власти в созданных им общинах⁴. Принято считать, что лишь к концу I в. христианская церковь переживала значительную внутреннюю трансформацию, затронувшую все стороны ее деятельности. В действительности христианского общины апостольской эпохи не нуждались в сложной и громоздкой системе управления, если задача их заключалась в том, чтобы сберечь верующих, покаявшихся и принявших крещение, от напастей «века сего» и помочь им дожить до скорого Второго пришествия⁵. Это подтверждается и тематикой проповеди в сочинениях ранних мужей апостольских, которая в своем богословии не выходит за границы решения практико-бытовых проблем верующих. Поддержание жизнедеятельности общин не требовало от их руководителей и глубоких теологических построений, а стремление верующих отгородиться от языческого мира поддерживало эту тенденцию. Самая простая евангельская весть, что Иисус и есть Христос (ср.: Деян. 8:34-40) была, конечно, не всегда достаточной, особенно по мере того, как проповедь все более выходила за границы мира эллинизированного иудаизма. Уже в корпусе сочинений ап. Иоанна появляется тема христологии Логоса и пр., хотя все равно его аудиторию больше волновала проблема, как жить и не грешить (1 Ин. 3:9). Ключевым событием жизни Церкви конца I в. было, пожалуй, даже не ослабление эсхатологических ожиданий, а естественная смена поколений по мере того, как из жизни уходи живые свидетели проповеди Христа и апостолы. Последние, как представляется, были стержнем всей церковной деятельности: их авторитет, как представляется, был безусловным и не нуждался в дополнительной легитимации⁶. Несмотря на

⁴ Campenhausen (1969). P. 70.

⁵ Goguel (1964). P. 21.

⁶ В целом вопрос о природе власти и характере апостольского служения в высшей степени дискуссионный. Как справедливо замечает

реальные или мнимые разногласия, существовавшие между ними, круг апостолов и их ближайших учеников представлял высшую церковную корпорацию, авторитет которой довольно сложно было оспорить⁷. Примечательно, что само апостольское служение не получило дальнейшего продолжения и не передавалось в форме священного сана. Апостолами были те, кого призвал сам Христос, и этот факт было сложно опровергнуть или оспорить, равно как и передать это избрание следующему поколению верующих. Поэтому представляется весьма естественным, что на рубеже I–II вв. развернулась дискуссия о наследии апостольского преемства. Не имея достаточных источников по данному периоду, возможно лишь ретроспективно реконструировать положение епископов⁸.

Вопрос о власти и авторитете епископов занимает важное место в самых ранних сохранившихся трудах мужей апостольских — посланиях Климента Римского (*Clem. Rom. 1 Ep.*) и Игнатия Антиохийского (*Ign. Ep. Eph.*; *Ign. Ep. Magn.*; *Ign. Ep. Trall.*), однако решается он по-разному. Формально послание Климента посвящено проблеме, поднятой еще Павлом: раздорам внутри общины Коринфа, причиной которых была «ревность и зависть, вражда и раздор» (*Clem. Rom. 1 Ep. 3*)⁹, то есть разрушение установленного Богом порядка в мире. Ведь «небеса, по Его распоряжению движущиеся, в мире повинуются Ему: и день и ночь совершают определенное им течение» (*Clem. Rom. 1 Ep. 20*). Мир в той части, которая не подвержена греху, создан гармоничным и идеальным. Все подчиняется Божественной воле, тем более и Церковь должна соответствовать идеальному порядку, подобно «воинствующим под начальством

Д. Шульц: «Те, кто обращается к данной теме, тратят почти столько же времени на изложение позиций других, сколько на описание собственных». Подробнее историографию и историю вопроса см.: Schütz (2004). P. 22–34.

⁷ Достаточно упомянуть классическую работу Р. Бультмана, которой в рамках «демифологизации» разделяет «исторического Иисуса» и проповедь ап. Павла: Бультман (2004). С. 142–143.

⁸ Вопрос о том, когда именно завершается апостольская эпоха, является в высшей степени дискуссионным. Подробнее об этом см.: Sullivan (2001). P. 75.

⁹ Sullivan (2001). P. 117–120.

вождей» (Clem. Rom. *1 Ep.* 23). Бог требует от людей следовать порядку и дисциплине, что подтверждается библейскими примерами: наградами за смирение Ною, Аврааму, Лоту, Иову, Моисею и Давиду (Clem. Rom. *1 Ep.* 9–18). Равно и сам Христос, будучи Сыном Божиим, являет собой образец смирения (Clem. Rom. *1 Ep.* 16). Для поддержания этого порядка апостолы поставили епископов (Clem. Rom. *1 Ep.* 42), и поскольку они предвидели раздоры «о епископском достоинстве» (Clem. Rom. *1 Ep.* 44), то установили закон, по которому в церкви должна поддерживаться дисциплина. Не трудно увидеть в данной аргументации и новые черты по сравнению с апостольской проповедью. Церковь — это созданная Богом организация подобная военной, глава которой епископ. И, следовательно, ему необходимо подчиняться, чтобы быть членом этой организации. Автор послания не удовлетворяется отсылкой к авторитету Христа, но прибегает к более широкому контексту философского мировоззрения. В доводах Климента можно увидеть черты стоической философии: Божий мир гармоничен и идеален, все подчинено установленному порядку, отступление от него грех, который преодолевается посредством умеренности и дисциплины. Аргументы в пользу стоического мировоззрения Климента в научной литературе высказываются давно¹⁰. На наш взгляд, совершенно не обязательно рассматривать его самого как сторонника той или иной философской доктрины, но необходимо признать, что в проповеди его времени необходимо было учитывать мировоззрение и вкусы аудитории. Хотя послание и обращено к коринфской церкви, очевидно, оно читалось и среди верующих Рима и ориентировалось на их картину мира.

Иным образом по тому же вопросу — покорности епископской власти — пишет Игнатий Антиохийский¹¹. Сохранилась традиция, которая называет его учеником ап. Иоанна (Hier. *Chron.* 604). Влияние евангелиста на послания епископа Антиохии заметно в терминологии, стиле и языке. По мысли Иоанна, Христос принес собой в мир идеальное учение в форме спасительной любви, ранее недоступной людям (1 Ин. 3:14). Вокруг этого учения и организована Церковь, которая состоит из людей, связанных этой идеальной лю-

¹⁰ Van Unnik (1950). P. 181–189.

¹¹ Sullivan (2001). P. 131–140.

бовью (Ign. Ep. Trall. 12). Развивая эту мысль, Игнатий продолжает, что «что и на епископа должно смотреть, как на самого Господа» (Ign. Ep. Eph. 6), потому что «епископ председательствует на месте Бога» (Ign. Ep. Magn. 6), то есть ближе всех соответствует «невидимому епископу» всей церкви, т.е. Христу (Ign. Ep. Magn. 3). В этом смысле дисциплину и согласие вокруг епископа следует понимать так: «Да не будет между вами ничего, что могло бы разделить вас; но будьте в единении с епископом и перед сидящими, во образ и учение нетления» (Ign. Ep. Magn. 6). «Когда вы повинуетесь епископу, как Иисусу Христу, тогда, мне кажется, вы живете, и не по человеческому обычаю, а по образу Иисуса Христа» (Ign. Ep. Trall. 2). Иными словами, согласие верующих — это не просто покорность и подчинение церковных иерархам, но покорность учению Христа. При этом епископами становятся те, кто проявляют наибольшие христианские добродетели (Ign. Ep. Trall. 1). Угрозой же для Церкви является не нарушение божественного порядка, но отступление от правильного учения, то есть уклонение в ересь (Ign. Ep. Trall. 7). В данном случае в посланиях Игнатия прослеживается совершенно иная мировоззренческая модель, чем у Климента. Автор явно тяготеет к идеалистической картине мира, близкой платонической философии. Здесь вновь необходимо указать, что совершенно не обязательно рассматривать антиохийского епископа как практикующего философа-платоника, однако его аудитория отличается от единоверцев в Риме, и для их увещевания необходимы иные аргументы. Очевидно, что послания Игнатия читались во многих общинах восточного Средиземноморья, которые объединяло общее наследие эллинизма. Распространение разных течений греческой философии заставляло деятелей ранней Церкви учитывать их в своей проповеди.

Принято считать, что власть епископов укрепилась к III в., что привело к созданию системы так называемого «монархического епископата». Однако в данный период власть и авторитет епископов не были безусловными и могли быть оспорены другими группами верующих, а их лидерство и преемство не рассматривались как обязательное условие жизни и деятельности церкви¹². Ярким примером

¹² Это косвенно подтверждается и состоянием источников. Сведения, которые приводит Евсевий в «Церковной истории» отражают две тенденции: во-первых, закрепить в сознании читателя, что именно епископы были

может служить судьба Киприана Карфагенского, которая сравнительно неплохо отражена в источниках¹³. Избрание епископом Карфагена, которое было связано с серьезной оппозицией местного духовенства, бегство во время гонения Деция в 249–251 гг., возвращение и конфликт с исповедниками, проблема массового отступничества, проведение поместных соборов, изгнание из церкви, оппозиции на соборе 252 г.¹⁴, конфликт с римским епископом Стефаном, — все это вместе привело к тому, что даже мученичество в 258 г. не сделало фигуру Киприана менее спорной в глазах верующих. По этой причине автор «Жития Киприана» диакон Понтий пишет развернутую апологию епископа, где последовательно разбирает смысл и значение его деяний. Общая идея здесь подобна той, что была рассмотрена выше: необходимо подчиняться своему епископу. Однако она разработана более комплексно и отражает все те изменения в церкви, которые произошли за полтора столетия¹⁵. Мы вновь видим апелляцию к стоическому мировоззрению: епископ всегда проявлял смирение и покорность божественной воле, проявлял умеренность (*Pont. Vita Cypr.* 2–5), которую отражали черты его лица и его внешность (*Pont. Vita Cypr.* 6, 3). Киприан был равнодушен к богатству (*Pont. Vita Cypr.* 2, 7). Однако даже такой набор выдающихся качеств не был достаточным аргументом. Поэтому Понтий в первую очередь подчеркивает его выдающиеся деяния: Киприан реорганизовал церковь, спас многих во время смертельной эпидемии, боролся с ересями и пр. Иными словами развитие церковного учения о епископах как о героях веры было последовательным и комплексным процессом, и, конечно, не завершилось в доконстантиновское время, однако определенно можно сказать, что каждый этап этого процесса добавлял черты культурного героя своего времени.

лидерами христианского мира во II–III вв., во-вторых, трудность, с которой сталкивается автор, поскольку сведения о деятельности иерархов оказываются разрозненными и неполными. Кроме позднейшей и неточной реконструкции череды епископов в «*Liber Pontificalis*» церкви Рима, не сохранилось ни одного полного перечня епископов для других христианских кафедр.

¹³ Подробнее см.: Каргальцев (2021). С. 214–218.

¹⁴ Каргальцев (2015). С. 432–445.

¹⁵ Каргальцев (2026b). С. 78–112.

Харизматические лидеры

Под этим термином в данном случае следует понимать большую плеяду деятелей ранней церкви, которых единоверцы видели обладателями особых качеств или благодатных даров, выходящих за границы традиционных христианских практик (пророческие дары, особое благочестие, строгость и дерзновение в вере). Часто такие лидеры выступали оппонентами церковных иерархов и официальных институтов. По этой причине данное явление заслужило в целом негативную оценку в истории церкви. Харизматическими лидерами становились основатели различных гетеродоксальных групп (гностические учителя, Монтан и Новациан, поздние лидеры донатизма и пр.). Осуждение церкви автоматически распространялось и на практики, которыми они поддерживали свой авторитет. В целом, харизматические практики в ранней церкви могут быть описаны двояким образом. Во-первых, это особые дары Бога и Духа Святого, которыми случайным образом наделялись верующие и позволяли им получать видения и пророчествовать. Во-вторых, это особое благочестие, непримиримость в вере или крайний ригоризм, которые можно было противопоставить в конфликтах с церковными иерархами, обвиняя их в мягкости, отступничестве, греховном поведении и различных злоупотреблениях. В рамках нашей работы мы не будем касаться примеров того, как церковь боролась с харизматиками, но рассмотрим примеры того, как носители этих неоднозначных даров благодати становились христианскими героями.

Вопрос о деятельности пророков в ранней церкви и ее упадке к началу IV в. является в высшей степени непростым. Как заметил в своем исследовании Д. Эш, научный консенсус, который сложился в исследовательской литературе XIX–XX вв., заключается в том, что по мере «закрытия» канона Нового Завета возникло представление, что пророчества прекратились¹⁶. В пользу данной точки зрения свидетельствовало то, что дальнейшая пророческая деятельность, примером которой служило «новое пророчество», была в значительной степени маргинализована, а церковь активно боролась с подобными явлениями. У. Френд видел здесь более широкую проблему, полагая, что уже в границах новозаветной церкви обострился

¹⁶ Подробнее об историографии вопроса см.: Ash (1976). P. 227–228.

библейский конфликт между священником и пророком¹⁷. С этим тезисом трудно не согласиться, поскольку и на протяжении дальнейшей истории претензия на обладание прямым богообщением рассматривалась и рассматривается как важный источник духовного авторитета. В рамках нашей работы уместно поставить вопрос, какие именно качества раннехристианских пророков были особенно важны для современников.

Очевидно, что несмотря на нападки, пророческая активность развивалась во II–III вв.¹⁸ Дидахе и «Пастырь» Герма¹⁹ положительно оценивают деятельность пророков. Первый текст вовсе упоминает их в числе обычных церковных служителей наравне с клириками (*Did.*, 13). Второй источник хотя и перечисляет в качестве служителей только епископов, пресвитеров и диаконов, однако сам посвящен пророческим видениям, которые представлены в качестве обыденной христианской практики. Рост пророческих практики очевидно произошел под влиянием авторитета «нового пророчества», что особенно заметно в трудах Тертуллиана. В прочем, о видениях сообщают не только христиане Северной Африки, где, как принято считать, было особенно сильно влияние монтанизма, но и из других регионов²⁰. О деятельности пророков во II в. сообщает Климент Александрийский в «Строматах» (*Clem. Alex. Strom.* I, 1, 11). Профетическую деятельность высоко оценивает Ориген (*Orig. C. Cels.* III). Полемизуя с Цельсом, он указывает, на глубокие библейские корни этого явления (вся история богообщения до Иисуса Христа равно и обетование Спасителя осуществлялись посредством пророков) и на продолжение этой практики уже в новозаветный период (*Orig. C. Cels.* IV, 7, 2). Примечательно, что к сере-

¹⁷ Frend (1988). P. 26.

¹⁸ См., например, рассказ Иринея про некоего еретика Марка, который «будучи весьма искусен в чародейских проделках... некоторых верных женщин... старался, подобно прочим, ввести в обман, повелевая им пророчествовать» (*Iren. AH.* I, 13).

¹⁹ Ряд исследователей указывает, что поскольку Иринея цитирует «Пастыря» Герма наравне с библейскими текстами, он рассматривался как часть новозаветного канона (*Iren. AH.* IV, 20, 2): Hvidt (2007). P. 88.

²⁰ О монтанизме в римской Африке см.: Каргальцев (2012). С. 116–132.

дине III в. пророческая активность не только не угасла под развитием институтов церковного управления, которые, как принято считать, вытесняли из церкви харизматию, но напротив активно использовались. В римской Африке именно пророческие сны становятся формой легитимизации мученичества. Христианский герой накануне своего страдания должен был получить специальный сон, который бы ясно указывал на предстоящие страсти. Не брезговали, когда это было необходимо. Прибегать к пророческому опыту и церковные иерархи. В одном из писем Киприан рассказывает о посвящении в чтецы Целериана (Сург. *Ep.* 39), достойного верующего, претерпевшего тюремное заключение и пытки. Будучи человеком скромным, он не решается начать церковное служение, и тогда, как сообщает епископ, «сама Церковь своим убеждением и увещанием в ночном видении побудила его» сделать это²¹. Что имеется в виду, не до конца понятно: было ли это видение, которое получил сам Целериан или ему сообщили о том, что кто-то из членов церкви видел его во сне церковным служителем. Так или иначе, очевидно вполне каноническое использование харизматических даров. Тот же Киприан, который, как уже отмечалось, покинул Карфаген в 250 г. во время гонения Деция, защищает свой авторитет тем, что сам является пророком²². В послании к епископам и диаконам Карфагена он обвиняет своих критиков и оппонентов в гордыне и неповиновении епископу и сообщает, что сам видит видения (Сург. *Ep.* 11, 4, 1). В другом послании того же периода он нападает на своих критиков, сообщая, что рядом с ним днем пророчествуют невинные отроки (Сург. *Ep.* 16, 4).

Вторым важным проявлением харизматии в ранней церкви являлось особое благочестие. Как уже отмечалось выше в целом раннехристианская традиция отличалась от позднейшей значительно большей богобоязненностью и предполагала, что можно жить и не грешить. Такому представлению была подчинена и церковная практика. Верующий принимал крещение и вместе с ним полное очищение от грехов и должен был в таком состоянии дожить до смерти

²¹ Qui cum consentire dubitaret, ecclesiae ipsius admonitu et hortatu in visione per noctem compulsus est ne negaret nobis suadentibus (Сурп. *Ep.* 39, 1, 2).

²² Подробнее этот сюжет рассмотрен: Harnack (1902). S. 177–191.

или грядущего Страшного суда. Церковь этой эпохи не знала исповеди в ее позднейшем понимании, то есть практики регулярного очищения от грехов. Покаяние в какой-то степени было возможно, но предполагало значительные ограничения. Мученик Монтан, который поссорился в тюрьме накануне казни со своим товарищем Юлианом немедленно видит пророческий сон, а в нем свою душу, покрытую пятнами греха (*Mart. Mont.*, 11). Проснувшись, он понимает, что пятна образовались потому, что вовремя не примирился со своим братом. Очевидно, теперь эти грехи было способно очистить только предстоящее мученичество. Однако даже в таких обстоятельствах оставалась возможность проявить еще большую христианскую строгость. Пример Новациана, который выступил от лица пресвитеров Италии, воспротивившихся практике примирения с любыми формами отступничества, показывает, насколько сильными были крайние ригористические настроения в церкви той эпохи. В целом, этот факт весьма объясним, поскольку два кровавых гонения в течение одного десятилетия, жертвами которых стали десятки единоверцев, очевидно, разжигали христианский радикализм, а кроме того в это время церковь покидали и те, кто не готов был жертвовать своей жизнью ради веры, в то время как оставшиеся видели в них отступников и предателей Христа. То, что движение Новациана действительно представляло серьезную опасность и грозило церковным расколом, подтверждается той яростью, с которой обрушились на него церковные оппоненты, что подтверждается, в частности, письмами Киприана Карфагенского²³.

Впрочем, в тех случаях, когда нужно было продемонстрировать собственное благочестие, Киприан также проявляет крайнюю нетерпимость. В одном из своих посланий иерарх обрушивается на бывшего епископа Марциала. Последний потерял сыновей и будучи, видимо, представителем местной аристократии убитый горем похоронил их в семейном склепе (Сург. Ер. 67, 6). Это и заслужило крайнее неодобрение Киприана Карфагенского, который обвиняет своего бывшего брата по служению в том, что он занимался идолопоклонством, похоронил детей в «нечестивых могилах», участвовал в поминовении языческой коллегией, одним словом, исключи себя из народа Божия.

²³ Подробнее см.: Каргальцев (2017). С. 158–160,

Приведенных примеров, как представляется, достаточно, чтобы показать, что церковная харизматия отнюдь не была лишь формой проявления христианской гетеродоксии, которая отступала по мере развития церковных институтов. Напротив, харизматики оставались героями веры, а церковные иерархи активно эксплуатировали харизматические проявления в своих целях.

Мученики

Мученики, как герои веры, занимают пограничное положение между епископами и харизматическими лидерами, поскольку обладателями «венца славы» церковь признавала как иерархов, так и простых катехуменов, едва успевших или даже не успевших принять крещение перед смертью²⁴. Очевидно, сам факт страданий мученика, а не его положение в церкви, становились объектом почитания. Несмотря на многочисленные упреки на этот счет в агиографических памятниках, посвященных епископам, церковная традиция сохранила память о самых разных героях, принявших мученичество: мужчинах и женщинах, мирянах и клириках²⁵. О самой природе мученичества написано немало, в том числе в отечественных исследованиях последних лет²⁶. Мы остановимся на тех сюжетах, которые объясняют, почему мученики были героями в глазах верующих, а их подвиг вызывал стремление подражать им. Общим явлением здесь было представление о том, что мученики — это святые, которые сразу после смерти попадают в рай, поскольку кровь их страданий является «вторым крещением» и заново омывает все грехи²⁷. Стремление самих героев веры к «венцу славы» в целом понятно, тогда как причина их почитания среди христиан требует отдельного анализа.

²⁴ В «Мученичестве Монтана и Луция» упоминается катехумен Примол, для которого исповедание веры и стало крещением (*Mart. Mont.* 2, 2)

²⁵ Например, автор «Страстей Фруктуоза», особенно подчеркивает епископский статус мученика, поскольку ему «нужно помнить всю Вселенскую Церковь от востока до запада» (*Pass. Fruct.* 3, 6), а «Житии Киприана» указывает, что славы мученичества «наши предки удостаивали даже мирян и оглашенных», а Киприан и «без мученичества много чему мог научить» (*Pont. Vita Cyr.* 1, 2).

²⁶ Подробнее о феномене раннехристианского мученичества см.: Пантелеев (2017). С. 5–32.

²⁷ Каргальцев (2019). С. 165.

Во-первых, мученики могли оказывать помощь своим родным и единоверцам и поддерживать общение с ними. Памятники II–III вв. не содержат популярных позднее историй о регулярном явлении святых и оказании ими повседневной духовной помощи. Такие примеры скорее редкие и исключительные, но важные для авторов агиографических сочинений. Так, в «Страстях Перпетуи» главная героиня спасает от мук ада своего умершего от рака, очевидно, некрещеного брата Динократа (*Pass. Perp.* 7–8)²⁸. Епископ Киприан является во сне в качестве судьи мученику Мариану и проводит его в «прекрасное место», то есть в рай (*Pass. Marian. et Iac.* 6, 9–14). Аналогичную историю рассказывает мученик Монтан, к которому в видении являются Киприана и Левкий, епископ Тевесте, чтобы проводить его в «сияющее место» (*Mart. Mont.* 11)²⁹. Во всех этих историях святые выступают своего рода проводниками для живых, подобно тому, как это отражено в классической греческой мифологии. Появление таких сюжетов в преимущественно североафриканских памятниках не кажется странным. Очевидно, что чем более натуралистично представлялись плоды мученичества, то есть попадание в рай, тем больше практических возможностей они предлагали для живущих верующих. Иными словами, блаженство души мученика во вселенной Оригена виделось довольно абстрактно по сравнению с телесным пребыванием страдальцев в райском саду, общающихся напрямую с Богом (*Pass. Perp.*, 4, 9) и другими святыми, к которым можно было обращаться, просить о заступничестве и которые охотно принимали участие в жизни будущих мучеников, носить сияющие белые одежды (*Mart. Mont.*, 11, 3). Таким образом, святые одновременно укрепляли веру новых христианских героев, выступали орудием божественной легитимации истинного мученичества и видимым образом показывали те дары, которые наследуют страдальцы.

Во-вторых, мученики рассматривались самой широкой христианской аудиторией как идеальные верующие. Очевидным объяснением этого факта, как кажется, могло быть описание подобной ситуации в евангельских текстах, где раскаявшийся разбойник получает ответ Христа «ныне же будешь со Мною в раю» (Лк.

²⁸ Подробнее об этом см.: Каргальцев (2024). С. 590–592.

²⁹ Подробнее см.: Каргальцев (2026а). С. 185.

23:43), получившей название в отечественной культуре как история о «благоразумном разбойнике». Действительно, факт того, что вся нечестивая жизнь может быть в последний момент перечеркнута искренним покаянием, является важной частью христианской проповеди. Однако, приведенный выше пример Монтана, который обнаруживает пятна на душе перед своей казнью, показывает, что такое покаяние должно было носить деятельный характер. Мысленное раскаяние было явно недостаточным, прочтение библейского отрывка явно указывало, что мученичество это и есть проявление веры и покаяния. То, что мученики, это примеры идеальной веры звучит в качестве центральной идеи в большинстве ранних агиографических текстов. Их не останавливают ни страх, ни истязания, ни мучения тюрьмы, они не чувствуют боли во время пыток, они являются идеальными христианами не потому, что решились принять мученичество, но, напротив, решение о мученичестве могли принять только идеальные христиане.

Во-третьих, нельзя не отметить и элементы чисто античной героики: ведь на пути к «венцу» верующим приходилось претерпеть запредельные человеческие страдания. Здесь важно отметить, что тексты доконстантиновской эпохи не содержат фантастических историй, характерных для поздней агиографии. Мученики не ходят с отрубленной головой, с них не сдирают кожу, которая спустя короткое время появляется заново. Напротив, описание их страстей дается предельно реалистично. Казалось бы, в пользу необходимости пострадать перед казнью свидетельствует библейский текст, внося в деяния мучника элемент *imitatio Christi*. Однако авторы ранней агиографии специально не эксплуатируют данный сюжет, из чего можно заключить, что описания мучений христианских героев отражали их реальные истории. По всей видимости, наличие или отсутствие страданий не влияло на общее восприятие мученичества, важен был сам факт смерти за веру, а не его обстоятельства. В тех же случаях, где была возможность подчеркнуть мужество и героизм, авторы это делали. При этом гораздо чаще можно обнаружить не собственно христианскую, но в широком смысле античную риторику, например, в текстах регулярно поднимается тема агона или ристалища (*Pass. Fruct.* 6. 1; *Mart. Mont.* 1, 1). Сами мученики предстают в качестве благородных атлетов (*Carpi gr.* 35; *Mart. Lugd.* 1,

11; 19; 47; *Mart. Pionii* 22, 2)³⁰. Сообщая о посвящении Аврелия в чтецы (*Сург. Ер.* 38), Киприан аттестует его в лучших традициях античной героики: он дважды стал исповедником, при этом первенствовал в беге, претерпел изгнание, как быстрый и крепкий воин выходил на бой, сражался и победил. В ряде случаев сами страдания могли искупить даже грех отступничества. Рассказывая о судьбе «братьев и товарищей Нина, Климента и Флора», епископ указывает, что поскольку они были сломлены под жесточайшими пытками, то их страдания являются основанием даровать им прощение и принять их в церковь (*Сург. Ер.* 56). Проблема переживания страданий очевидно была важной для церковной жизни, ведь многих потенциальных мучеников останавливал не страх смерти, но боязнь перенести пытку и боль. Об этом сетует мученик Флавиан, мама которого мечтает о том, чтобы ее ребенок обрел венец славы. Но он, исходя из хорошей семьи, поскольку учится в философской школе, страшится мученичества, потому что очень боится физической боли. И тогда перед смертью он получает видение, в котором Святой Киприан, который незадолго до этого был казнен усекновением головы, рассказывает, что, когда отрубают голову это совсем не больно, чем и успокаивает Флавиана (*Mart. Mont.* 21).

Подводя итог, можно заключить, что ранняя церковь видела немало оснований в том, чтобы считать мучеников главными героями веры и единственными настоящими христианскими святыми. Однако по мере развития церковных практик, их в этом качестве потеснили другие герои, что в прочем не отменило особого почитания мучеников.

Материал поступил в редакцию 11.03.2026.

*Материал поступил в редакцию после рецензирования
24.03.2026.*

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Ash, J. (1976) The Decline of Ecstatic Prophecy in the Early Church, *Theological Studies*, 37/2, 227–252.
Brown, P. (1981) *Cult of Saints*. Chicago: University of Chicago Press.

³⁰ Подробнее об этом см.: Пантелеев (2017). С. 19.

- Brown, P. (1971) The Rise and Function of the Holy Man in Late Antiquity, *JRS*, 61, 80-101.
- Campanian, H., von (1969) *Ecclesiastical Authority and Spiritual Power in the Church of the First Three Centuries* / Trans. into English by J. A. Baker. Stanford: Stanford University Press.
- Frend, W.H.C. (1988) Montanism: A Movement of Prophecy and Regional Identity in the Early Church, *Bulletin of the John Rylands Library*, 70, 25-34.
- Goguel, M. (1964) *The Primitive Church* / Trans. into English by H.C. Snape. London: Adam & Charles Black.
- Harnack, A., von (1902). Cyprian als Enthusiast, *Zeitschrift für die neutestamentliche Wissenschaft und die Kunde der älteren Kirche*, 3, 177-191.
- Hvidt, N.C. (2007) *Christian Prophecy: The Post-Biblical Tradition*. Oxford: Clarendon Press.
- Louth, A. (2011) Holiness and Sanctity in the Early Church, *Studies in Church History*, 47, 1-18.
- Newton, R. (1888) *Heroes of the Early Church*. New York: American Sunday-School Union.
- Robinson, E.A. (1908) *Short Studies of the Heroes of the Early Church*. Cincinnati; New York: Jennings and Graham; Eaton and Mains.
- Sullivan, F.A. (2001) *From Apostles to Bishops: The Development of the Episcopacy in the Early Church*. New York: The Newman Press.
- Schütz, J.H. (2004) *Paul and the Anatomy of Apostolic Authority*. Louisville; London: Westminster John Knox Press.
- Schwartz, J., Poorthuis M.J.H.M. (2004) *Saints and Role Models in Judaism and Christianity*. Leiden: Brill.
- Speyer W. (1989) *Frühes Christentum im antiken Strahlungsfeld: ausgewählte Aufsätze*. Tübingen: Mohr.
- Van Unnik, W.C. (1950) Is 1 Clement 20 Purely Stoic?, *Vigiliae Christianae*, 4/3, 181-189.
- Бульман, Р. (2004) *Избранное: вера и понимание* / Пер. с нем. Т. I-II. М.: РОССПЭН. [Bultmann, R. (2004) *Izbrannoe: vera i ponimanie* / Per. s nem. Т. I-II. М.: ROSSPÉN].
- Каргальцев, А.В. (2012) «Монтанизм в римской Северной Африке: к проблеме восприятия мученичества», в: *Религия. Церковь. Общество. Исследования и публикации по теологии и религии*, 1, 116-132. [Kargaltsev, A.V. (2012) «Montanizm v rimskoi Severnoi Afrike: k probleme vospriiatiia muchenichestva», в: *Religiia. Tserkov'. Obshchestvo. Issledovaniia i publikatsii po teologii i religii*, 1, 116-132].

- Каргальцев, А.В. (2015) «Африканские соборы III в.: епископы и исповедники», в: Мнемон, 15, 432–445. [Kargaltsev, A.V. (2015) «Afrikanskije sobory III v.: episkopy i ispovedniki», v: Mnemon, 15, 432–445].
- Каргальцев, А.В. (2017) «Достоинство исповедников — отлучиться от отступников: церковный раскол Новациана», в: *Религия. Церковь. Общество. Исследования и публикации по теологии и религии*, 6, 150–167. [Kargaltsev, A.V. (2017) «Dostoinstvo ispovednikov — otlučit'sja ot otpustnikov: cerkovnyj rakol Novaciana», v: Religija. Cerkov'. Obščestvo. Issledovanija i publikacii po teologii i religii, 6, 150–167].
- Каргальцев, А.В. (2019) «Африканская агиография середины III в. как педагогический текст», в: *HYPOTHEKA I*, 3, 161–172. [Kargaltsev, A.V. (2019) «Afrikanskaja agiografija serediny III v. kak pedagogičeskij tekst», v: HYPOTHEKA I, 3, 161–172].
- Каргальцев, А. В. (2021) «Киприан Карфагенский: епископ или городской элитарий?», в: *Религия. Церковь. Общество. Исследования и публикации по теологии и религии*, 10, 212–221. [Kargaltsev, A.V. (2021) «Kiprian Karfagenskij: episkop ili gorodskoj elitarij?», v: Religija. Tserkov'. Obščestvo. Issledovanija i publikacii po teologii i religii, 10, 212–221].
- Каргальцев, А.В. (2024) «Семейные ценности в «Страстях святых Перпетуи и Фелицитаты», в: *Вопросы теологии*, 6 (4), 586–595. [Kargaltsev, A.V. (2024) «Semejnye tsennosti v «Strastyakh sviatykh Perpetui i Felitsiaty», v: Voprosy teologii, 6 (4), 586–595].
- Каргальцев, А.В. (2019) «Африканская агиография середины III века как педагогический текст», в: *HYPOTHEKA I*, 3, 161–172 [Kargaltsev, A.V. (2019) «Afrikanskaia agiografiya serediny III veka kak pedagogičeskij tekst», v: HYPOTHEKA I, 3, 161–172].
- Каргальцев, А. В. (2026а) «Мученичество Монтана и Луция», в: *Ранние мученичества II. Переводы, комментарии, исследования / Пер., комм., вступ. ст., прил. и общ. ред. А.Д. Пантелеева. СПб.: ИЦ «Гуманитарная Академия»*, 176–204. [Kargaltsev, A.V. (2026) «Muchenichestvo Mонтана i Lucija», v: Rannie muchenichestva II. Perevody, kommentarii, issledovania / Per., komm., vstup. st., pril. i obshch. red. A.D. Panteleeva. SPb.: IC «Gumanitarnaja Akademija», 176–204].
- Каргальцев, А.В. (2026б) «Житие Киприана», в: *Ранние мученичества II. Переводы, комментарии, исследования / Пер., комм., вступ. ст., прил. и общ. ред. А.Д. Пантелеева. СПб.: ИЦ «Гуманитарная Академия»*, 78–112. [Kargaltsev, A.V. (2026) «Zhitiie Kipriana», v: Rannie muchenichestva II. Perevody, kommentarii, issledovania / Per., komm., vstup. st., pril. i obshch. red. A.D. Panteleeva. SPb.: IC «Gumanitarnaja Akademija», 78–112].

Пантелеев, А.Д. (2017) «Христианское мученичество: история явления и жанра», в: *Ранние мученичества II. Переводы, комментарии, исследования* / Пер., комм., вступ. ст., прил. и общ. ред. А.Д. Пантелеева. СПб.: ИЦ «Гуманитарная Академия», 5–32. [Panteleev, A.D. (2017) «Христианское мученичество: istorija javlenija i žanra», v: *Rannie muchenichestva II. Perevody, komentarii, issledovania* / Per., komm., vstup. st., pril. i obshch. red. A.D. Panteleeva. SPb.: IC «Gumanitarnaja Akademija», 5–32].

HEROES OF FAITH IN THE PRE-CONSTANTINIAN CHRISTIAN CHURCH

Alexey KARGALTSEV

The article provides a detailed analysis of the issue of ecclesiastical authority and power in the period from the first to third centuries AD. Three main groups of Christian heroes of the epoch are distinguished: bishops, charismatic leaders, and martyrs. These categories of believers were not isolated; sometimes peculiar representatives embodied all three roles. However, since the structure of the Church wasn't determined and religious traditions was emerging, various representatives of ecclesial community could act as spiritual leaders and heroes. Situations when different groups challenged each other's authority also happened. The nature of early Christian heroism is accurately explored in the article, with the special focus to study of special personal qualities and style of behavior that made some representatives of the early Church communities seen as heroes of faith. Collision between different representatives of spiritual authority — legitimate and charismatic — was quite common. Bishops, as successors of the apostles, had to prove their right to lead local communities and to defend themselves against attacks by zealous defenders of Christian piety. It is shown that different types of religious authorities and heroes of faith emerged frequently came into conflict with one another. It is also noted that all the processes, started at the end of the Apostolic era, ran differently in various regions of the ancient Mediterranean world. As Christianity was spreading beyond the relatively homogeneous cultural environment of Hellenistic Judaism, its ideas about heroism were becoming more and more influenced by diverse local cultural traditions.

**ТРИАДА
«КРИЗИС — КАЙРОС — ГНОСИС»
КАК МЕТОД РЕКОНСТРУКЦИИ
ГЕРОИЧЕСКОГО В ОБРАЗОВАНИИ**

АНТИЧНЫЙ И БИБЛЕЙСКИЙ КОНТЕКСТЫ

А.Г. БЕРМУС

Современный кризис образования раскрывается как системный сдвиг, выходящий далеко за рамки институциональных трудностей и затрагивающий сами основы человеческого бытия — его смысловые, временные и антропологические координаты. Одновременно кризис являет собой необходимую среду и условие для героического становления личности. В качестве аналитического инструмента предлагается оригинальная триадическая модель «Кризис (Κρίσις) — Кайрос (Καίρος) — Гносис (Γνώσις)». В рамках предложенной модели кризис есть момент наивысшей опасности, который формирует экзистенциальный запрос на появление героя; кайрос понимается как уникальный, наполненный смыслом момент внутри линейного времени (хроноса), точка разрыва, где совершается судьбоносный выбор и действие; гносис представляет собой глубинное, преобразующее личностное познание-откровение, которое становится источником силы героя и новым основанием для сознания и действия. Эта модель применяется для сравнительного анализа образовательного потенциала античной (греческой) и еврейской (библейской) традиций. На примере фигур Сократа, Ахилла, Одиссея показывается, как античный герой утверждает человеческое достоинство через автономное совершенство («арете»), вызов судьбе и стремление к вечной славе («клеос»). В библейской традиции, исследуемой на материале историй Авраама, Давида и Иова, героизм коренится в верности и диалоге с Богом, а гносис обретается как прямое Божественное откровение в момент наивысшего испытания. Особое внимание уделено фигуре Иова

как архетипическому образу героя, чей бунт и вопрошание становятся формой диалога с высшей силой. Итогом исследования является концепция «героической школы» для XXI века. Ее цель — не ностальгическое воспроизведение прошлых форм, а сознательный синтез мощных образовательных практик: античной «пайдеи», еврейских методов парного изучения и острой дискуссии (хеврута, пилпул) и современных технологий. Такая школа должна стать пространством инициации и духовной трансформации, готовящим человека к жизни в условиях перманентного кризиса, формирования личности, готовой к созиданию личной и коллективной целостности в раздробленном и неопределенном мире.

Введение

Концепт «героя» взрывает любую антропологическую реальность травмирующей констатацией: «Герой всегда мертв». Этот мем, одновременно отсылающий к прозе Виктора Пелевина, «растановочным техникам» Берта Хеллингера, сетевым поэтическим конкурсам и медийным форумам, является не чем иным, как обратной стороной обсессивного поиска героя — поиска, которым был наполнен XX век и, шире, вся эпоха длительностью как минимум в полтора столетия. Претензия на героизм ослепляла романтиков и модернистов; революции и войны неизменно приносили опыт «массового героизма» (а репрессии в промежутках между ними — массового изобличения и разоблачения врагов-антигероев). Параллельно с этим в литературоведческом и культурологическом контекстах сам концепт «героя» оказывался эвфемизмом любого действующего (или хотя бы упоминаемого) лица.

Последние десятилетия добавили в общую картину героя и героизации еще несколько красок. С одной стороны, происходил процесс дегероизации прежних героев, одним из наиболее ярких примеров здесь можно считать переоценку Павлика Морозова¹. С другой стороны, возникла новая целевая установка в воспитании — «готовность к противодействию героизации нацистских преступников»². Наконец, в массовой культуре концепт «героя» стал фактически

¹ Сухих (2023).

² Проходимова (2017).

определяться через ту или иную форму сексуальной активности, вплоть до явных инцестуозных мотивов (здесь наиболее известным примером остается весьма специфическая комедия 1991 г. с Ж. Депардье в главной роли: «Мой отец — мой герой»).

В этом контексте мы попытаемся сформулировать обобщенную философско-образовательную модель «героического» в образовании, для чего обратимся последовательно к четырем кругам проблем:

I. Феномен героя в контексте современного кризиса и методологическая основа исследования. В этой части актуализация «героя» и «героического» в образовании осуществляется через историко-культурную реконструкцию концепта, выявление его смысловых основ.

II. Историческая трансформация концепта героя: от античного идеала к дегероизации в современной культуре: раздел посвящен эволюции и двойственной природе образа героя. Особое внимание уделяется анализу советского героического канона как примера целенаправленной культурно-политической технологии.

III. Античная и библейская традиции о герое: сравнительный анализ и применение модели «Кризис — Кайрос — Гносис»: проводится компаративное исследование двух фундаментальных традиций. На примерах Сократа и библейских персонажей (Авраам, Давид, Иов) раскрываются разные парадигмы героизма.

IV. Образовательные перспективы: проект «героической школы» как синтез различных культурно-исторических традиций образования и воспитания в XXI веке: в заключение формулируется практический вывод — контуры «героической школы», адекватной эпохе перманентного кризиса (VUCA, BANI, SHIVA).

I

Как уже было отмечено, именно литературная (точнее, литературоведческая) концептуализация «героя» являлась ведущей на протяжении всего XX века. В этой связи интересен опыт реконструкции взаимосвязанных феноменов «героя» и «героизации» в творчестве М.М. Бахтина³.

Основным источником наиболее общих представлений о герое является олимпийская литературная традиция, выводящая на аван-

³ Савинков (2005).

сцену истории эпического героя. В этом отношении «Илиада» и «Одиссея», датируемые VIII в. до н.э., образуют парадигму героического эпоса: мир управляется богами-олимпийцами, находящимися в крайне сложных отношениях друг с другом и людьми; при этом боги антропоморфны, капризны, ревнивы и т.д.

В этих условиях герои — это особые люди, определяемые набором таких понятий, как «арете» (доблесть и добродетель), «тимэ» (честь и публичное признание) и, наконец, «клеос» (вечная слава, бессмертие в памяти потомков, ценность которого превосходит ценность физической жизни). Судьба («Мойра») — безличный рок, превосходящий не только людей, но даже самих богов, и лишь подлинный герой (Ахилл, Одиссей, Гектор), зная свою судьбу, мужественно идет ей навстречу, совершая публичный подвиг на боевом поле или в испытаниях.

Однако уже здесь при сравнении семантического поля «Илиады» и посвященной более поздним событиям «Одиссеи» мы можем заметить некоторую трансформацию: в то время как «Илиада» фокусируется на «патетике», в контексте которой признание героя определяется его способностью следовать своему долгу даже вопреки воле богов, героизм Одиссея имеет несколько иную природу. Определяющим для него оказывается вполне человеческий сентимент — желание вернуться к своей Пенелопе на Итаку, и для достижения этой земной цели он проявляет вполне человеческие качества, такие как ум, хитрость, изобретательность и расчетливость. Его можно было бы назвать «всесторонне развитой личностью» (*πολύτροπος ἀνέρος*): храбрый воин и умный военачальник, опытный разведчик, атлет, отважный мореход, искусный плотник, охотник, торговец, рачительный хозяин, сказитель, мореплаватель, разбойник, шаман; любящий сын, супруг и отец, в то же время любовник коварно-прекрасных нимф Кирки и Калипсо.

Невозможно даже определить жанр, в котором описываются разные аспекты его путешествия и самой личности: трагическое соседствует с комическим, высокое — с житейской прозой и даже фарсом. Таким образом, задается первая линия напряжений между двумя образами героя и героического эпоса: исторически первичным является образ героя как носителя некоторого высшего начала, который бросает вызов противникам и самой судьбе, достигает высшего при-

знания в памяти потомков; дополнительным для него является образ героя, находящегося в средоточии человеческих страстей и конфликтов, неоднозначного в своих проявлениях и достижениях, сохраняющего некоторую недосказанность и неопределенность в аспекте как своего морального облика, так и итогов своего пути.

Эта двойственность героя задает первичное пространство сложных процессов героизации и дегероизации (в действительности речь идет о движении образа в некотором едином поле «героического», но в различающихся между собой контекстах): героизация, как правило, предполагает «отсечение» всех *«избыточно человеческих»* проявлений, связанных со слабостью, колебаниями, недостойными поступками и, напротив, культивирование того, что может быть подано как «великое послание потомкам». Напротив, дегероизация предполагает выявление некоторых «низменных» мотивов в поступках, низведение «деяний» до уровня «ошибок» или даже «преступлений», смещение фокуса рассмотрения и интерпретации с индивидуального выбора на внешнюю детерминацию.

Историческим пространством проявления этого нового типа героя становится классическая Греция эпохи Сократа и Платона (V–IV вв. до н.э.), а также Перикла и Фукидида. Единое пространство эпоса и мифа структурируется в виде многообразия жанров: философские диалоги, исторические труды, драматургия, ораторские речи. Проблемой становится не столько следование историческим образцам доблести или чести, сколько познание и реализация этих принципов в условиях современного сложного общества.

Наиболее значительный сдвиг происходит в восприятии фундаментальных ценностей — славы, блага, публичного признания — в направлении эвдемонии (благоденствия и процветания души), достигаемой только и исключительно на пути познания и преодоления собственного невежества. Миф перестает быть самодостаточным основанием для воспитания, но становится «притчей», инструментом выявления и постижения сущности идей.

Очевидно, что трансформация олимпийской культуры, с ее представлениями о должном, правильном и, в конечном счете, героическом идеале, не могла без кризиса превратиться в новую философскую культуру размышления и рассуждения. И в этом отношении история в лице Сократа (и описавшего суд над ним Платона)

создает вполне определенный образ драматической коллизии двух образов героизма, с наибольшей полнотой и яркостью проявившихся в суде над Сократом (399 г. до н.э.).

По сути, именно Сократ в изложении Платона и есть герой нового типа. Его подвиг совершается в совершенно иной сфере, чем война: это нравственный и интеллектуальный подвиг, возникающий в ходе сражения не с внешним врагом (тройяцами), но с невежеством и самомнением сограждан. Более того, главными противниками истинного героя-философа оказываются не внешние опасности, но его собственные страсти, удовольствия и страхи, среди которых сохранение знания об истинном благе дается наиболее сложно, и в этом и есть подлинный («классический») героизм нового времени.

В этой же связи становится понятным и другое фундаментальное противоречие между «классической эпохой» и эпохой «реализма» (именно в этом качестве зачастую проявляется история России последних полутора столетий). Так, Инсаров (герой романа И.С. Тургенева «Накануне») готов, подобно классическим героям, посвятить всю свою жизнь борьбе за освобождение своей Родины — Болгарии, но сам способ его мироощущения в изменившейся реальности оказывается слишком прямолинейным и до некоторой степени ходульным. Еще более сложная история связана с образом Базарова (роман «Отцы и дети»): его вызывающая амбивалентность, явное доминирование над всем своим окружением делают неизбежным его «убийство» автором вследствие некоторого «случайного» обстоятельства. Наконец, герой романа Ф.М. Достоевского «Идиот» князь Мышкин воплощает парадоксальный тип героя, сочетающего святость и шутовство, доходящего до пределов самоотрицания.

В результате русская реалистическая литература XIX–XX вв. оказывается наполнена внутренне противоречивыми героями, соединяющими в себе предельные противоположности: духовную высоту и порочность; способность к пафосному самоутверждению и одновременно критическому снижению и отрицанию. Выявляются даже различные модусы героизации: героизация прошлого пытается превратить его в образец — и переделать на этой основе настоящее; героизация героя направлена на создание подчиняющего все и вся образа будущего; наконец, героизация современности предполагает фундаментальный разрыв и с прошлым, и с будущим, и культиви-

рование переживания «здесь и сейчас» в качестве конституирующего основания человека и человечности.

Эти же модусы носят явно надпредметный и междисциплинарный характер и свободно мигрируют из сферы литературоведения в сферу политической философии⁴. Здесь отправной точкой является идея «героизации настоящего», которая оборачивается консервативным просвещением. Героизм проявляется в следовании лозунгу *Sapere aude!* («Дерзай знать!») или «Имей мужество пользоваться собственным умом»), то есть в том, чтобы принять на себя ответственность за свое познание, сознавая при этом его несовершенство и невозможность достижения полного и несомненного знания. Одновременно это позволяет избавиться от одного из наиболее опасных «идолов» последних столетий — идеи «человека будущего», для создания (воспитания, образования, формирования) которого должны быть принесены жертвы. Ни ностальгия по прошлому, ни утопические проекты будущего не есть проявления подлинного героизма, но только зрелость, руководствующаяся ценностью настоящего, без ясного и недвусмысленного понимания, дано оно во благо или во зло. Напротив, несовременность (и даже более того, контрсовременность) проявляется в увлечениях мифами и идолами прошлого или будущего, являются они в форме «строительства самого справедливого общества» или же подчинения «авторитету традиции».

Неизбежным следствием «героизации настоящего» оказывается отказ от исключительности героя и возникновение «героизма повседневности». Как говорит Бургомистр из пьесы Григория Горина «Тот самый Мюнхгаузен»: «Каждый день к девяти мне надо идти в магистрат... Не скажу, что это подвиг, но вообще что-то героическое в этом есть...».

Следует отметить, что это не только ироническая художественная форма, но вполне нормативное самоощущение современного человека⁵. В мире реалистического романа герой теряет свою эпическую завершенность и определенность, становится проблематичным, противоречивым, близким к автору и читателю. В политико-идеологическом контексте Просвещения герой утрачивает иллюзию «Будущего» и «Прошлого» как хранилищ некоторой Высшей

⁴ Межуев (2023).

⁵ Шмелева (2018).

Разумности и вынужден полагаться на свой разум, сознавая его неполноту и ограниченность. Наконец, современная массовая культура выводит нового «героя повседневности» — обычного человека, живущего в состоянии постоянных внешних и внутренних конфликтов, нарушающего нормы; боящегося неопределенности, но стремящегося к чему-то выходящему за его пределы. Это объясняет огромную популярность разного рода героев рекламы, СМИ, блогеров: именно через идентификацию с ними человек приобретает способность хотя бы к временному снижению напряжения и преодолению страха.

Переживаемая «тотальность» героизации и снижение любых «пороговых» требований для приобретения этого статуса заставляют сменить угол зрения от того, как понимать «героя», к тому, кто, как и почему создает «героев»⁶, и здесь наиболее общим и фундаментальным ответом оказывается именно политический. По сути, речь идет об информационной и культурно-политической технологии, посредством которой некоторый факт (необязательно реальный) вначале идентифицируется с определенной личностью, затем эта личность наделяется особенными чертами и способностями (они не всегда проявляются открыто, а могут до определенного момента находиться в «тайном» состоянии или передаваться от наставника к воспитаннику), в заключение выражающимися с наибольшей полнотой и определенностью в героическом нарративе — подвиге. Создание и распространение подобного героического нарратива, равно как и реализация всей сложной технологии героизации, невозможны без специальных и целенаправленных усилий государства, в соответствии с чем устанавливается определенная (хотя и не всегда заметная) связь между целями государственной политики и моделями героического поведения.

Разумеется, понимание этой связи между государственной политикой и героизацией может быть достигнуто не иначе, как через историческую реконструкцию «героических типов» и соответствующих им «политик героизации» в разные исторические эпохи. Одним из наиболее ярких примеров подобной трансформации является эпоха первичного складывания «советского героического канона» в начале XX века⁷.

⁶ Панкратов (2015).

⁷ Ерохина (2020).

Прежде всего, отметим: как в русской культуре Серебряного века, так и в сменившей ее советской культуре («сталинизм») героизм рассматривался как высшее проявление нравственности, связанное с преодолением экстремальных условий и раскрытием внутренних сил человека. В то же время в понимании истоков и смыслов нравственного — героического — поступка между Серебряным веком и советской культурой есть как преемственность, так и противостояние. В культуре Серебряного века герой — это исключительная личность (поэт, творец), чей подвиг индивидуален, элитарен и мифологизирован. Напротив, в советской культуре происходит отказ от индивидуального героизма в пользу коллективного героя, а личность имеет смысл и ценность лишь как часть общего дела: идея «пролетарского героизма», впервые сформулированная А.В. Луначарским в лекции «Героизм и индивидуализм» (1924), предполагала непосредственную связь коммуниста с рабочим коллективом и отрицала «чисто индивидуальный героизм».

Соответственно, все традиционные модусы повседневного существования приобретают героический характер: труд, борьба с врагами, строительство нового быта, культурные практики. При этом советская культура определенно отрицает «мещанский» быт, в котором присутствуют любые признаки индивидуализма; вместо этого конструируется и пропагандируется коллективный быт (коммуналки, общественные кухни, коммуны), который становится частью героического строительства нового общества.

В результате отношения между моделями героизации в Серебряном веке и в советскую эпоху приобретают амбивалентный и парадоксальный характер: с одной стороны, советская модель отрицает элитарную модель Серебряного века, с другой — заимствует и трансформирует ее концепты (мифологизацию личности и «общего дела», пафос разрушения и созидания).

Концентрированным выражением культурной модели «героя» и практик героизации оказывается советская наградная система⁸. Созданная тогда наградная система имела вполне определенную цель и ценность — легитимацию коммунистического режима и формирование новой советской элиты. При этом на протяжении буквально

⁸ Савин (2014).

двух десятилетий произошли очень существенные трансформации образа героя и практик героизации. На начальном этапе утверждения советской власти (революция 1917 года и Гражданская война 1918–1920-х годов) героизация, как правило, была неразрывно связана с гибелью в вооруженной борьбе; к этой же практике непосредственно примыкала практика «государственных похорон». В период НЭПа индивидуальная героизация была ослаблена, а объектом героизации становились некоторые сообщества («комсомольцы», «пионеры», «освобожденные женщины Востока» и др.).

В 1930-е годы вновь происходит смена парадигмы: на смену герою-мученику и анонимному «строителю социализма» приходит герой-созидатель: летчик, полярник, стахановец, носитель определенного имени, чей подвиг был связан не со страданием, а с достижением и риском на пути решения государственных задач. Отражением этого становится советская наградная система (ордена, медали, звания Героя Советского Союза и Героя Социалистического Труда). Герои становились частью новой советской элиты, при этом многие «старые» герои (красные партизаны, старые большевики) были репрессированы и лишены статуса, что стало частью политики переписывания истории и укрепления государственного контроля над символическим пространством.

II

Выявленные контуры трансформации концепта «героя» в истории и культуре возвращают нас к вопросу о выявлении вневременной сущности «героя», которая бы позволяла осуществлять кросс-культурный и метаисторический анализ феномена героя. Как отмечается в статье Т.А. Гореловой, О.О. Хлопониной, О.В. Безруковой⁹, ключевой диспозицией, организующей пространство и время героя, является его противопоставленность антигерою. При этом, согласно теории К. Юнга, герой персонифицирует всю «явленность» человеческого бытия, в то время как антигерой является хранителем «тени», негативного аспекта. В социальном отношении герой стремится к «бытию» (в то время как антигерой — к «обладанию»), позитивности и созиданию (антигерой — к разрушению и отчуждению), герой духовен (в то время как антигерой

⁹ Горелова, Хлопонина, Безрукова (2022).

материалистичен). Радикальность и нарочитость этих противопоставлений породили на протяжении последних двух столетий множественные архетипы, совмещающие в себе черты героя и антигероя как некоторое универсальное средство придания им жизненности. Таковы трикстер — плут и обманщик, нарушитель любых конвенций и правил; байронический герой — глубоко разочарованный, страдающий и одинокий персонаж; сверхчеловек — обладатель нечеловеческих сил, способный в одиночку противостоять сообществам, государствам и даже некоторому «Всемирному Злу».

В этом отношении важно увидеть в том, что является универсальным («проникающим») принципом героического бытия, — его индивидуальность¹⁰, что косвенно объясняет безуспешность попыток массовой героизации. Сам архетип героя в контексте языка К. Юнга есть архетип индивидуализации, выведения персоны за пределы коллективного бессознательного.

Этим же обусловлен и доминирующий мотив героического бытия — спасение некой ценности из власти непреодолимых обстоятельств. По сути, герой воплощает некоторую предельность «я», вырвавшегося из коллективного «мы» и обретающего индивидуальную судьбу и, как следствие, индивидуальное сознание. Соответственно, именно трагедия как жанр искусства оказывается лучшим воспитателем героического сознания: через сопричастность судьбе героя зритель учится не только мириться с неизбежностью судьбы, но и переоценивать ценности, принимать внутреннюю свободу и ответственность как высшее человеческое знание. При этом выход героя из «массового», стереотипного «я» (в хайдеггеровской философии для обозначения этого конструкта используется *das Man* — указание на неопределенно-средний род человеческой единичности, не обладающей никакой индивидуальностью и смыслом) подчеркивается не только на уровне его индивидуальной судьбы, но и через обстоятельства происхождения: герой должен обладать некоторым аристократизмом, в античной мифологии обусловленным двойственным происхождением от бессмертных богов и смертных людей¹¹.

¹⁰ Пятилетова, Панагушина (2013).

¹¹ Чельшев (2014).

По этой же причине его бытие изначально и неотвратимо трагично, поскольку помещает исключительные божественные качества (силу, отвагу, благородство чувств) внутрь смертной человеческой оболочки, а его наградой становится бессмертие, но уже не в обыденном физическом смысле (как раз напротив, героизм, как правило, оказывается связан с гибелью), но в благодарной памяти современников и потомков.

С наибольшей определенностью критика субстанциальной концепции «героя» как носителя некоторого изначально отличия содержится в философии М. Хайдеггера и в первую очередь его двух произведениях: докладе «Поворот»¹² и письме «О гуманизме»¹³. Ключом к пониманию героизма оказывается представление о человеке как о «пастухе бытия», но не властелине сущего. Это различие кажется трудноуловимым, на первый взгляд, однако именно оно оказывается фундаментом той картины мира и человека, в которой герой занимает подобающее ему место.

Господство (власть над сущим) определяется возможностью самодержавно править миром. Критика М. Хайдеггера направлена в самое сердце этой установки — представления о суверенности человеческого существа (и, шире, человечества). В действительности человек находится во власти иллюзии относительно своего могущества, а все его проявления зависят от техники: как напрямую (работа на конвейере), так и косвенно (потребление информации из телевидения и СМИ, участие в рекомендуемых формах досуга и т.д.). Между тем подлинное величие человека обнаруживается в том, что он способен к «хранению существа бытия в его истине», то есть раскрытию подлинности бытия, не зависящей от внешних норм и ограничений. Его миссия — в том, чтобы «ходить за бытием», оберегать его истину; быть тем, в ком и через кого бытие может себя явить. Открытие этого пространства возможно не на пути усиления технических возможностей, но через внимание к языку (*die Sprache*), который есть «дом бытия» и мышление (*das Denken*), понимаемое как «со-действие существу бытия». Человек обретает свою сущность не в господстве над миром, но — внутри со-бытия мира как его страж и слушатель.

¹² Хайдеггер (2007б).

¹³ Хайдеггер (2007а).

Сказанное коренным образом преобразует и представление о герое и героизме: от волевого самоутверждения — к «отзывчивому претерпеванию» (das Ertragen). Героизм раскрывается как мужественное терпение, глубинное осмысление опасности, в которой мы оказались, обретение опыта нахождения в этой опасности без паники и иллюзии контроля. Герой может «желать и ждать прихода события бытия, не опускаясь до пустой любознательности»; его подлинная сила обнаруживается в способности к внимательному, вдумчивому ожиданию, в «зоркости взгляда», чтобы увидеть в сущности любой техники не просто инструмент, а «молнию бытия», которая «приходит из тишины».

Здесь же следует обратиться к известной и часто приводимой цитате из Гёльдерлина: *Wo aber die Gefahr ist, wächst das Rettende auch* («Но там, где опасность, вырастает также и спасительное»). Именно в том, что есть крайнее забвение бытия и принятие техники как необходимости, возникает возможность внезапного проявления («просвета») бытия, освещающего не только мир вокруг, но и самого присутствующего в нем человека некоторым единством. Таким образом, сущность героизма раскрывается как внимательная и терпеливая готовность к «претерпеванию» эпохи постава, без соблазнов и иллюзий собственного господства, но с надеждой на внезапное озарение («молнию бытия») и способностью отозваться на нее, позволив спасительному, сокрытому в самой опасности, вернуть мир к его истине (Откровению).

При этом вне зависимости от конкретной онтологической модели «истины мира» сама идея «озарения» бытием оказывается инвариантной. Так, при анализе онтологических картин перехода от Античности к Средневековью¹⁴ выделяются три полемичные по отношению друг к другу традиции:

- античная линия (неоплатонизм), продолжающая традицию умозрительной онтологии и интеллектуального восхождения к подлинному бытию как некоторой иерархической космологической структуре (Единое, Ум, Душа);
- гностико-герметическая линия, направленная на мифологизацию античной космологии, в соответствии с которой бытие есть

¹⁴ Оболкина (2009).

результат ошибки, а истина — это тайное знание (гнозис), доступное избранным, позволяющее не просто понять мир, но овладеть его божественными силами через магию, заклинания, герметическую мудрость;

- патристическая линия, представляющая собой процесс формирования религиозной ортодоксии, опирающейся не на личные мистические озарения, но на Священное Писание и живое Предание Церкви.

Тем не менее при всей разнородности формируемых онтологий очевиден сдвиг от того, что бытие приобретает «высоту» и «глубину»: оно начинает проживаться и обживаться, оно раскрывается в приобщении к Божественным нетварным энергиям (учение Григория Паламы) либо же очищении от мирских заблуждений (Плотин); освобождении от власти «темной материи» и хранящих ее архонтов (герметическая философия). Героизм становится мерой самоограничения и ответственности перед истиной Откровения, аскетом, готовым к преодолению самого себя.

Вообще, следует отметить, что именно гностический исток современных представлений не только о герое и героизме, но и обо всей системе социально-гуманитарного знания весьма значителен, но наименее исследован¹⁵. Здесь и далее под гностицизмом мы понимаем совокупность разнородных религиозно-философских учений (валентинианство, сифианство, учения Василида, Маркиона и др.), объединенных эзотерической направленностью и дуалистическим представлением о мире.

Как правило, в основе гностических традиций находились христианские апокрифы («Апокриф Иоанна», «Евангелие от Фомы», «Деяния Фомы» и др.). Как пишет один из крупнейших исследователей гностицизма Г. Йонас в одноименной книге, «слово “гностицизм”, возникшее, чтобы служить собирательным заглавием для многообразных сектантских учений, по явившихся вокруг и около христианства в первые века его напряженного существования, происходит от греческого слова *гносис*, обозначающего “познание”. Акцент на познании как способе обретения спасения или даже форме спасения как таковой и требование к обладанию этим знанием в

¹⁵ Матурова (2010).

одной четко сформулированной доктрине являются общей особенностью многочисленных сект, в которых исторически проявляло себя гностическое движение»¹⁶.

Весь комплекс идей о герое как индивидуальном носителе духовного знания (пневматике), человеке, подвиг которого позволяет обрести некоторый гнозис (откровенное знание), преодолеть власть материального мира (архонтов) и достичь высшего («подлинного») состояния (плерома), является совершенно параллельным сюжетом как для гностицизма, так и для современных представлений о героике.

Таким образом, мы приходим к предварительному определению трех структурных аспектов героического бытия, которые могут существенно различаться по своему содержательному наполнению в разных историко-культурных контекстах, однако значимым образом задают феноменологию героического действия.

1. Кризис (Κρίσις): источником и средой для проявления героя становится кризис. Разумеется, речь идет не только (и даже не столько) о природной катастрофе, которая сметает все на своем пути (подобно извержению Везувия), но о некотором решающем повороте, моменте наивысшей опасности и возможности. В этом отношении можно говорить о внутренней синонимии «героических» и «кризисных» эпох. Истоком архаичной героизации в духе «Илиады» и «Одиссеи» была Троянская война; классическая героизация времен Сократа — распад полиса, поражение в Пелопоннесской войне; идеологический, а затем и военно-политический крах Римской империи стал отправной точкой для героизации христианства. Именно кризис в каждом из этих периодов создает экзистенциальную потребность в новом герое, находящемся, как правило, за пределами пространства противостояний и пролагающем путь к «иным вершинам».

2. Кайрос (Καῖρος) — исключительный момент героического действия, приводящий к решению. В этом отношении героизм даже тогда, когда он сопряжен с гибелью героя, находится в совершенно ином смысловом регистре, чем бессмысленная жертва: героизм определяется через достижение некоторого результата, нового состояния, решение некоторой фундаментальной проблемы, даже если она носит духовный (метанойя) или эмоционально-ценностный

¹⁶ Йонас (1998). С. 47.

(катарсис) характер. Столь же характерно отличие кайроса от хроноса — линейного времени, лишённого какой-то исключительности и особенности. Напротив, кайрос — особое время (иногда — мгновение), внутри которого возникает новая реальность (историческое событие).

3. Гносис (Γνώσις) — не просто информация, а глубинное, личностное, преобразующее знание-познание, источник и воплощение силы героя. При этом гносис лишен единого центра в виде личности и судьбы героя — он может воплощаться и в сказаниях о герое, памяти о нем, он становится истоком новой эпохи и новых способов сознания и действия, при этом гносис есть практико-ориентированное знание и постоянно развивающееся знание о том, что есть Истина, Благо, Справедливость. Подлинный гносис несводим к расхожим мнениям и формальным принципам (δόξα — докса), но он позволяет распознать кайрос в хроносе, осмыслить произошедшее изменение и сущность наступившего мира.

III

Этот раздел статьи мы посвятим возможностям применения триадической схемы «Кризис — Кайрос — Гносис» к определению сущности и специфики героики в разные эпохи и разных контекстах.

Как уже было отмечено, в «Апологии Сократа» с наибольшей определенностью представлен тип «классического героя», задающего совершенно новое духовное и интеллектуальное пространство человеческого бытия и, как следствие, мышления и речи. Большая часть сознательной жизни Сократа пришлась на Пелопоннесскую войну между Афинами и Спартой, завершившуюся поражением Афин и установлением режима «Тридцати тиранов». Именно в ситуации развернувшегося политического террора и массового обнищания (кризис) публичная речь Сократа стала нетерпимой и обусловила вынесение обвинительного приговора.

Однако это событие стало лишь фоном для подлинно героического поступка Сократа (кайрос) — его речи на суде, откликающейся в людях на протяжении последующих двух с половиной тысячелетий и ставшей отправной точкой для формирования совершенно нового образа человеческого достоинства и добродетели (гносис). Именно Сократ делает возможной последующую философскую революцию, выводящую на авансцену истории идею философски по-

нятого Блага во всей ее внутренней проблематичности и противоречивости. Одновременно поступок Сократа (отказ от побега и принятие цикуты) обозначает новую антропологическую и этическую реальность, в которой высшее благо оказывается не только несводимым к физическому и материальному благополучию, но и противостоящим ему.

Другим примером действия этой триады можно считать один из сюжетов Фукидида из «Истории Пелопоннесской войны». Тотальный кризис афинского полиса во время войны: моральный (распад существующих моральных норм), политический раскол и олигархический переворот в Афинах приводят к закономерному краху (кризис и чума в Афинах, смерть Перикла). В этой ситуации власть переходит к Алкивиаду (кайрос), представляющему собой амбивалентного лидера: гениального и честолюбивого, харизматичного и лицемерного. Здесь также происходит открытие новой онтологической и антропологической реальности (гносис) — героизма, не имеющего ценностной основы, противоречивого и опасного.

Еще одним примером «героической триады» является сюжет «Орестей» Эсхила. Перед Троянским походом царь Агамемнон приносит в жертву своему честолюбию свою дочь Ифигению; он достигает своей цели и возвращается на родину победителем, но здесь погибает от руки своей жены Клитемнестры, действующей под влиянием жажды мести за смерть дочери. Малолетний сын Агамемнона, Орест, не был свидетелем этой расправы, но, когда он вырос, он обращается к Аполлону с вопросом, что ему делать; и тот приказывает ему помнить прежде всего о долге мести. Повинуясь этому приказанию, Орест убивает мать, но этим навлекает на себя гнев Эриний, богинь мщения, которые отныне не дают ему покоя (кризис). Он ищет убежища в Дельфах, в храме Аполлона; и тот обещает ему не покидать его и велит обратиться к суду Афины. Преследуемый Эриниями, Орест бежит в Афины: сама богиня учреждает суд — Ареопаг, который оправдывает Ореста (кайрос). Таким образом, Орест преодолевает не только личную драму (отмщение за отца = убийство матери), но привносит в мир учреждение суда (Ареопага) (гносис).

Однако важным условием валидности сформулированной модели было бы ее применение к анализу ситуаций из совершенно

другой культурной и теологической традиции. В этой связи попытаемся осмыслить феномен «героя» и «героизма» в контексте Танаха (Ветхого Завета) и возникшей в его контексте устной традиции (Устная Тора).

Прежде всего отметим, что существенно отличается сам культурный статус героя: вместо автономного человеческого совершенства (арете) на первый план выходит верность и послушание Б-гу в момент испытаний. Сама феноменология кризиса оказывается напрямую связана с испытанием веры, кайрос — с моментом испытания, а гнозис есть прямое Б-жественное Откровение и благословение, осуществляемое из самого центра катастрофы.

В этом отношении первым героем Танаха, несомненно, является Авраам. Господь испытывает его со все возрастающей жесткостью. Сначала Авраам по приказу Всевышнего оставляет свою родину: «И сказал Господь Авраму: уйди из земли твоей, от родни твоей и из дома отца твоего в землю, которую Я укажу тебе» (Быт. 12:1). Долгое время он остается бездетным: «И сказал Аврам: Владыка Господи! что Ты дашь мне? я остаюсь бездетным; распорядитель в доме моем этот Элиэзер из Дамесека. И сказал Аврам: вот, Ты не дал мне потомства, и вот, домочадец мой наследует мне» (Быт. 15:2–3). Но самым трудным испытанием оказывается последнее, когда Всевышний требует принести в жертву сына Авраама — Ицхака: «И сказал [Бог]: возьми сына твоего, единственного твоего, которого ты любишь, — Ицхака, — и пойдь в землю Мория и принеси его там во всеожжение на одной из гор, о которой Я скажу тебе» (Быт. 22:2).

В этом отношении библейское повествование строится в логике нарастающего кризиса, и его высшей точкой оказывается неразрешимое противоречие между обетованием «И Я произведу от тебя народ великий, и благословлю тебя, и возвеличу имя твое; и будешь ты в благословение. И Я благословлю благословляющих тебя, а злословящего тебя прокляну; и благословятся в тебе все племена земные» (Быт. 12:2–3) и требованием принести Ицхака в жертву. В этих условиях Авраам достигает абсолютного кайроса: «И простер Авраам руку свою, и взял нож, чтобы зарезать сына своего» (Быт. 22:10), но кайрос Авраама пробуждает кайрос Всевышнего: «Но ангел Бога воззвал к нему с неба и сказал: “Авраам! Авраам!” И он сказал: “Вот

я!». И сказал тот: «Не заноси руки твоей на отрока и не делай ему ничего, ибо узнал уже Я теперь, что ты боишься Всесильного»» (Быт. 22:11–12).

Вместо сына Авраам приносит в жертву ягненка, и последующее откровение не только повторяет уже имеющиеся благословения, но создает новую духовную реальность мира: «И благословляться будут потомством твоим все народы земли за то, что слушался ты Меня!» (Быт. 22:18).

В определенной степени противоположный «героический опыт» связан с царем Давидом, который совершает тяжелый грех (2Цар. 11–12): увидев с крыши дворца купающуюся Вирсавию, жену своего воина Урии Хеттеянина, он приказывает привести ее к себе и вступает с ней в связь. Когда Вирсавия сообщила, что беременна, Давид попытался скрыть грех: он вызвал Урию с фронта, надеясь, что тот проведет ночь с женой. Но Урия, верный воинскому долгу, отказался от домашнего уюта, пока его товарищи на войне. Тогда Давид отправил его обратно с письмом к военачальнику, где приказал: «И написал он [Давид] в письме так: поставьте Урию там, где будет самое сильное сражение, и отступите от него, чтобы он был поражен и умер» (2Цар. 11:15).

Гибель Урии становится источником «негативного кайроса»: ребенок от греховной связи умирает, а в семье Давида начинаются распри и насилие. Однако в результате множественных сюжетов глубочайшего раскаяния Давид удостоивается особого упоминания: «А ты, если будешь ходить предо Мною, как отец твой Давид, в чистоте сердца и правоте, исполняя все, что Я заповедал тебе... то Я поставлю престол царства твоего над Израилем навек...» (1Цар. 9:4), — с этими словами обращается Всевышний к сыну Давида — царю Соломону. Более того, именно образ Давида становится базовым архетипом еврейского царя (а Иерусалим — духовным центром Израиля), и даже будущие события, такие как строительство Храма сыном Давида Соломоном, сопряжены с его именем, и его же имя («Сын Давида») оказывается пророчески связано с Мессией.

Но наиболее ярким и парадоксальным примером «героического гнозиса» в Танахе является, несомненно, Книга Иова, в центре которой — трагическая история Иова, «раба Моего Иова... челове-

ка непорочного и справедливого, боящегося Бога и удаляющегося от зла» (Иов 1:8, 2:3).

Кризис, переживаемый Иовом, не имеет никаких рациональных объяснений, кроме спора Бога и сатана об истоках праведности Иова: «И отвечал сатан Господу и сказал: разве даром Богобоязнен Иов? Ведь Ты оградил кругом его, и дом его, и все, что (есть) у него? Дело рук его благословил Ты, и скот его распространился по земле. Но простри-ка руку Твою и коснись всего, что (есть) у него, клянусь, пред лицом Твоим Тебя хулить станет. И сказал Г-сподь сатану: вот, все, что (есть) у него, в руке твоей, только на него не простирай руки своей. И вышел сатан от Г-спода» (Иов 1:9–12).

В результате Иов последовательно теряет все: имущество, слуг, детей, здоровье; кризис охватывает все его существование, при этом нет никакого греха, за который можно было бы вменить Иову все горести. И в этот момент возникает «ложный кайрос»: к Иову приходят трое друзей: «И услышали трое друзей Иова обо всей этой беде, постигшей его, и пришли каждый из места своего: Элифаз, тэйманитянин, и Бильдад, шухиянин, и Цофар, нааматянин, и договаривались вместе прийти (к нему), чтобы соболезновать ему и утешать его» (Иов 2:11).

Однако их утешения строятся на том, что Иов все-таки грешен, а Бог справедлив, и они пытаются доказать ему, что суть происходящего в неготовности Иова признать свой грех. В ответ на их увещевания и обвинения Иов обращается к своему внутреннему «гнозису», исток которого — понимание собственной невиновности и вопль о справедливости, вплоть до прямого вызова Всевышнему: «...знайте, что Бог извратил правду мою и обложил меня сетями своими» (Иов 19:6).

В этом вопле тесно сплетаются самые противоречивые мотивы. Иов призывает Бога в Свидетели и Искупители: «О, если бы записаны были слова мои!.. А я знаю, Искупитель мой жив, и Он в последний день восставит из праха распадающуюся кожу мою сию. И я во плоти моей узрю Бога. Я узрю Его сам; мои глаза, не глаза другого, увидят Его» (Иов 19:23–27). Он требует справедливости: «Знамена Свои Он поставил предо мною... Если грешен я — горе мне! А если прав — не смею поднять головы... За что скрываешь лицо Твое и считаешь меня врагом Тебе?» (Иов 10:17, 15–16; 13:24).

И в решающий момент Иов слышит ответ Бога из бури. При этом Бог не отвечает напрямую на вопрос «За что?», но дает свидетельство о Своем всемогуществе (кайрос). Ответ Иова: «Вот, я ничтожен; что буду я отвечать Тебе? Руку мою полагаю на уста мои» (Иов 40:3) и «Я слышал о Тебе слухом уха; теперь же мои глаза видят Тебя» (Иов 42:5), — есть одновременно свидетельство недостаточности и ограниченности человеческого познания, но одновременно раскрытие гораздо более высокого Знания, превосходящего любые человеческие представления.

Несомненно, образ Иова не только и не столько воплощает некоторого исторического персонажа, но является архетипом. В этой связи весьма характерна талмудическая дискуссия (Бава Батра, 15б–16а):

«Раби Шмуэль бар Нахмани сказал от имени раби Ионатана: Иов не существовал и не был создан, а был лишь притчей... Раба сказал: Иов был и был создан. Когда он жил? Во дни Авраама... Другие говорят: во дни Иакова... А раби Леви сказал: Иов был из тех, что вернулись к Богу в дни пророка Иезекииля».

Г.К. Честертон в своем эссе «Книга Иова»¹⁷ отмечает особое достоинство «упрямой честности», которая угодна Богу больше, чем благочестивая ложь: «Книга Иова — это не о том, что человек, даже лучший, всего лишь червь перед Богом. Она о том, что Бог достаточно горд Своим слугой Иовом, чтобы позволить ему поносить Себя... Друзья Иова выступают как рационалисты, предлагающие компромисс. Иов же требует невозможного — встречи с Богом лицом к лицу. И получает ее. Бог хвалит Иова за то, что тот говорил о Нем верно, а друзей — за то, что говорили неверно».

Эли Визель, переживший Холокост, в «Пяти библейских портретах»¹⁸ говорит об Иове как прототипе жертвы Катастрофы, чей героизм — в отказе от молчания и достоинстве вопрошания:

«Иов — это человек, который отказывается от утешителей... Он восстает. Его бунт — единственный достойный ответ на абсурд... Но в конце он уступает. Почему? Не потому, что он сломлен. А потому, что он понял: бунт — это диалог. Бог отве-

¹⁷ Честертон (2002).

¹⁸ Wiesel (2023).

тил ему. И ответ Бога был вопросом. Но даже вопрос — это ответ. Быть услышанным Богом — это уже победа».

Однако помимо всех современных коннотаций Иов производит еще один эффект: по сути, он принадлежит к античным героям, бунтующим против Небес, совершенно непоколебимых лишь в одном — отстаивании своего человеческого достоинства даже перед лицом высших сил. В этом отношении он — архетип, в равной степени принадлежащий и еврейской традиции Танаха, и классической традиции, что само по себе задает некоторое поле возможностей для образования будущего.

Действительно, воспитание античного героя напоминает, скорее, работу ремесленника по созданию произведения искусства: его разум оттачивают в диалогах, тело шлифуют физическими упражнениями и играми с единственной целью: создать самодостаточный шедевр человеческой природы, способный украсить полис и достичь личного блаженства.

Личный героизм, совершенно очевидно, не является общепризнанным приоритетом и целью еврейского образования и воспитания. И тем не менее весь строй содержания образования — «еврейского книжного шкафа» — есть недвусмысленная подготовка человека к служению Богу, то есть постоянному нахождению на связи со Всевышним. Если античная традиция воспитания героев ищет ответ на вопрос о том, *каким должен быть совершенный человек*, то еврейская традиция задается вопросом о том, *что значит быть человеком* и какая жизнь является подлинно человеческой. В связи с этим весьма вероятной (и до некоторой степени необходимой) ступенью развития образования в XXI веке станет создание школы, воспитывающей «героев нашего времени». В заключительном разделе статьи сформулируем некоторые (вполне предварительные) соображения относительно того, какой эта школа может быть.

IV

Наиболее распространенной и наименее спорной констатацией, относящейся к любой сфере человеческого бытия в последние десятилетия, является признание ее *кризиса*. Трудно найти хотя бы один аспект человеческого бытия, общественную подсистему или культурную институцию, которая бы избежала этого кризиса: разные

сферы лишь соревнуются в том, чей кризис (экологический, технологический, демографический, политический, образования и здравоохранения и др.) выглядит наиболее тяжелым, и требующим для своего преодоления наибольшего количества затрат и усилий.

Характерным примером того, как усугубляется даже сама концептуализация кризиса, может служить сдвиг аббревиатур, описывающих современное состояние мира. Еще в середине 1980-х годов появилась и начала распространяться аббревиатура VUCA-мир, обозначающая четыре фундаментальных свойства: Volatility (V) — изменчивость, Uncertainty (U) — неопределенность, Complexity (C) — сложность, Ambiguity (A) — двусмысленность. В 2016 году был предложен новый концепт — BANI, включающий четыре еще более экстремальные характеристики: Brittle (B) — хрупкий, Anxious (A) — тревожный, Nonlinear (N) — нелинейный, Incomprehensible (I) — непостижимый. В 2022 году на волне постковидного разочарования и военно-политического кризиса в мире была предложена новая аббревиатура SHIVA: Split (S) — расщепленный, не признающий длительных программ и планов; Horrible (H) — ужасный, порождающий возрастающее чувство опасности и тревоги; Inconceivable (I) — невообразимый, не позволяющий быть уверенным ни в чем; Vicious (V) — беспощадный, угрожающий самыми тяжелыми последствиями за любые, даже вполне невинные, действия; Arising (A) — возрождающийся, постоянно меняющий свои требования и условия. Очевиден и духовный подтекст последнего переименования, связанного с индуистским божеством Шивой — разрушителем всего сущего с целью создания пространства для нового творения.

В этих условиях любое человеческое бытие действительно начинает осмысливаться как героическое, поскольку противостояние опасностям и угрозам оказывается неизбежным условием каждой жизни. Выбор альтернатив, искушение откладывания срочных дел и обязательств (прокрастинация), готовность к постоянному изменению планов и произвольному, не всегда понятному самому человеку действию образуют тот самый тотальный кайрос, входящий внутрь хроноса.

При этом происходит парадоксальная трансформация. С одной стороны, традиционно противостоящие друг другу ценностные идеа-

лы (как те же самые классическая античная и еврейская традиции) перестают конфликтовать, поскольку и личное совершенство, и благополучие полиса, и исполнение Божественного закона оказываются разными аспектами одного и того же действия. С другой стороны, сама его возможность оказывается все более и более проблематичной и призрачной, но познание (гнозис) индивидуального и коллективного разума, Откровения и Закона оказываются взаимодополняющими и неразрывно связанными аспектами человеческого бытия в условиях непреодолимой сложности мира и времени.

Это качественно меняет и роль школы, превращая ее из государственного и стабильного института, обеспечивающего подготовку к некоторой «будущей» жизни, в духовное пространство и время поддержки человеческого бытия и самоопределения (а также — самопреодоления). сакральное пространство инициации и духовной трансформации. Фактически теория образования трансформируется в сотериологию — учение о спасении в условиях погружающегося в кризис мира с опорой на духовные истоки мира и понимание причин его нынешнего кризиса.

Именно полнота и уровень духовного раскрытия оказываются основой иерархии, позволяющей каждому в меру своих сил и способностей находить в этом пространстве поддержку, опору и стимул к развитию и познанию. Обеспечивающая их школа возникает на стыке различных традиций, среди которых и античная пайдейя, и еврейская талмуд-тора, и современные практики этнокультурного и глобального развития. Именно это сочетание позволяет предотвратить проявление множественных опасностей, связанных с односторонним возрождением моделей и практик прежних эпох. Напротив, их синтез в школе XXI века призван создать человека, который использует мощь технологий и разума (античный дар) для служения жизни, достоинству и будущему планеты, обретаемому через древние пророчества (библейская традиция).

Мы должны совершенно определенно сказать: на сегодняшний день ни одна из существующих школ не позволяет говорить о ней как об адекватной институционализации «героического образования» для XXI века. В то же время отдельные элементы «школы будущего» можно найти в таких кажущихся противоположными феноменах, как школы с этнокультурным компонентом в России;

Great Hearts Academies в США (URL: <https://www.greathartsamerica.org>); TALI schools в Израиле (URL: <https://www.jewishinteractive.org/project/tali>); школы, внедряющие программу Philosophy for Children (P4C); United World Colleges (UWC) (URL: <https://uwc.org>), «супершколы» в Китае и т. д. Однако в любом случае и в любом сочетании «героическая школа» XXI века будет опираться на глубокую этическую работу и воспитание ответственного отношения к миру и своему существованию в нем; критический диалог и работу по осмыслению и переосмыслению канонических текстов и традиций; ориентацию на решение проблем большой общественной и культурной значимости на ценностно-смысловой основе; интеграцию высоких (в первую очередь информационных) технологий с гуманистической этикой.

Несомненно, «героическая школа» XXI века будет определяться через переосмысление и изменение отношений между базовыми категориями традиций — классической и библейской на фоне все более активного проникновения цифровых технологий и искусственного интеллекта в пространство образования. Именно в этом соединении прежних инстанций человеческого бытия: анамнесиса (ἀνάμνησις) — воспоминания, поэзиса (ποίησις) — созидания, праксиса (πρᾶξις) — действия ради цели, гносиса (γνώσις) — познания истины в контексте заданного этоса (ἦθος) — основы личности, совокупности привычек и ценностей, из которых проистекает поведение и в выборе кайроса (καίρος) — уникального момента, когда происходит решающее событие («образовательный акт»). Здесь же мы можем обнаружить возможность со-присутствия и включения таких важных феноменов традиции еврейского образования, как:

- обучение в хевруте (אָהֶבֶת) — парное изучение текста, в процессе которого ученики спорят, задают друг другу вопросы;
- шиур (שׁוּר) — урок, лекция, посвященная разбору конкретного текстового фрагмента под руководством учителя (раввина);
- пилпул (פֶּלְפּוּל) — острая дискуссия, способ изучения Талмуда, предполагающий расчленение понятий, нахождение противоречий и их разрешение;
- друш (דְּרוֹשׁ) — толкование текста, ориентированное на извлечение глубинных смыслов и намеков в тексте, часто выходящих за рамки простого понимания.

Задача «героической школы» для XXI века — не воспроизводство тех или иных моделей прошлых эпох, но архитектура такого синтеза в конкретном образовательном пространстве при сознательном соединении этих разрозненных, но мощных практик для решения ключевой задачи — выживания и достойной жизни человечества в XXI веке.

Материал поступил в редакцию 02.02.2026.

*Материал поступил в редакцию после рецензирования
21.03.2026.*

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Wiesel, E. (2023) *Five Biblical Portraits by Elie Wiesel*. University of Notre Dame Press. 190 p.
- Горелова, Т.А., Хлопонина, О.О., Безрукова, О.В. (2022) «Динамика системы “Герой — Антигерой” в истории культуры», *Знание. Понимание. Умение*, 2, 179–197. [Gorelova, T.A., Hloponina, O.O., Bezrukova, O.V. (2022) «Dinamika sistemy “Geroj — Antigeroj” v istorii kul’tury», *Znanie. Ponimanie. Umenie*, 2, 179–197].
- Ерохина, Т.И. (2020) «Героизация личности и быта в советской культуре начала XX века: генезис и трансформация», *Ярославский педагогический вестник*, 4(115), 147–155. [Erohina, T.I. (2020) «Geroizacija lichnosti i byta v sovetskoj kul’ture nachala XX veka: genezis i transformacija», *Yaroslavskij pedagogicheskij vestnik*, 4(115), 147–155].
- Йонас, Г. (1998) *Гностицизм (Гностическая религия)*. СПб.: Издательство «Лань». 384 с. [Jonas, G. (1998) «Gnostitcizm (Gnosticheskaja religija)» SPb.: Izdatel’stvo «Lan’». 384 s.].
- Матурова, Э.З. (2010) «Исторический гностицизм и современная культурология: экзистенциальный подход», *Казанский педагогический журнал*, 3, 172–178. [Maturova, Je.Z. (2010) «Istoricheskij gnostitcizm i sovremennaja kul’turologija: jekzistencial’nyj podhod», *Kazanskij pedagogicheskij zhurnal*, 3, 172–178].
- Межуев, Б.В. (2023) «Консервативное просвещение» как «Героизация настоящего», *Кантовский сборник*, 3(42), 130–158. DOI: 10.5922/0207-6918-2023-3-6 [Mezhuev, B.V. (2023) «Konservativnoe prosveshhenie» kak «Geroizacija nastojashhego», *Kantovskij sbornik*, 3(42), 130–158].
- Неожиданный Честертон: Рассказы. Эссе. Сказки (2002) / пер. с англ.; сост., биограф. очерки и общ. ред. Н. Трауберг. М.: Истина и Жизнь.*

- 368 с. [«Neozhidannyj Chesterton: Rassказы. Jesse. Skazki» (2002) / per. s angl.; sost., biograf. ocherki i obshh. red. N. Trauberg. M.: Istina i Zhizn'. 368 s.].
- Оболкина, С.В. (2009) «Онтологическое измерение на рубеже античности и Средневековья», *Антиномии*, 9, 185–200. [Obolkina, S.V. (2009) «Ontologicheskoe izmerenie na rubezhe antichnosti i Srednevekov'ja», *Antinomii*, 9, 185–200].
- Панкратов, В.Н. (2015) «К вопросу о героизации, или кто, как и зачем формирует легендарную личность», *Вестник Международного института экономики и права*, 1(18), 97–104. [Pankratov, V.N. (2015) «K voprosu o geroizacii, ili kto, kak i zachel formiruet legendarnuju lichnost'», *Vestnik Mezhdunarodnogo instituta jekonomiki i prava*, 1(18), 97–104].
- Проходимова, Е.М. (2017) «Принципы воспитания готовности к противодействию героизации нацистских преступников и их пособников у студентов», *Ученые записки университета им. П.Ф. Лесгафта*, 2(144), 201–205. [Prohodimova, E.M. (2017) «Principy vospitanija gotovnosti k protivodejstviju geroizacii nacistskih prestupnikov i ih posobnikov u studentov», *Uchenye zapiski universiteta im. P.F. Lesgafta*, 2(144), 201–205].
- Пятилетова, Л.В., Панагушина, Ю.С. (2013) «Человек и судьба в зеркале Античной культуры», *Концепт*, 9(25), 26–30. [Pjatiletova, L.V., Panagushina, Ju.S. (2013) «Chelovek i sud'ba v zerkale Antichnoj kul'tury», *Koncept*, 9(25), 26–30].
- Савин, А.И. (2014) «“Страна должна знать своих героев”: советский героизм как социальный трамплин (1920–1930-е годы)», *Всероссийский экономический журнал ЭКО*, 12(486), 159–171. [Savin, A.I. (2014) «“Strana dolzhna znat' svoih geroev”»: sovetskij geroizm kak social'nyj trampolin (1920–1930-e gody)», *Vserossijskij jekonomicheskij zhurnal JeKO*, 12(486), 159–171].
- Савинков, С.В. (2005) «Герой и проблема героизации в понимании М.М. Бахтина», *Новый филологический вестник*, 1, 188–194. [Savinkov, S.V. (2005) «Geroj i problema geroizacii v ponimanii M.M. Bahtina», *Novyj filologicheskij vestnik*, 1, 188–194].
- Сухих, О.С. (2023) «Павлик Морозов в постсоветской действительности (по роману В.П. Крапивина “Бронзовый мальчик”», *Литера*, 10, 160–170. [Suhih, O.S. (2023) «Pavlik Morozov v postsovetskoj dejstvitel'nosti (po romanu V.P. Krapivina “Bronzovyj mal'chik”)», *Litera*, 10, 160–170].
- Хайдеггер, М. (2007а) «Письмо о гуманизме», *Время и бытие*. СПб.: Наука, 266–305. [Hajdegger, M. (2007a) «Pis'mo o gumanizme», *Vremja i bytie*. SPb.: Nauka, 266–305].

- Хайдеггер, М. (2007б) «Поворот», *Время и бытие*. СПб.: Наука, 350–358. [Hajdegger, M. (2007б) «Povорот», *Vremja i bytie*. SPb.: Nauka, 350–358].
- Челышев, П.В. (2014) «Человек античной мифологии: природа героя и личный выбор судьбы», *Вестник Костромского государственного университета*, 4(20), 213–216. [Chelyshev, P.V. (2014) «Chelovek antichnoj mifologii: priroda heroja i lichnyj vybor sud'by», *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta*, 4(20), 213–216].
- Шмелева, Н.В. (2018) «Героизация повседневности в контексте культурных страхов современности», *Международный журнал исследований культуры*, 3(32), 44–52. [Shmeleva, N.V. (2018) «Geroizacija povsednevnosti v kontekste kul'turnyh strahov sovremennosti», *Mezhdunarodnyj zhurnal issledovanij kul'tury*, 3(32), 44–52].

THE CRISIS — KAIROS — GNOSIS TRIAD AS A METHOD FOR RECONSTRUCTING THE HEROIC IN EDUCATION

ANCIENT AND BIBLICAL CONTEXTS

Alexander BERMUS

The contemporary crisis of education is interpreted as a systemic shift that extends far beyond institutional difficulties and affects the very foundations of human existence — its semantic, temporal, and anthropological coordinates. At the same time, crisis appears as a necessary environment and condition for the heroic formation of the individual. As an analytical tool, the article proposes an original triadic model: “Crisis (Κρίσις) — Kairos (Καῖρός) — Gnosis (Γνώσις).” Within this framework, crisis is understood as the moment of greatest danger that generates an existential demand for the emergence of a hero; kairos is interpreted as a unique, meaning-laden moment within linear time (*chronos*), a point of rupture at which a decisive choice and action take place; and gnosis denotes a profound and transformative knowledge–revelation that becomes the source of the hero’s strength and a new foundation for consciousness and action. This model is applied to a comparative analysis of the educational potential of the ancient Greek and Jewish (biblical) traditions. Drawing on the figures of Socrates, Achilles, and Odysseus, the article shows how the ancient hero affirms human dignity through autonomous excellence (ἀρετή), defiance of fate, and the pursuit of eternal glory (κλέος). In the biblical tradition, examined through the

narratives of Abraham, David, and Job, heroism is rooted in fidelity and dialogue with God, while gnosis is attained as direct divine revelation at the moment of the greatest trial. Particular attention is devoted to the figure of Job as an archetypal image of the hero, whose rebellion and questioning become a form of dialogue with a higher power. The study culminates in the concept of a “heroic school” for the twenty-first century. Its aim is not the nostalgic reproduction of past forms but the conscious synthesis of powerful educational practices: the ancient *paideia*, Jewish methods of paired study and intense debate (*chevruta, pilpul*), and contemporary technologies. Such a school should become a space of initiation and spiritual transformation, preparing individuals for life in conditions of permanent crisis and fostering personalities capable of creating both personal and collective integrity in a fragmented and uncertain world.

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЕ ТРАДИЦИИ АНТИЧНОСТИ И СРЕДНИХ ВЕКОВ

РАБОЧАЯ ПРОГРАММА ДИСЦИПЛИНЫ
ДЛЯ ПОДГОТОВКИ МАГИСТРОВ
ПО НАПРАВЛЕНИЮ 520800 «ИСТОРИЯ»*

Аннотация

Дисциплина «Интеллектуальные традиции Античности и Средних веков» является частью профессионального цикла (вариативная часть) дисциплин подготовки магистрантов по направлению «История». Дисциплина может быть реализована кафедрами, ориентированными на обучение магистрантов проводить теоретические и / или междисциплинарные исследования в области гуманитарного знания. Содержание дисциплины охватывает круг вопросов, связанных с интеллектуальными традициями Античности и Средних веков.

Дисциплина направлена на формирование следующих компетенций учащегося:

- ОК-1 — владение культурой мышления: способность к обобщению, анализу, восприятию информации, постановке цели и выбору путей её достижения;
- ОК-2 — способность логически верно, аргументировано, ясно и четко выстраивать устную и письменную речь;
- ОК-9 — использование основных положений и методов гуманитарных наук при решении социальных и профессиональных задач;
- ОК-12 — способность использовать навыки работы с информацией из различных источников для решения профессиональных задач;

* Программа подготовлена в рамках поддержанного РФ проекта № 24–18–00349 «Представления о мире и мироздании в историческом контексте и социокультурном развитии европейского общества».

- ПК-1 — способность использовать в исторических исследованиях базовые знания в области всеобщей и отечественной истории;
- ПК-3 — способность использовать в исторических исследованиях базовые знания в области источниковедения, специальных исторических дисциплин, историографии и методов исторического исследования;
- ПК-4 — способность использовать в исторических исследованиях базовые знания в области теории и методологии исторической науки;
- ПК-5 — способность понимать движущие силы и закономерности исторического процесса; место человека в историческом процессе, организации общества;
- ПК-6 — способность понимать, критически анализировать и использовать базовую историческую информацию;
- ПК-7 — способность к критическому восприятию концепций различных историографических школ.

Программой предусмотрены следующие виды контроля: текущий (промежуточный) контроль успеваемости в форме письменных изложений, итоговый контроль в форме письменной работы (реферата). Общая трудоемкость освоения дисциплины составляет 2 зачетные единицы, 72 часа.

Программой дисциплины предусмотрены лекционные, практические и семинарские занятия — 18 часов, самостоятельная работа студента — 54 часов.

Предметом дисциплины является круг проблем, связанных с возникновением и становлением интеллектуальных традиций в Античности, их трансформацией и усвоением в эпоху Средних веков. **Цель дисциплины** — изучение основополагающих интеллектуальных традиций Античности и Средних веков, путей и форм их развития. **Задачи дисциплины:**

— познакомить обучающихся с основными интеллектуальными традициями Античности (в т.ч. натурфилософской, теологической, комментаторской, риторико-грамматической, литературной и др.), показать способы их восприятия и усвоения, трансформации и рецепции средневековыми авторами;

- выявить способы возникновения «новых» (средневековых) традиций;
- определить основные подходы к проблематике, связанной с интеллектуальными традициями Античности и Средних веков;
- изучить типы и жанры письменных средневековых источников, отражающих античное знание;
- сформировать у магистрантов навыки самостоятельной работы с источниками (включая оригинальные тексты).

Место дисциплины в структуре основной образовательной программы высшего профессионального образования (ООП ВПО). Дисциплина «Интеллектуальные традиции Античности и Средних веков» является частью Профессионального цикла (М.2) дисциплин подготовки магистров по направлению «История» 030600.68. Дисциплина может быть реализована кафедрами ВУЗов, ориентированными на обучение магистрантов проводить теоретические и / или междисциплинарные исследования в области гуманитарного знания.

Дисциплина является курсом по выбору (КПВ-1) вариативной части Профессионального цикла дисциплин, читается во втором семестре. Данная дисциплина логически и содержательно-методически связана с дисциплинами: «Междисциплинарные подходы в современной исторической науке», «Актуальные проблемы исторической науки», «Диалог культур и цивилизаций», «История гуманитарных наук».

Дисциплина входит в КПВ-1 учебного плана.

Компетенции обучающегося, формируемые в результате освоения дисциплины. Дисциплина формирует следующие компетенции:

- ОК-1 — владение культурой мышления (способность к обобщению, анализу, восприятию информации, постановке цели и выбору путей её достижения);
- ОК-2 — способность логически верно, аргументировано и ясно строить устную и письменную речь;
- ОК-9 — использовать основные положения и методы гуманитарных наук при решении профессиональных задач;
- ОК-10 — способность анализировать социально-значимые проблемы и процессы;

- ОК-12 — способность использовать навыки работы с информацией из различных источников для решения профессиональных задач;
- ПК-1 — способность использовать в исторических исследованиях базовые знания в области всеобщей и отечественной истории;
- ПК-3 — способность использовать в исторических исследованиях базовые знания в области источниковедения, специальных исторических дисциплин, историографии и методов исторического исследования;
- ПК-4 — способность использовать в исторических исследованиях базовые знания в области теории и методологии исторической науки;
- ПК-5 — способность понимать движущие силы и закономерности исторического процесса; место человека в историческом процессе;
- ПК-6 — способность понимать, критически анализировать и использовать базовую историческую информацию;
- ПК-7 — способность к критическому восприятию концепций различных историографических школ.

В результате освоения дисциплины обучающийся должен знать

— современное состояние проблемы, связанной с выявлением, существованием и трансформацией различных интеллектуальных традиций в Античности и Средние века;

получить представление

— о месте интеллектуальных традиций в системе исторического знания;

освоить

— основные способы изучения конкретной интеллектуальной традиции, существовавшей в Античности, в Средние века;

уметь

— «читать» источник, отбирать, сопоставлять и тщательно анализировать полученную информацию;

— распознавать специфику источника;

— использовать аналитические методы в историческом исследовании;

- создавать реконструкцию развития, рецепции и трансформации конкретной интеллектуальной традиции.
- самостоятельно определить принадлежность античного или средневекового автора к интеллектуальной традиции (или их совокупности).

Структура дисциплины

Общая трудоёмкость дисциплины — 2 зачётные единицы (72 ч.). Из них: аудиторная работа — 18 часов, самостоятельная работа — 54 ч., в том числе подготовка к практическим и семинарским занятиям и аттестационным письменным работам (промежуточным) итоговым (зачётным).

№	Раздел дисциплины	Семестр	Неделя семестра	Виды учебной работы, включая самостоятельную работу студентов и трудоемкость (в часах)				Формы текущего контроля успеваемости (по неделям семестра) Форма промежуточной аттестации (по семестрам)
				лекции	практич. занятия	семинары	сам. работа	
1	I. Введение. Инструментарий, библиографический гид. Периодизации Античности и Средних веков II. Античность и ее интеллектуальное наследие. Своды античного знания и способы его сохранения. Существование различных интеллектуальных традиций в Античности. Способы выяв-	2	1-3	2	2	2	12	Выбор темы письменной работы; составление списка источников и литературы, составление плана работы, подготовка к практическому занятию, работа с источниками в библиотеке

МЕТОДИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ

	ления интеллектуальных традиций Античности							
2	III. Трансформация античного знания в Средние века. Культурные центры и их деятельность. Становление «новых», средневековых интеллектуальных традиций	2	4-6	2		2	8	Выбор темы письменной работы; подготовка к семинарскому занятию, работа с источниками и литературой в библиотеке. Подготовка к докладу-презентации
3	IV. Сосуществование интеллектуальных традиций в Средние века: общее и особенное	2	7-9	2		2	8	Подготовка к семинарскому занятию; работа с источниками и литературой в библиотеке. Подготовка к докладу-презентации
4	V. Преемственность и разрывы в интеллектуальных традициях Античности и Средних веков VI. Место интеллектуальных традиций в европейском гуманитарном знании	2	10-12	2		2	8	Подготовка к семинарскому занятию, работа с источниками и литературой в библиотеке. Подготовка к докладу-презентации
			14				18	Зачёт (письменная работа)
	Всего			8	2	8	54	

Настоящий курс отражает авторский подход к рассмотрению проблемы, находящейся в отечественной историографии в стадии изучения. Источниковой базой курса служат латинские тексты (и их переводы на русский язык). Основные методы изучения курса — работа с источниками, дискуссии по основным проблемам курса.

Содержание дисциплины

I. Введение. 1. Инструментарий (манускрипты, их обозначения; систематизация рукописей, ее необходимость; семейства манускриптов, способы составления стемм; критические издания латинских текстов; работа с критическим аппаратом). 2. Библиографический гид (базовые издания латинских текстов, серийные издания; отечественные серийные академические издания переводов текстов, способы работы с ними; словари, справочные пособия; электронные ресурсы, способы их использования). 3. Античность и Средние века. Историческая ситуация. Общепринятая периодизация Античности: ранняя Античность (VIII в. до н.э. – II в. до н.э.) — зарождение Римской империи; классическая Античность (I в. до н.э. – I в.) — «золотой век» античного мира (время единства греко-римской цивилизации); Поздняя Античность (II–V вв.) — распад Римской империи. Различные периодизации Средних веков (V в. – перв. пол. XVII в.), принятые отечественными и зарубежными специалистами, причины их различия и способы выбора одной из них применительно к собственным исследованиям: 1) Периодизация, охватывающая V–XV вв. (V–IX вв. — раннее Средневековье; X–XIII вв. — высшее Средневековье; XIV–XV вв. — позднее Средневековье); 2) Периодизация (принятая историками СССР), охватывающая V – сер. XVII вв. (V–XI вв. — раннее Средневековье: время формирования в Европе феодального способа производства; кон. XI–XVI вв. — классическое Средневековье: период развитого феодализма; XVI – сер. XVII вв. — позднее Средневековье: период разложения феодализма и зарождение капиталистического способа производства); 3) Периодизация (принятая в зарубежной историографии), охватывающая V–XV вв. (V–VII вв.: период возникновения новых королевств, рожденных из синтеза двух культур — варварской и римской; VIII–X вв.: период создания германцами Каролингского мира; X–XIII вв. — период формирования единой Европы; XIV–XV вв. — период кризиса, представляющего собой

трансформацию культуры); 4) Эпоха «Долгого Средневековья» (обозначенная в зарубежной историографии), начинающаяся с II–III вв. (с нашествия варварских племен на территорию Римской империи, начало кризиса империи) и продолжающаяся до начала XX в.). 4. Классификация источников, их типы (в т.ч. природно-географические, этнографические, вещественные, художественно-изобразительные; письменные); классы, виды, типы и разновидности письменных источников Античности и Средних веков, их общая характеристика.

II. Античность, ее интеллектуальное наследие. Своды античного знания (на примере сочинений Калкидия, Макробия, Марциана Капеллы), способы его сохранения. 1. Калкидий и его «Комментарий на ‘Тимей’ Платона». Реконструированная биография Калкидия. Содержание и построение трактата, греческие источники, основные темы (о сотворении мира; о мире и о том, что содержится в нем; о времени; о душе, ее частях и месте; о свойствах и качествах человека; о материи, судьбе, демонологии). Экзегетический метод составления текста (традиционный для греческих и латинских авторов — Александра Афродисийского, Порфирия, Сириана, Прокла, Макробия). Текст Калкидия как компендий представлений позднеэллинистических школ: платонической, перипатетической, стоической). Влияние Калкидия на средневековых авторов. 2. Макробий и его «Комментарий на ‘Сон Сципиона’». Реконструированная биография Макробия. Содержание и построение трактата; греческие и латинские источники; способы компоновки текста. Основные темы сочинения (о мироздании, о душе), традиционный метод составления текста (восходящий к Ямвлиху, Калкидию, Проклу). «Сатурналии» Макробия и античная литературная традиция. Основные темы «Сатурналий» (творчество Вергилия, литературная критика Вергилия; солнечный монотеизм). Работа Макробия «О различиях и сходствах греческих и латинских глаголов» и латинская грамматическая традиция. Тексты Макробия как компендий античного знания. Макробий как систематизатор предшествующего знания. Влияние Макробия на средневековых авторов. 3. Марциан Капелла и его сочинение «О свадьбе Филологии и Меркурия». Принадлежность сочинения к римской риторической традиции (а не философской греческой). Реконструированная биография Марциана. Содер-

жание и построение сочинения; греческие и латинские источники («Мениппиевы сатиры» как образец сочетания стиха и прозы; «Метаморфозы» Апулея как образец аллегорического изложения, «Десять наук» Варрона как образец изложенного свода дисциплин), метод составления текста; основные темы (мироздание, человеческая душа) в сочетании с изложением сформировавшегося знания по семи дисциплинам (грамматике, риторике, диалектике, арифметике, астрономии, геометрии [географии], гармонии). Сочинение Марциана как характерный пример состояния позднеримской науки. Влияние текста Марциана на средневековых авторов. 4. Семь свободных искусств как канон научного знания. Становление канона, его представители (Августин, Макробий, Марциан Капелла, Боэций, Исидор Севильский). Сосуществование различных интеллектуальных традиций в Античности. Способы их выявления. Латинская грамматическая традиция (Донат и его комментаторы).

III. Трансформация и усвоение античного знания в Средние века. 1. Латинский язык в Средние века и способы его изучения. Трансформация латинского языка (орфография и произношение, морфология и синтаксис; вокабуляр, образование слов, лексикография; метрика и прозаический стиль; латинский язык и становление национальных языков). 2. Теодориканское возрождение (литература [Драконтий] и наука [Боэций, Кассиодор, Исидор Севильский]: традиции и новации). 3. «Темные» века: мировоззрение и образование (на примере естественнонаучных и дидактических сочинений Беды («О природе вещей», «Комментарий на ‘Апокалипсис’», «Об орфографии»). Общее и особенное в античной комментаторской и раннесредневековой глоссографической традициях. Средневековые глоссарии. Этапы эволюции средневековых глосс. 4. Каролингское возрождение: основные представители (Алкуин, Фридугис, Эйнхард, Дунгал, Валафрид Страб, Серват Луп, Рабан Мавр, Эриугена, Ремигий) и их тексты. Литература и наука в эпоху Каролингов. Методы и способы комментирования и анализа античных текстов каролингскими учеными. Синтез грамматического анализа, теологии и логики в работах каролингских авторов (Алкуин, Годскалк). Средневековое образование и античные традиции в дисциплинах тривия и квадрия (Рабан Мавр). Школьные тексты и комментаторская традиция. Использование ‘Ars Grammatica’ До-

ната в Средние века и грамматическая традиция (Седулий Скотт, Ремигий). Средневековые академические кружки (Карла Великого, Карла Лысого) и культурные центры (Школа в Лане, Скрипторий в Корби). Традиция переписывания и распространения школьных текстов (на примере Сервата Лупа). Становление «новых» интеллектуальных традиций (на примере франкской идеологии): способы конструирования истории и способы передачи прошлых событий авторами эпохи Каролингов; идеологическая составляющая; создание мифа о Карле Великом.

IV. Сосуществование интеллектуальных традиций в Средние века: общее и особенное. Глоссографическая, комментаторская, теологическая, натурфилософская, грамматическая, поэтическая традиции: общее и особенное. Взаимопроникновение традиций (на анализе сочинений Беда, Ремигия, Эриугены). 1. Беда. Экзегетические сочинения (комментарии и гомилии). Риторико-грамматические и натурфилософские сочинения («Об орфографии», «О метрическом искусстве», «О фигурах и тропах священного писания», «О природе вещей»). Исторические и агиографические сочинения («Церковная история англов», «Житие святых аббатов Вермута и Ярроу»), поэтические сочинения («Книга гимнов», «Книга эпиграмм»), молитвы, письма. 2. Ремигий («Комментарий на ‘Ars grammatica’ Доната»). 3. Эриугена («Гомилия на ‘Евангелие от Иоанна’», «Примечания к Марциану», «Перифюсеон»). Античные элементы научного знания, воспринятые в эпоху Каролингов (слово и точные языковые формулы; категории и вопросы логики; рассуждения о душе; природа «ничто»).

V. Преемственность и разрывы в интеллектуальных традициях Античности и Средних веков (на примере воображаемого; культа героев и святых). 1. Воображаемое. А) Возникновение науки о снах и сновидениях в Древней Греции (Демокрит, Гиппократ, Аристотель). Б) Античная традиция объяснения и изучения снов (первые сонники; «Онейрокритика» Артемидора). В) Различные классификации снов и попытки их систематизации. Г) Традиция восприятия снов и сновидений в Поздней Античности (дискуссии о снах: Макробий и Артемидор; Макробий, Цицерон и Филон; Макробий и Тертуллиан; Макробий и Калкидий). Д) Сны — сновидения — видения в Средние века: традиция восприятия сно-

видений. Средневековые способы и принципы систематизации и классификации видений, основанные на текстах предшествующих авторов («Карловы книги», «Видение Веттина» Хейтона и Валафрида Страба, «Жизнь Хатмоды» Агия, «Философия мира» Гильома из Конша, «Поликратик» Иоанна Солсберийского). Литературная традиция описания сновидений («Роман о розе» Гийома де Лорриса и Жана де Мёна, поэмы Джеффри Чосера). 2. Культ героев и святых. Мир «живых» и «мертвых». Традиция почитания героев в Античности и святых в Средние века. «Святость» в Поздней Античности и раннем Средневековье (герои и боги). Идеологическая составляющая культа святых в Средние века. Перенесение мощей как стимул экономического подъема отдельной местности (на примере Франкского государства). Способы «добывания» останков святых. Идеологическое и экономическое значение переноса останков святых на территорию Франкского государства. Описания переноса святых каролингскими авторами; укрепление идеологии о культе святого; чудеса: их фиксация и восприятие (на примере трактата Эйнхарда «О перенесении мощей Марцеллина и Петра»).

VI. Заключение. Место интеллектуальных традиций в европейском гуманитарном знании. Роль античных и средневековых ученых в развитии науки.

Образовательные технологии

Лекции: проблемные, лекции-визуализации, лекции-беседы, лекции с применением техники обратной связи.

Практическое занятие, направленное на работу с латинскими текстами.

Семинары: развернутая беседа на основании плана, предложенного преподавателем; чтение отдельных фрагментов текстов, их анализ и обсуждение.

Доклады по выбранным темам (с подготовкой письменной работы) с обсуждением.

Курс предполагает: а) использование обучающимися в рамках самостоятельной работы сети Интернет и иных информационных технологий для поиска и анализа информации; б) работу с электронными базами данных.

Критерии оценки: корректная формулировка цели и задачи работы; полнота раскрытия темы; правильность выбора методов

исследования; четкость изложения и корректность выводов, уместное оперирование терминологией, использование источников (в т.ч. оригинальных текстов), исследовательской литературы, не включённой в основной список (в т.ч. литературы на иностранных языках), качество ответов на вопросы аудитории, соблюдение регламента презентации.

Оценочные средства для текущего контроля успеваемости, промежуточной аттестации по итогам освоения дисциплины и учебно-методическое обеспечение самостоятельной работы студентов

Текущий контроль успеваемости студентов проводится в форме подготовки к практическому и семинарским занятиям (1+4 занятий — 6 баллов (максимум) по каждому; максимальная сумма баллов — 30), доклада-презентации с подготовкой письменной работы (1 доклад-презентация — 25 баллов максимум), письменная (зачетная) работа по основным проблемам курса (максимально — 45 баллов).

Промежуточные аттестации проводятся в рамках семинарских и практических занятий по результатам ответов и выступлений обучающихся. Итоговая аттестация — в форме зачёта (с подготовкой письменной работы). Для получения зачёта необходимо получить минимум 60 баллов из 100. Студенты, не набравшие необходимый минимум баллов, сдают устный зачёт по контрольным вопросам.

Контрольные вопросы

1. Своды античного знания (на примере Калкидия, Макробия, Марциана Капеллы — по выбору учащегося).

2. Комментаторская традиция в Поздней Античности (на примере Макробия).

3. Грамматическая традиция Античности и раннего Средневековья (на примере Доната и его продолжателей).

4. Глоссографическая традиция раннего Средневековья (на примере Беды).

5. Становление «новых», средневековых интеллектуальных традиций (на примере франкской идеологии).

6. Преемственность и разрывы в интеллектуальных традициях Античности и Средних веков (на примере «воображаемого»).

7. Преемственность и разрывы в интеллектуальных традициях Античности и Средних веков (на примере культа героев и святых).

8. Традиции и новаторство в образовании эпохи Каролингов.
9. Систематизация предшествующего знания (на примере Макробия, Исидора Севильского).
10. Античные традиции в научном знании эпохи Каролингов (проблема «ничто» у Фридугиса).
11. Античные традиции в научном знании эпохи Каролингов («мироздание» у Эриугены).
12. Элементы античного знания в натурфилософской традиции раннего Средневековья (на примере Эриугены).
13. Культ святых в эпоху Каролингов и его связь с культом героев в Античности (на примере «О перенесении мощей» Эйнхарда).
14. Теодориканское возрождение: традиции и новации (на примере Кассиодора, Боэция, Драконтия).
15. Мироззрение и образование в «Темные» века и их связь с предшествующей эпохой (на примере естественнонаучных и дидактических сочинений Беды).
16. Этапы эволюции средневековых глосс.
17. Методы и способы анализа античных текстов каролингскими учеными (на примере Годскалка).
18. Образование и античные традиции в дисциплинах тривия и квадривия.
19. Школьные тексты и комментаторская традиция.
20. Деятельность средневековых академических кружков (на примере кружков Карла Великого и Карла Лысого) и культурных центров (Школа в Лане, Скрипторий в Корби).
21. Традиция переписывания и распространения школьных текстов (на примере Сервата Лупа).
22. Новые способы конструирования истории и передачи прошлых событий авторами эпохи Каролингов (на примере Эйнхарда).

Примерные темы письменных работ

1. Интеллектуальная культура эпохи правления Каролингов.
2. «Оракулы Запада»: Калкидий, Макробий, Марциан Капелла, Боэций.
3. Развитие грамматической науки в Средние века: Донат и его трактат 'Ars grammatica'.
4. Натурфилософские теории Макробия о мироздании и душе (на примере «Комментария на 'Сон Сципиона'»).

5. Научное знание в эпоху Каролингов: природа «ничто» у Фридугиса.

6. Представления о сновидениях в Поздней Античности и их восприятие средневековыми авторами (на примере Макробия и Гильома из Конша).

7. Образование и воспитание в Средние века и античные традиции.

8. Идеология и письменная культура в Античности и Средние века (на примере двух текстов по выбору).

**Учебно-методическое
и информационное обеспечение дисциплины**

а) источники

Августин. О Книге Бытия // *Блаженный Августин.* Творения. Том второй. Теологические трактаты / Сост. и подг. текста С.И. Еремеева. СПб. – Киев, 1998. С. 316-673.

Августин. О количестве души // *Блаженный Августин.* Творения. Том первый. Об истинной религии / Сост. и подг. текста С.И. Еремеева. СПб. – Киев, 1998. Ч. 183-263.

Авл Геллий. Аттические ночи. Кн. I–X / Пер. с лат. под общ. ред. А.Я. Тыжова. СПб.: Гуманитарная Академия, 2007.

Авл Геллий. Аттические ночи. Кн. XI–XX / Пер. с лат. под общ. ред. А.Я. Тыжова, А.П. Бехтер. СПб.: Гуманитарная Академия, 2008.

Аноним. Карл Великий и папа Лев (1–176) / Пер. Е. Заруцкой, Н. Клещевой / Ред. М.С. Петровой // *Эйнхард.* Жизнь Карла Великого. М.: Ин-т философии, теологии и истории св. Фомы, 2005. С. 164-187.

Апулей. Метаморфозы / Пер. М.А. Кузьмина / Ред. С.П. Маркиша, А.Я. Сыркина // *Апулей.* Апология. Метаморфозы. Флориды. М.: АН СССР, 1958. С. 99-316.

Арат Солийский. Явления / Пер. с древнегреч. К.А. Богданова. СПб.: Алетей, 2000.

Аристотель. Собрание сочинений в четырех томах. М.: Мысль, 1976–1984.

Афиней. Пир мудрецов. Кн. I–VIII / Пер. с древнегреч. Н.Т. Голинкевича / Ред. М.Л. Гаспарова // *Афиней.* Пир мудрецов в пятнадцати книгах. М.: Наука, 2003.

Афиней. Пир мудрецов. Кн. IX–XV / Пер. с др.-гр. Н.Т. Голинкевича // *Афиней.* Пир мудрецов в пятнадцати книгах. М.: Наука, 2010.

Беда Достопочтенный. Книга о природе вещей (фрагмент) / Пер. с лат. и примеч. Т.Ю. Бородай // Вопросы истории естествознания и техники № 1 (1988). С. 139-153.

Беда Досточтимый. О временах / Пер. с лат., примеч. Т.Ю. Бородай // Сочинения Беда Досточтимого и интеллектуальные традиции его эпохи / Под общ. ред. М.С. Петровой. М.: Аквилон, 2020. С. 70-91.

Беда Досточтимый. О природе вещей / Пер. с лат., примеч. Т.Ю. Бородай // Сочинения Беда Досточтимого и интеллектуальные традиции его эпохи / Под общ. ред. М.С. Петровой. М.: Аквилон, 2020. С. 40-70.

Беда Досточтимый. О правописании (О буквах; А–В–С) / Пер. с лат, примеч. М.С. Петровой // Интеллектуальные традиции в прошлом и настоящем 1 (2012). С. 64-101.

Беда Досточтимый. Об искусстве стихосложения / Пер. с лат., примеч. И.В. Пролыгиной // Сочинения Беда Досточтимого и интеллектуальные традиции его эпохи / Под общ. ред. М.С. Петровой. М.: Аквилон, 2020. С. 167-211.

Беда Досточтимый. О фигурах и тропах Священного Писания / Пер. с лат., примеч. И.В. Пролыгиной // Сочинения Беда Досточтимого и интеллектуальные традиции его эпохи / Под общ. ред. М.С. Петровой. М.: Аквилон, 2020. С.212-228.

Беда Преподобный. Жизнеописание пяти отцов-настоятелей. Кн. I–II / Пер. с лат. и примеч. М.Р. Ненароковой // Интеллектуальные традиции Античности и Средних веков (исследования и переводы) / Ред. М.С. Петровой. М.: Кругъ, 2010. С. 541-564.

Бозций. Утешение философией / Пер. В.И. Уколовой // *Бозций*. Утешение философией и другие трактаты. М.: Наука, 1990. С. 190-312.

Валафрид Страб. Пролог (с параллельным латинским текстом) / Пер. с лат. М.С. Петровой // *Эйнхард*. Жизнь Карла Великого. М.: Ин-т философии, теологии и истории св. Фомы, 2005. С. 46-47.

Вергилий. Буколики. Георгики. Энеида. М.: Художественная литература, 1979.

Гай Светоний Транквилл. Жизнь двенадцати Цезарей / Пер. М.Л. Гаспарова. М.: Наука, 1993.

Гервард. Посвящение Людовику (с параллельным латинским текстом) / Пер. с лат. М.С. Петровой // *Эйнхард*. Жизнь Карла Великого. М.: Ин-т философии, теологии и истории св. Фомы, 2005. С. 48-49.

Гесиод. Теогония / Пер. В.В. Вересаева, О.П. Цыбенко // *Гесиод*. Полное собрание текстов. М.: Лабиринт, 2001. С. 21-51.

Гомер. Илиада / Пер. Н.И. Гнедича. Л.: Наука, 1990.

Гомер. Одиссея / Пер. В.А. Жуковского. М.: Наука, 2000.

Донат. Краткая наука о частях речи (с параллельным латинским текстом) / Пер. с лат. М.С. Петровой // *Диалог со временем 1* (1999). С. 306-334.

Донат. «Наука грамматики»: О частях речи (II. 1.), Об имени (II. 2) / Пер. с лат. и примеч. М.С. Петровой // *Диалог со временем*. 2011. 35. С. 312-331.

Донат. «Наука грамматики»: О звуке (I. 1.), О букве (I. 2.), О слоге (I. 3.), О стихотворных стопах (I. 4.), Об ударениях (I. 5.), О положениях (I. 6.) / Пер. с лат. и примеч. М.С. Петровой // *НУРОТНЕКАИ*. Журнал по истории античной педагогической культуры. 2021. 5: Учебные тексты в Античности. С. 86-99.

Донат, грамматист Города Рима. «Грамматическая наука»: О варваризме (III. 1.), О солецизме (III. 2.), О других погрешностях в речи (III. 3.), О метаплазме (III. 4.) / Пер. с лат. и примеч. М.С. Петровой // *Диалог со временем*. 2023. 82. С. 376-385.

Донат, грамматист Города Рима. «Грамматическая наука»: III. 5. О риторических фигурах (*De schematibus*) / Пер. с лат. и примеч. М.С. Петровой // *Диалог со временем*. 2024. 86. С. 382-393.

Досточтимый Беда. Гомилия на праздник благовещения всеблаженной Богородицы Марии / Пер. с лат. и примеч. М.Р. Ненароковой // *Альфа и Омега 4 / 18* (1998). С. 247-254.

Досточтимый Беда. Житие блаженного Феликса / Пер. с лат. и прим. М.Р. Ненароковой // *Диалог со временем 8* (2002). С. 431-444.

Иоанн Скотт (Эриугена). Гомилия на Пролог Евангелия от Иоанна (с параллельным латинским текстом) / Пер. с лат. В.В. Петрова. М.: ГЛК, 1995.

Исидор Севильский. Этимологии, или Начала в XX книгах. Кн. I–III: семь свободных искусств / Пер. с лат. Л.А. Харитоновна. СПб.: Евразия, 2006.

Лукреций Кар Тит. О природе вещей / Пер. с лат. Ф.А. Петровского. М.: АН СССР, 1958.

Луций Анней Сенека. Нравственные письма к Луцилию / Пер. С.А. Ошерова. М.: Ладомир – Наука, 1993 (репринт. воспр. 1977).

Макробий. Комментарии на ‘Сон Сципиона’. Кн. I: гл. 1–4, 8–14 и 17; Кн. II: гл. 12–13 и 17 (с параллельным латинским текстом) / Пер. с лат. М.С. Петровой // *Петрова М.С.* Макробий Феодосий и представления о душе и о мироздании. М.: Кругъ, 2007. С. 173–321.

Макробий Феодосий. Сатурналии / Пер. с лат. и древнегреч. В.Т. Звиревича / Общ. ред., составл. М.С. Петровой. М.: Кругъ, 2013 [М.: Аквилон, ²2022; М.: Альма Матер, ³2024].

Марциан Капелла. Бракосочетание Филологии и Меркурия / Пер. и коммент. Ю.А. Шахова / Ред. А.К. Гладков. СПб.: Петроглиф, 2019.

Овидий. Метаморфозы. М.: Художественная литература, 1977.

Петроний. Сатирикон / Пер. А.К. Гаврилова, Б.И. Ярхо // *Римская сатира.* М.: Художественная литература, 1989. С. 131–235.

Платон. Собрание сочинений в четырех томах. М.: Мысль, 1990–1994.

Плиний Младший. Письма / Пер. с лат. М.Е. Сергеевко, А.И. Доватура // Письма Плиния Младшего. Книги I–X. М.: Наука, 1982.

Плутарх. Застольные беседы. Л.: Наука, 1990.

Плутарх. Сравнительные жизнеописания в двух томах / Изд. подг. С.С. Аверинцев, М.Л. Гаспаров, С.П. Маркиш. М.: Наука, 1994.

Рабан Мавр. Эпитафия Эйнхарду (с параллельным латинским текстом) / Пер. с лат. М.С. Петровой // *Эйнхард.* Жизнь Карла Великого. М.: Ин-т философии, теологии и истории св. Фомы, 2005. С. 152–153.

Светоний. О грамматиках и риториках / Пер. М.Л. Гаспарова // *Гай Светоний Транквилл.* Жизнь двенадцати Цезарей. М.: Наука, 1993. С. 220–331.

Фридугис. О субстанции ничто и тьмы / Пер. с лат. В.В. Петрова // Историко-философский ежегодник 96. М.: Наука, 1997. С. 108–115.

Цицерон. О государстве / Пер. с лат. В.О. Горенштейна // *Цицерон.* Диалоги: О государстве. О законах. М.: Ладомир – Наука, 1994.

Цицерон. О дивинации / Пер. с лат. М.И. Рижского // *Цицерон.* Философские трактаты. М.: Наука, 1985. С. 191-298.

Цицерон. Об ораторе / Пер. Ф.А. Петровского // *Цицерон.* Три трактата об ораторском искусстве. М.: Наука, 1972.

Эйнхард. Жизнь Карла Великого (с параллельным латинским текстом) / Пер. с лат. М.С. Петровой. М.: Ин-т философии, теологии и истории св. Фомы, 2005. С. 50-151.

Эйнхард. Перенесение мощей и чудеса святых Марцеллина и Петра. Кн. I / Пер. с лат. М.С. Петровой // Средние века 65 (2004). С. 295-310.

б) исследования, монографии, статьи

Арьес, Филипп. Человек перед лицом смерти. М.: Прогресс, 1992.

Бицилли П. М. Элементы средневековой культуры. СПб., 1995.

Бородай Т. Ю. De natura rerum (Предисловие к переводу) // Вопросы истории естествознания и техники № 1 (1988). С. 139-153.

Браун, Питер. Культ святых. Его становление и роль в латинском христианстве. М.: Росспэн, 2004.

Васильева Т. Философия и поэзия перед загадкой природы // *Тит Лукреций Кар.* О природе вещей. М., 1983. С. 5-24.

Васильева Т.В. Афинская школа философии: Философский язык Платона и Аристотеля. М., 1985.

Гараджа А.В. Халкидий о демонах: фрагменты «Комментария на Тимей Платона» (перевод и комментарии) // СХОЛН. Философское антиковедение и классическая традиция 17.2 (2023). С. 1109-1121.

Голенищев-Кутузов И.И. Средневековая латинская литература. М., 1972.

Горелов М.М. Войны Карла Великого: создание империи // Карл Великий. Реалии и мифы. М., 2000. С. 25-44.

Дюби, Жорж. Трехчастная модель или представления средневекового общества о самом себе. М., 2000.

Зверева В.В. Беда Достопочтенный в историографической культуре XIX–XX вв.: четыре интерпретации // Диалог со временем 1 (1999). С. 250-265.

Зверева В.В. Христианизация Британии в сочинениях Беда Достопочтенного // Средние века 63 (2002). С. 218-240.

Зверева В.В. «Новое солнце на Западе»: Беда Достопочтенный и его время. М.: Алетейя, 2008.

Карсавин Л.П. Культура Средних веков. Киев, 1995.

Кёнигсбергер Г. Средневековая Европа 400–1500 годы. М., 2001.

Киселева Л.И. Письмо и книга в Западной Европе в Средние века. СПб., 2003.

Ле Гофф, Жак. Цивилизация средневекового Запада. М., 1992.

Ле Гофф, Жак. Другое средневековье. Время, труд и культура Запада. М.: 2000.

Левандовский А.П. Карл Великий: через империю к Европе. М., 1995.

Лосев А.Ф. Эстетическая терминология Платона // Из истории эстетической мысли древности и средневековья / Отв. ред. В.Ф. Берестнев. М., 1961. С. 17-62.

Лосев А.Ф. Творчество Бозция как переходный антично-средневековый феномен (некоторые уточнения) // Западноевропейская средневековая словесность. М., 1985.

Лот, Фердинанд. Последние Каролинги. СПб., 1999.

Майоров Г.Г. Формирование средневековой философии. М., 1979.

Майоров Г.Г. Северин Бозций и его роль в истории западноевропейской культуры // Вопросы философии 4 (1981).

Майоров Г. Г. Судьба и дело Бозция // *Бозций*. “Утешение Философией” и другие трактаты. М., 1990.

Марру А-И. История воспитания в Античности (Греция) М.: ГЛК, 1998.

Мельникова Е.А. Образ мира. М., 1998.

Миллер Т.А. Литературная критика поэзии Вергилия в период «языческого возрождения»: Сервий, Макробий // Очерки истории римской литературной критики. М.: АН СССР, 1963. С. 283-306.

Ненарокова М.Р. Досточтимый Беда — ритор, агиограф, проповедник. М.: ИМЛИ РАН, 2003.

Ненарокова М.Р. Текст и его источник: Беда и его Жизнеописание пяти отцов настоятелей // Интеллектуальные традиции Античности и Средних веков (исследования и переводы) / Ред. М.С. Петрова. М.: Кругъ, 2010. С. 512-540.

Петров В.В. Эпилог *Aulae sidereae* Иоанна Скотта (vv. 72-101) и предшествующая поэтическая традиция // Диалог со временем 1 (1999). С. 46-59.

Петров В.В. Каролингские школьные тексты: глоссы из круга Иоанна Скотта и Ремигия из Осерра // Философия природы в Античности и в Средние века. М.: Прогресс-Традиция, 2000. С. 530-591.

Петров Ф.В. Мужское и женское в учении Августина о душе // Адам & Ева (Альманах гендерной истории) 16 (2008). С. 7-14.

Петров Ф.В. Учение о душе у Кассиодора и его зависимость от Августина // Диалог со временем 26 (2009). С. 63-93.

Петров Ф.В. Земные существа Универсума Августина // Диалог со временем 87 (2024). С. 147-154.

Петрова М.С. Грамматическая наука в поздней античности и в средние века. *Arg Minog* Доната // Диалог со временем 1 (1999). С. 295-305.

Петрова М.С. Эйнхард — биограф Карла Великого // Карл Великий. Реалии и мифы. М., 2000. С. 57-74.

Петрова М.С. Эйнхард и его святые мертвецы // Средние века. Вып. 65. М.: Наука, 2004. С. 289-295.

Петрова М.С. Каролингские ритмы (к публикации фрагмента поэмы «Карл Великий и папа Лев» III, 1–176) // Диалог со временем 14 (2005). С. 347-351.

Петрова М.С. Макробий Феодосий и представления о душе и о мироздании в Поздней Античности. М.: Кругъ, 2007.

Петрова М.С. История частной жизни: Эйнхард и Имма // Диалог со временем 23 (2008). С. 24-31.

Петрова М.С. Донат: жизнь, эпоха и интеллектуальное окружение // Диалог со временем 22 (2008). С. 80-92.

Петрова М.С. Эйнхард и власть: жизнь при дворе // Адам и Ева. Альманах гендерной истории 17 (2009). С. 40-51.

Петрова М.С. Рецепция «Грамматической науки» Элия Доната Кассиодором, Исидором Севильским и Бедой // Восточная Европа в древности и средневековье. Автор и его источник: восприятие, отношение, интерпретация. XXI Чтения памяти члена-корреспондента В. Т. Пашуто. Москва 14-17 апреля 2009. Мат. конф. М.: ИВИ РАН, 2009. С. 259-263.

Петрова М.С. Рецепция Донатовой *Ars grammatica* Кассиодором Сенатором // Диалог со временем 28 (2009). С. 196-207.

Петрова М.С. Восприятие латинского грамматического знания русской ученостью в XVI веке (на примере Дмитрия Герасимова и других...) // Диалог со временем 34 (2011). С. 311-364.

Петрова М.С. Государство и власть: частная жизнь Карла Великого и членов его семьи // Адам и Ева. Альманах гендерной истории 20 (2012). С. 65-82.

Петрова М.С. Риторико-грамматические работы Беды Достопочтимого в контексте лингвистического знания Поздней Античности и раннего Средневековья // Интеллектуальные традиции в прошлом и настоящем 1 (2012). С. 36-63.

Петрова М.С. Солнечный монотеизм у Макробия // PLATONIKA ZHTHMATA. Исследования по истории платонизма. М.: Кругъ, 2013. С. 226-239.

Петрова М.С. Представления платоников о делении мира в изложении латинского энциклопедиста Макробия // Диалог со временем 50 (2015). С. 139-151.

Петрова М.С. Учебные тексты и грамматическая наука на рубеже Античности и Средневековья // Диалог со временем 51 (2015). С. 110-132.

Петрова М.С. *Ars grammatica* Доната и образовательные практики Поздней Античности: Сергей — Кледоний — Помпей // НУРОТНЕКАИ. Журнал по истории античной педагогической культуры 3: Образование в Поздней Античности (2019). С. 60-86.

Петрова М.С. О Донатовой “*Ars Grammatica*” и заглавиях ее частей // Интеллектуальные традиции в прошлом и настоящем 5 (2020). С. 134-144.

Петрова М.С. Дмитрий Герасимов и его последователи о местоимении // Новая и Новейшая история 66 / 2 (2022). С. 145-169.

Петрова М.С. Дмитрий Герасимов и его последователи о глаголе // RussianStudiesHu 1 (2024). С. 185-210.

Попов И.В. Личность и учение блаженного Августина (фрагменты) // Августин. Pro et Contra. СПб.: РХГИ, 2002. С. 1-143.

Скворцов К.И. Августин Иппонийский как психолог // Августин. Pro et Contra. СПб.: РХГИ, 2002. С. 1-70.

Тейс Лоран. Наследие Каролингов: IX–X века М., 1993.

Уколова В.И. Боэций и средневековая культура // Византийский временник 43 (1982). С. 286-288.

Уколова В.И. «Последний римлянин» Боэций. М., 1987.

Уколова В.И. Макробий и его «Сатурналии» // Культура и общественная мысль: Античность. Средние века. Эпоха Возрождения. М.: Наука, 1988. С. 50-56.

Уколова В.И. Античное наследие и культура раннего средневековья. М.: 1989.

Уколова В.И. Поздний Рим. Пять портретов. М.: Наука, 1992.

Фокин А.Р. Аврелий Августин // Православная энциклопедия. Т. 2. Церковно-научный центр, 2001. С. 93-106.

Фокин А.Р. Беда Достопочтенный // Православная Энциклопедия. М., 2002. Т. IV. С. 426-432.

Хейзинга, Й. Осень средневековья. М., 1988.

Шервинский С. Вергилий и его произведения // Вергилий. Буколики. Георгики. Энеида. М., 1971. С. 5-26.

в) хрестоматии; сборники фрагментов оригинальных текстов

Антология педагогической мысли христианского Средневековья в 2-х тт. / Сост. В.Г. Безрогов, О.И. Варьяш. М., 1994.

Антология педагогического наследия Древней Греции и Древнего Рима / Авт.-сост. В.К. Пичугина, В.Г. Безрогов / Под ред. В.К. Пичугиной. М., 2018.

Антология педагогического наследия Средних веков, Возрождения и Реформации / Авт.-сост. В.В. Рыбаков, В.Г. Безрогов, В.К. Пичугина / Под ред. В.Г. Безрогова, В.В. Рыбакова. М., 2021.

Антология педагогического наследия Европы XVII–XIX веков / Сост. В.К. Пичугина, А.Ю. Можайский, К.Ю. Милованов / Под общ. ред. В.К. Пичугиной. М., 2025.

Памятники средневековой латинской литературы IV–VII вв. М., 1998.

Памятники средневековой латинской литературы IV–XI вв. М., 1970.

Памятники средневековой латинской литературы X–XII вв. М., 1972.

Хрестоматия по истории средних веков в 2-х тт. / Под ред. С.Д. Сказкина. М., 1961–1963.

г) *электронные ресурсы* (март, 2026)

(отсутствующие в Интернете оригинальные тексты для чтения; критические издания предоставляются преподавателем)

— библиотека латинских текстов —

<http://www.thelatinlibrary.com/>

— библиотека античных и средневековых текстов —

<http://www.intratext.com/latina/>

— коллекция средневековых манускриптов — <http://bookline-03.valenciennes.fr/bib/fondsvirtuels/Cataloguemanuscrits/introd.asp>

д) *электронные базы данных* (март, 2026)

— Patrologia Latina Database — http://www.documentacatholicaomnia.eu/1815-1875_Migne_Patrologia_Latina_01

<http://www.monumenta-germaniae-historica.de/MLT.html>

— Monumenta Germaniae Historica —

http://bsbdmgh.bsb.lrz.de/dmgh_new/

Материально-техническое обеспечение дисциплины

Материально-техническое обеспечение дисциплины предполагает доступ к Интернету в аудиторное и внеаудиторное время; использование на занятиях компьютерного проектора и интерактивной электронной доски.

План практических и семинарских занятий

На семинарских и практических занятиях предполагается обсуждение обучающимися сочинений, написанных античными и средневековыми авторами; составление докладов по обсуждаемым проблемам и выполнение заданий, направленных на работу с оригинальными текстами. При подготовке к семинарскому занятию обучающийся должен прочитать текст, ответить на вопросы и составить конспект по тексту, изложив предложенные к обсуждению положения.

1) *Наш инструментарий* (практическое занятие)

Вопросы:

— манускрипты и способы их обозначения;

— методы и способы систематизации манускриптов.

Задание: объяснить принцип составления критического аппарата; уметь прочитать и объяснить аппарат (по 3 страницам издания по выбору).

Источники (предложенные тексты могут быть заменены другими критическими изданиями по желанию обучающихся):

Макробий. Комментарии на ‘Сон Сципиона’. Кн. I: гл. 1–4, 8–14 и 17; Кн. II: гл. 12–13 и 17 (с параллельным латинским текстом и критическим аппаратом) / Пер. с лат. М.С. Петровой // *Петрова М.С.* Макробий Феодосий и представления о душе и о мироздании. М.: Кругъ, 2007. С. 173–321.

Эйнхард. Жизнь Карла Великого (с параллельным латинским текстом и критическим аппаратом) / Пер. с лат. М.С. Петровой. М.: Институт Философии, теологии и истории св. Фомы, 2005. С. 50–151.

2) *Реконструкция представлений Августина о природе мира (по трактату «О Книге Бытия III») и его зависимость от античных представлений* (семинарское занятие)

Задания:

1) Составить конспект, раскрыв следующие положения:

- области мира (высшая и низшая);
- небесные тела и земные существа;
- пространство мира и населяющие его сущности;
- состав нижней области мира;
- обитатели нижней области мира (животные, растения, человек);
- четыре элемента в составе мироздания;
- природа четырех элементов, их смешение;
- связь четырех элементов с человеком и его пятью чувствами;
- связь четырех элементов с животными;

2) Составить схему представлений Августина о мироздании.

Вопросы:

- можно ли «поместить» текст Августина в натурфилософскую традицию Античности / раннего Средневековья;
- каковы античные элементы представлений Августина о мироздании, к каким традициям они восходят.

Источник

Августин. О Книге Бытия. Кн. III, гл. 1–24 // *Блаженный Августин*. Творения. Том второй. Теологические трактаты / Сост. и подг.

текста С.И. Еремеева. СПб. – Киев, 1998. С. 363-385 [Internet: <http://www.ccel.org/contrib/ru/Augustine/content.htm>] (март, 2026).

Литература

Трубецкой Е.Н. Мирозерцание блаженного Августина // *Блаженный Августин.* Творения. Теологические трактаты / Сост. и подг. текста С.И. Еремеева. СПб. – Киев, 1998. Том 2. С. 681-750.

Столяров А.А. Аврелий Августин. Жизнь, учение и его судьба // *Аврелий Августин.* Исповедь / Изд. подг. А.А. Столяров. М., 1991. С. 5-50.

Петров Ф.В. Земные существа Универсума Августина // *Диалог со временем* 87 (2024). С. 147-154.

3) *Реконструкция представлений Августина о душе (по трактату «О количестве души») и его связь с психологическими концепциями античных авторов (семинарское занятие)*

Задание: составить конспект, раскрыв следующие положения:

- душа и способы ее описания;
- происхождение души;
- количество души (способы объяснения и примеры);
- качество души (способы объяснения и примеры);
- душа в теле и вне его (способы объяснения и примеры);
- уровни души.

Вопросы:

— схожие элементы в представлениях о душе у Августина и Кассиодора;

— общее и особенное в психологической концепции Августина с представлениями авторов, принадлежащих языческой традиции;

— христианские элементы в представлениях Августина.

Источник

Августин. О количестве души // *Блаженный Августин.* Творения. Том первый. Об истинной религии / Сост. и подг. текста С.И. Еремеева. СПб. – Киев, 1998. С. 183-263 [Internet: http://aleteia.narod.ru/august/quantity_of_soul.htm] (март, 2026).

Литература

Попов И.В. Личность и учение блаженного Августина (фрагменты) // *Августин. Pro et Contra.* СПб.: РХГИ, 2002. С. 1-143.

Скворцов К.И. Августин Иппонийский, как психолог // *Августин. Pro et Contra.* СПб.: РХГИ, 2002. С. 1-70.

Фокин А.Р. Аврелий Августин // *Православная энциклопедия.* Т. 2. Церковно-научный центр, 2001.

Петров Ф.В. Мужское и женское в учении Августина о душе // *Адам & Ева (Альманах гендерной истории)* 16 (2008). С. 7-14.

Петров Ф.В. Учение о душе у Кассиодора и его зависимость от Августина // *Диалог со временем* 26 (2009). С. 63-93.

4) *Культ святых и житийная литература (на примере «О перенесении мощей и чудесах Марцеллина и Петра» Эйнхарда)* (семинарское занятие)

Задание: составить конспект по следующим положениям:

— способы добывания мощей;

— христианская мораль и перенесение останков святых (способы изложения событий Эйнхардом);

— чудесное и вера в чудеса.

Вопросы:

— каковы связующие элементы античного культа героев и средневекового культа святых;

— роль Каролингов в распространении культа святых;

— средневековые представления о святых, умерших за веру.

Источник

Эйнхард. О перенесении мощей и чудесах Марцеллина и Петра // *Средние века 65* (2004).

Литература

Арьес, Филипп. Человек перед лицом смерти. М.: Прогресс, 1992 [гл. 2. У святых, при церкви; гл. 4. Гарантии для потустороннего мира].

Браун, Питер. Культ святых. Его становление и роль в латинском христианстве. М.: Росспэн, 2004 [гл. 2. «Славное семейное место»; гл. 3. Невидимый спутник].

Петрова М.С. Эйнхард и его святые мертвецы // *Средние века 65* (2004). С. 289-295.

5) *Способы систематизации античного знания (на примере «Комментария на ‘Сон Сципиона’» Макробия)* (семинарское занятие)

Задание: составить конспект, отразив следующие положения:

- систематизация мифов и сказаний;
- систематизация снов и сновидений;
- систематизация добродетелей.

Вопросы:

- античные представления о снах и сновидениях и их трансформация в Средние века;
- античные добродетели и христианская мораль: общее и особенное;
- сказки и сказания в Античности и чудесное в Средние века

Источник

Макробий. Комментарии на ‘Сон Сципиона’ / Пер. с лат. М.С. Петровой // *Петрова М.С.* Макробий Феодосий и представления о душе и о мироздании. М.: Кругъ, 2007. Главы 2, 3 и 8.

Литература

Петрова М.С. Макробий Феодосий и представления о душе и о мироздании. М.: Кругъ, 2007. С. 123-172.

Методические рекомендации по организации самостоятельной работы. Трудоемкость освоения курса составляет 72 часа, из них 18 часов аудиторных занятий и 54 часа отводятся на самостоятельную работу обучающегося.

Вид работы	Содержание Основные вопросы	Трудоемкость самостоятельной работы (в часах)	Рекомендации
<i>Подготовка к практическому занятию № 1</i>	Инструментарий. Работа с критическим аппаратом.	6	<i>Список источников:</i> см. раздел Рабочей программы «Планы семинарских занятий» (по теме практического занятия №1). <i>Вопросы для самоконтроля:</i> см. раздел Рабочей программы «Контрольные вопросы».

			Работа с источниками (см. перечень заданий к практическому занятию). Консультация преподавателя.
<i>Подготовка к семинарскому занятию № 2</i>	Реконструкция представлений Августина о природе мира (по трактату «О Книге Бытия III») и его зависимость от ранних авторов	6	<i>Список литературы:</i> см. раздел Рабочей программы «Планы семинарских занятий» (по теме семинарского занятия № 2). <i>Вопросы для самоконтроля:</i> см. Раздел Рабочей программы «Контрольные вопросы». Работа с источниками и литературой (см. перечень заданий к семинарскому занятию). Консультация преподавателя.
<i>Подготовка к семинарскому занятию № 3</i>	Реконструкция представлений Августина о душе (по трактату «О количестве души») и его связь с психологическими концепциями античных авторов	8	<i>Список литературы:</i> см. раздел Рабочей программы «Планы семинарских занятий» (по теме семинарского занятия № 3). <i>Вопросы для самоконтроля:</i> см. Раздел Рабочей программы «Контрольные вопросы». Работа с источниками и литературой (см. перечень заданий к семинарскому занятию). Консультация преподавателя.
<i>Подготовка к семинарскому занятию № 4</i>	Культ святых и житийная литература (на примере «О перенесении мощей и чудесах Марцеллина и Петра» Эйнхарда)	8	<i>Список литературы:</i> см. раздел Рабочей программы «Планы семинарских занятий» (по теме семинарского занятия № 4). <i>Вопросы для самоконтроля:</i> см. Раздел Рабочей программы «Контрольные вопросы». Работа с источниками и литературой (см. перечень заданий к семинарскому занятию). Консультация преподавателя.
<i>Подготовка к семинарскому занятию № 5</i>	Способы систематизации античного знания	8	<i>Список литературы:</i> см. раздел Рабочей программы «Планы семинарских занятий» (по теме семинарского занятия № 5).

<i>занятию № 5</i>	(на примере «Комментария на 'Сон Сципиона'» Макробия)		<i>Вопросы для самоконтроля:</i> см. Раздел Рабочей программы «Контрольные вопросы». Работа с источниками и литературой (см. перечень заданий к семинарскому занятию). Консультация преподавателя.
<i>Подготовка к зачету</i>		18	Написание письменной работы и подготовка к зачету. <i>Темы для письменных работ:</i> см. в соответствующем разделе Рабочей программы. <i>Список источников и литературы:</i> см. соответствующий раздел Рабочей программы. Консультация преподавателя.
<i>Итого по дисциплине</i>		54	

Программа составлена в соответствии с требованиями по направлению 520800 «История».

Разработчик
д.и.н., доц. М.С. Петрова

АВТОРЫ / CONTRIBUTORS

БЕРМУС Александр Григорьевич — доктор педагогических наук, профессор, заведующий кафедрой образования и педагогических наук Южного федерального университета. Область научных интересов: философия и методология образования, теория и практика реформ в общем и педагогическом образовании; управление качеством педагогического образования. Автор более ста тридцати статей, десяти монографий, в том числе «Введение в гуманитарную методологию» (2007), «Модернизация образования: философия, политика, культура» (2008) и др. ORCID 0000-0002-9342-6339 bermous@sfedu.ru

Alexander G. BERMUS is Doctor of Science (Education), Professor, Head of the Department of Education and Pedagogical Sciences at Southern Federal University. His research interests include philosophy and methodology of education, theory and practice of reforms in general and teacher's education; quality management of teacher's training. He is the author of over one hundred and thirty articles, ten monographs, including "Introduction to Humanitarian Methodology" (2007), "Modernization of Education: Philosophy, Politics, Culture" (2008), etc. ORCID 0000-0002-9342-6339 bermous@sfedu.ru

ГВОЗДЕВА Татьяна Борисовна — кандидат исторических наук, доцент кафедры зарубежной литературы Литературного института имени А.М. Горького; доцент кафедры всеобщей истории факультета гуманитарных и социальных наук РУДН. Автор серии работ по истории античных праздников и спорта. ORCID 0000-0003-0400-4589 tbgvozdeva@rambler.ru

Tatiana B. GVOZDEVA is Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of Foreign Literature, Maxim Gorky Institute of Literature and Creative Writing; Associate Professor of the Department of World History, Faculty of Humanities and Social Sciences, Peoples' Friendship University of Russia. Author of a series of works on the history of ancient festivals and sports. ORCID 0000-0003-0400-4589 tbgvozdeva@rambler.ru

КАРГАЛЬЦЕВ Алексей Витальевич — кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры Истории религии и теологии, РГПУ им. А.И. Герцена. Автор серии работ по истории раннего христианства, ответственный редактор научного альманаха «Религия. Церковь. Общество». ORCID 0000-0001-9258-467X E-mail: kargaltsev@gmail.com

Alexey V. KARGALTSEV is Candidate of Historical Sciences, Senior Lecturer at the Department of the History of Religion and Theology, Russian State Pedagogical University named after A.I. Herzen. He is the author of a series of works on the history of early Christianity, executive editor of the interdisciplinary scientific almanac “Religion. Church. Society” ORCID 0000-0001-9258-467X E-mail: kargaltsev@gmail.com

КЛЕЙМЕНОВ Александр Анатольевич — доктор исторических наук, заведующий кафедрой всеобщей истории и археологии Тульского государственного педагогического университета им. Л.Н. Толстого. Область научных интересов — история Македонии эпохи поздних Аргеадов. Автор более 90 статей по различным проблемам военной и политической истории времен Филиппа II и Александра Македонского, в том числе монографии «Стратегическая симфония: Координированное наступление в македонском военном искусстве эпохи Александра Великого» (2019). ORCID 0000-0002-7123-0378 E-mail: alek-klejmenov@yandex.ru

Alexander A. KLEYMEONOV is Doctor of Historical Sciences, Head of the Department of Universal History and Archeology, Leo Tolstoy Tula State Pedagogical University. Research interests: the history of Macedonia in the time of late Argead. The author of more than 90 articles on the Macedonian military and political history of the age of Philip II and Alexander the Great, as well as the monograph “Strategic Symphony: Coordinated attack in Macedonian warfare of the Alexander the Great’s time” (2019). ORCID 0000-0002-7123-0378 E-mail: alek-klejmenov@yandex.ru

ПЕТРОВА Майя Станиславовна — доктор исторических наук, доцент по специальности «Всеобщая история», зав. отделом историко-теоретических исследований Института всеобщей истории Российской академии наук; директор АНО «Институт междисциплинарных исследований науки и образования». Область научных

интересов — интеллектуальная история Античности и Средних веков (IV–IX вв.), история ментальности, идей и понятий, гендерная и социальная история, специальные исторические дисциплины (просопография), историография, источниковедение. Автор более 290 статей, монографий «Просопография как специальная историческая дисциплина: Макробий Феодосий и Марциан Капелла» (2004), «Эйнхард. Жизнь Карла Великого» (2005), «Макробий Феодосий и представления о душе и о мироздании в Поздней Античности» (2007), «Макробий Феодосий. Сатурналии» (в соавторстве с В.Т. Звиревичем, 2013) и др. ORCID 0000-0002-0789-6781 E-mail: beionyt@mail.ru

Maya S. PETROVA is Doctor of Science (History), Assistant Professor in “General History”, head of the department of Historical and Theoretical Research, Institute of World History of the Russian Academy of Science; director, Autonomous non-profit organization “Institute for Interdisciplinary Research of Science and Education”. The fields of her scientific interests are the intellectual history of Antiquity and Middle Ages (IV–IX centuries), the history of mentality, ideas and concepts, gender and social history, special historical disciplines (prosopography), historiography, source study. She is the author of more than 290 articles, the monographs “Prosopography as a special historical discipline: Macrobius Theodosius and Martian Capella” (2004), “Einhardus. The Life of Charlemagne” (2005), “Macrobius of Theodosius and the notions of the soul and the universe in Late Antiquity” (2007), “Macrobius of Theodosius. Saturnalia” (co-authored with V.T. Zvirevich) (2013), et cet. ORCID 0000-0002-0789-6781 E-mail: beionyt@mail.ru

ПИЧУГИНА Виктория Константиновна — доктор педагогических наук, профессор РАО, ведущий научный сотрудник Института образования ВШЭ; научный сотрудник АНО «Институт междисциплинарных исследований науки и образования». Автор научных публикаций об античных образовательных практиках «заботы о себе» и практиках воспитания в античном театре; автор монографий «Антропологический дискурс «заботы о себе» в античной педагогике» (2014 г.), «Марк Туллий Цицерон и современное ему образование: краснеет ли бумага у гуманитария?» (2018 г.), «Куррикулум для героя: Геракл и Ахиллес» (2023 г.). ORCID 0000-0002-1195-725X E-mail: Pichugina_V@mail.ru

Viktoria K. PICHUGINA is Doctor of Science (Education), Professor of the Russian Academy of Education, Leading Researcher of Institute of Education of HSE University; research fellow, Autonomous non-profit organization “Institute for Interdisciplinary Research of Science and Education”. She is the author of scientific publications about the ancient educational practices “care of the self” and practices of upbringing by the ancient theater, as well as the monographs “Anthropological Discourse of ‘Caring of the Self’ in Ancient Pedagogy” (2014), “Mark Tullius Cicero and his Contemporary Education: Does the Humanities Paper Blush?” (2018), “Curriculum for the hero: Heracles and Achilles” (2023). ORCID 0000-0002-1195-725X E-mail: Pichugina_V@mail.ru

СУРИКОВ Игорь Евгеньевич — доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института всеобщей истории РАН. Сфера научных интересов — политическая и культурная история архаической и классической Греции. Автор ряда монографий, в т.ч.: «Остракизм в Афинах» (2006), «Политические деятели Древней Греции» (2 тома, 2019–2020), «Солон и его время» (2 тома, 2022), «“Праотцы истории”: Древнейшие представители античной исторической науки» (2 тома, 2024–2025) и др. ORCID 0000-0002-2603-6146 E-mail: Isurikov@mail.ru

Igor E. SURIKOV — is Doctor of Science (History), chief researcher of the Institute of World History of the Russian Academy of Sciences. The field of his scholarly interests is political and cultural history of Archaic and Classical Greece. He is the author of a number of monographs, among them: Ostracism in Athens (2006), Political figures of Ancient Greece (2 volumes, 2019–2020), Solon and his time (2 volumes, 2022), “Forefathers of history”: The earliest representatives of ancient historical science (2 volumes, 2024–2025), and others. ORCID 0000-0002-2603-6146. E-mail: Isurikov@mail.ru

ГИПОТЕКАИ

ЖУРНАЛ ПО ИСТОРИИ АНТИЧНОЙ
ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ

ВЫПУСК 10

Главный редактор
Виктория Константиновна ПИЧУГИНА

Научное издание

<http://www.hypothekai.ru/index.php/ru/arkhivy-nomerov>

Корректор М.В. Шишкина

Подписано к печати 03. 04. 2026
Формат 60x90/16

Гарнитура Times. Печать офсетная
Усл. печ. л. 15. Тираж 600 экз.

Издательство «Аквилон»
e-mail: aquilopress@gmail.com
сайт: www.aquilopress.ru

Отпечатано с оригинал-макета в типографии
Onebook-ru ООО «САМ ПОЛИГРАФИСТ»
Москва, 109316, Волгоградский пр., дом 42, Технополис МОСКВА
Тел. +7 (495) 545-37-10
Электронная почта: info@onebook.ru
Сайт: www.onebook.ru

В оформлении обложки использован фрагмент краснофигурной вазы V–IV в. до н.э., где сова превращается в Афины (Париж), и итальянская фарфоровая статуэтка XVIII в., где Ахиллес воспитывается кентавром Хироном (Неаполь).

In the design of the cover, a fragment of a red-figured V–IV BC vase, where the owl turns into Athena (Paris), and an Italian porcelain statuette of the XVIII century, where Achilles is educated by the centaur Chiron (Naples), were used.

ISSN 2587–7127